

Министерство образования Республики Беларусь

Учреждение образования
«Гродненский государственный университет
имени Янки Купалы»

ЛИНГВИСТИКА И МЕТОДИКА В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ

Сборник научных работ

ВЫПУСК 16

Гродно
ГрГУ им. Янки Купалы
2024

УДК 81'1:378.016

ББК 81.2-9

Л59

Рекомендовано Советом филологического факультета
ГрГУ имени Янки Купалы

Редакционная коллегия:

Гончар С. В. (отв. ред.), кандидат филологических наук, доцент;

Бутько Е. С., кандидат филологических наук;

Левченко Н. А., кандидат филологических наук;

Лескевич С. Г., кандидат филологических наук, доцент

Рецензенты:

Разводовская Я. В. – кандидат филологических наук,

заведующий кафедрой иностранных языков

(УО «Гродненский государственный медицинский университет»);

Ковальчук О. И. – кандидат филологических наук

(УО «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы»)

Лингвистика и методика в высшей школе : сборник научных работ.
Вып. 16 / Учреждение образования «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы» ; редколлегия: С. В. Гончар (отв. ред.) [и др.]. – Гродно : ГрГУ им. Янки Купалы, 2024. – 175 с. – Деп. в ГрГУ им. Янки Купалы 29.11.2024, № 0029/29112024.

В сборнике рассматриваются лингвистические и методические вопросы преподавания иностранных языков в вузе. Издание адресовано широкому кругу специалистов в области лингвистики и методики преподавания иностранных языков.

УДК 81'1:378.016

ББК 81.2-9

© Учреждение образования

«Гродненский государственный университет

имени Янки Купалы», 2024

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ 1. ЛИНГВИСТИКА В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ

<i>Буцько А. С., Багдзевіч А. І.</i> Міжмоўная аманімія на фразеалагічным узроўні.....	5
<i>Ганчар С. В.</i> Праблема ўзаемаўспрымання культур праз прызму імагалагіі: імагалагічны аспект даследавання стэрэатыпаў.....	10
<i>Дзінгілеўская А. І.</i> Пары словаўтваральных прыметнікаў-паронімаў з дадатковай семантыкай у беларускай літаратурнай мове.....	21
<i>Казлоўскі Р. К.</i> Малая радзіма ў мастацкім асэнсаванні Людмілы Кебіч (паводле зборніка паэзіі «Бэзавы дом»).....	26
<i>Карпук Г. В.</i> Апелляцыі к чувству радості в рекламном дискурсе.....	31
<i>Колесник Д. М., Колесник К. М.</i> Перевод имен собственных с использованием модуляции, калькирования и дословного перевода на примере цикла Рика Риордана «Перси Джексон и олимпийцы».....	35
<i>Левченко Н. А., Дудько А. Д.</i> Фразеологические эвфемизмы в английском языке.....	39
<i>Лисовская И. В.</i> Типичные ошибки в языке и стиле делового письма в английском варианте.....	45
<i>Лукашевич Н. В., Бизня С. И.</i> Немецкие заимствования в современном французском языке.....	50
<i>Матько И. Д.</i> Достижение эквивалентности при переводе юридических текстов.....	56
<i>Мерчи А. П., Костюкевич Я. В.</i> «Разговор глазами»: невербальное общение в романе Николаса Спаркса «Спеши любить».....	62
<i>Рыжкович А. Ч.</i> Смысловые актуализации прилагательного <i>реальный</i> в медиатекстах сетевого издания sb.by.....	67
<i>Сіплівеня Ж. С., Бубновіч І. І.</i> Лексіка твораў Сімяона Полацкага як сродак адлюстравання яго жыццёвых прыярытэтаў.....	72
<i>Сорокина И. В.</i> Текст как транслятор информации о концептосфере и культурных ценностях народа.....	79
<i>Столярова А. Н.</i> Неофраземы русского языка с компонентом-зоонимом... ..	89
<i>Талецкая Т. Н., Пузан Л. В.</i> Прагматика словесного портрета в художественном тексте.....	93

<i>Хлистовская И. С.</i> Тема польской деревни и природы в творчестве Марии Домбровской.....	99
<i>Шаўцова А. А.</i> Уласныя асабовыя імёны ў аповесці Элізы Ажэшкі «Арганаўты».....	108
<i>Якутёнок Н. И.</i> Номинация лиц производными категорий аугментативности и диминутивности в современном немецком языке.....	113
<i>Ясюкевич Е. Н.</i> Семантика побуждения в русских поговорках.....	120

РАЗДЕЛ 2. МЕТОДИКА В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ

<i>Боярчук О. Э., Селицкий В. В.</i> Отбор грамматического материала для обучения студентов неязыковых факультетов устному иноязычному общению.....	124
<i>Быкова О. Н.</i> Использование интернет-ресурсов в процессе обучения иностранному языку: новые горизонты и вызовы.....	129
<i>Грушевская Ж. М.</i> Потенциал проектной деятельности при обучении профессионально-ориентированному иностранному языку студентов таможенного дела.....	134
<i>Дудько А. Д., Левченко Н. А.</i> Кейс-метод как эффективный дидактический инструмент обучения иностранному языку в вузе.....	141
<i>Кавальчук А. І.</i> Выхаваўчы патэнцыял дысцыпліны «Уводзіны ў тэорыю камунікацыі».....	149
<i>Короткевич Ж. А., Лойко М. О.</i> Развитие иноязычной лингвистической компетенции студентов экономических специальностей при работе с аббревиатурами.....	153
<i>Кузнецова М. Н., Лясота О. П.</i> Английский язык для специальности «Архитектура»: обзор учебной литературы.....	159
<i>Курченя Е. Ч., Русецкая Н. И.</i> Обучение грамматической стороне речи как важнейшей составляющей коммуникативной компетенции.....	163
<i>Лескевич С. Г., Сечейко О. Г.</i> Редакционная подготовка изданий переводной литературы в контексте сохранения национально-культурного компонента.....	166
<i>Скоробогатая Т. И.</i> Новые техники визуализации при использовании технологии сторителлинг на уроках иностранного языка.....	172

РАЗДЕЛ 1. ЛИНГВИСТИКА В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ

Буцько Алена Сяргееўна,

дацэнт кафедры замежных моў

УА «Гродзенскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Янкі Купалы»,

кандыдат філалагічных навук;

Багдзевіч Анатоля Іосіфавіч,

дацэнт кафедры англійскай філалогіі

УА «Гродзенскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Янкі Купалы»,

кандыдат філалагічных навук, дацэнт

МІЖМОЎНАЯ АМАНІМІЯ НА ФРАЗЕАЛАГІЧНЫМ УЗРОЎНІ

Рэзюмэ. Артыкул прысвечаны праблеме міжмоўнай фразеалагічнай аманіміі. Закранаюцца пытанні недастатковай даследаванасці з’явы аманіміі на матэрыяле розных моў, праблема тэрміналагічнай стракатасці і неадназначнасці разумення міжмоўнай аманіміі рознымі даследчыкамі, прыводзіцца адна з існуючых класіфікацый міжмоўных фразеалагічных амонімаў і разглядаюцца некаторыя выпадкі такіх адносін на прыкладзе беларускіх і французскіх фразеалагічных адзінак.

Ключавыя словы: фразеалагізм, міжмоўная аманімія, план зместу, план выражэння.

Поўнае супадзенне плана выражэння фразеалагічных адзінак не заўсёды сведчыць пра эквівалентныя адносіны паміж імі. Такія фразеалагізмы могуць істотна разыходзіцца ў плане зместу. «Лагічныя, вобразна-асацыятыўныя працэсы мыслення пры пераасэнсаванні свабодных словазлучэнняў у сваіх праявах могуць мець неаднолькавую вектарнасць, што прыводзіць да фарміравання несуднасных значэнняў» [Даніловіч 2011 : 62]. Такія адносіны паміж фразеалагічнымі адзінкамі звычайна называюцца «фразеалагічнай аманіміяй».

Праблема ўнутрымоўнай фразеалагічнай аманіміі даўно з’яўляецца аб’ектам увагі мовазнаўцаў, хоць яны і адзначаюць, што аманімія фразеалагічных адзінак адной і той жа мовы – з’ява даволі рэдкая. Згодна з вынікамі Ю. А. Даўгаполава [Долгополов 1973], Н. М. Кірылавай [Кириллова 1997], Д. А. Скарабутова [Скоробутов 2004] і інш. зусім іншая тэндэнцыя адзначаецца на міжмоўным узроўні. Пры гэтым на сённяшні дзень існуе нешматлікая колькасць даследаванняў, прысвечаных аналізу такіх фразеалагізмаў.

У якасці найбольш падрабязнага можна адзначыць дысертацыйнае даследаванне К. Ч. Кусалья «Русско-польская межъязыковая омонимия и паронимия» [Кусаль 2005], дзе аўтар разглядае аманімічныя фразеалагізмы з дзвюх пазіцый: унутрыўзроўневай і міжўзроўневай. Унутрыўзроўневая аманімія – гэта аманімія ўласна фразеалагічных адзінак, якая ахоплівае тыя выпадкі, калі абсалютна тоесныя ў плане выражэння фразеалагізмы не супадаюць у плане зместу. Кожны з іх у сваёй мове мае самастойнае значэнне. Міжузроўневая (або рознаўзроўневая) аманімія назіраецца ў выпадку аманімічнага супрацьпастаўлення фразеалагізмаў і свабодных спалучэнняў слоў. У выніку ўзнікае аманімічная сістэма, члены якой (фразеалагізм і свабоднае словазлучэнне) належаць да розных моўных узроўняў (фразеалагічнага і сінтаксічнага адпаведна) [Кусаль 2005 : 126].

Перш за ўсё варта ўдакладніць само паняцце міжмоўнай аманіміі. Яго разуменне характарызуецца неадназначнасцю, пра што сведчыць стракатасць тэрміналагічнага абзначэння: «таўтонімы» [Lipczuk 1988 : 387–393], «каварныя словы» [Pancikova 1993 : 104], «міжмоўныя аналагізмы» [Готлиб 1966 : 49], «міжмоўныя адносныя сінонімы» [Акуленко 1969 : 372], «міжмоўная (двухмоўная) полісемія» [Борисенко 1990 : 5; Гольцекер 1971 : 129–136; Затовканюк 1973 : 559], «міжмоўныя псеўдаэквіваленты» [Кулік 2016 : 53]. Такая разнароднасць тэрміналагіі паказвае на неаднолькавае тлумачэнне даследчыкамі самой з’явы міжмоўнай аманіміі, а таксама на розны падыход да вызначэння яе статусу і межаў.

Пад міжмоўнымі фразеалагічнымі амонімамі мы разумеем разнамоўныя фразеалагізмы з поўным паралелізмам плана выражэння і абсалютным ці частковым разыходжаннем плана зместу. Як слушна заўважае Ю. П. Саладуб, міжмоўная фразеалагічная аманімія «...носіць умоўны характар, паколькі катэгарыяльная прымета амонімаў – поўнае супадзенне гукавай формы слоў пры наяўнасці зусім розных, несупастаўляльных значэнняў праяўляецца на матэрыяле разнамоўных фразеалагічных адзінак толькі апасродкавана, у выніку літаральнага (пакампанентнага) перакладу гэтых адзінак на адну з супастаўленых моў» [Солодуб 1985 : 103].

Важным аспектам пры вывучэнні міжмоўных амонімаў з’яўляецца фактар роднасці моў, да якіх належаць адзінкі. Так, даследчык руска-чэшскіх фразеалагічных амонімаў Н. Д. Ігнацьева адзначае наступнае: «Адрозненне звязана з тым, што большасць міжмоўных амонімаў і паронімаў у блізкароднасных мовах выклікана распадам полісеміі або вынікам пашырэння / звужэння значэння адзінкі...» [Игнатъева 2016 : 22–23].

У гэтым артыкуле мы разгледзім некаторыя выпадкі ўнутрыўзроўневых фразеалагічных амонімаў у беларускай і французскай мовах.

Прыкладам такіх адносін з'яўляецца пара фразеалагізмаў бел. *наварочвацца спінай* – ‘праяўляць поўную абыякавасць да каго-н., пераставаць звяртаць увагу на каго-н.’ і фр. *tourner le dos* (тут і далей у дужках прыводзіцца літаральны пераклад французскіх фразеалагізмаў: *наварочвацца спінай*) – ‘не хацець размаўляць з кім-н., мець дачыненне да каго-н.’ У аснове беларускага фразеалагізма – метафара перарывання кантакту; выяўленне пагардлівай абыякавасці да з’яў і людзей прыпадабняецца да размяшчэння ў прасторы спінай да аб’екта, што сімвалізуе ацэнку апошняга як таго, што не заслугоўвае ўвагі. Фразеалагізм у цэлым адлюстроўвае стэрэатыпнае ўяўленне пра праяву раўнадушнасці, пагарды да чалавека, яго праблем, а таксама да з’яў, падзей, ідэй. Французскі фразеалагізм упершыню быў выкарыстаны ў «Песні пра Раланда», але меў іншае значэнне – ‘уцякаць, збягаць’. Пазней пачалі выкарыстоўваць выраз *faire tourner le dos* (*прымусяць наварнуцца спінай*), што значыла ‘прымусяць каго-н. уцякаць’ ці ‘прымусяць адварнуцца ад каго-н.’ Але ў XVII ст. фразеалагізм вярнуўся да сваёй першапачатковай формы *tourner le dos*, а яго значэнне трансфармавалася ў ‘не хацець мець дачынення да каго-н.’, з якім ён выкарыстоўваецца па сённяшні дзень [L’Internaute. Expressions]. І беларускі, і французскі фразеалагізмы ўсведамляюцца як матываваныя, але вобразна-асацыятыўнае перасэнсаванне свабодных словазлучэнняў, ад якіх яны паходзяць, пайшло рознымі шляхамі ў свядомасці носбітаў беларускай і французскай моўных культур.

Яшчэ адна пара беларуска-французскіх фразеалагічных амонімаў – бел. *глядзець коса* – ‘з незадавальненнем адносіцца да каго-н.’ і фр. *regarder de travers* (*глядзець коса*) – ‘ставіцца да каго-н. варожа, з падазронасцю’. Гэтыя аднолькавыя ў плане выражэння адзінкі не з’яўляюцца тоеснымі з боку значэння, хоць абедзве адлюстроўваюць непряцельскія адносіны.

Іншыя паралелі беларуска-французскіх амонімаў уключаюць:

бел. *падаць на калені* – ‘уніжана прасіць аб чым-н.’ і фр. *tomber à genoux* (*падаць на калені*) – ‘адчуваць захапленне, зачараванне кім-н.’;

бел. *скрыжоўваць мячы* (*шагі*) – ‘горача спрачацца, даказваць, змагаючыся за што-н., адстойваючы чые-н. інтарэсы’ і фр. *croiser le fer* (*скрыжоўваць меч*) – ‘біцца, змагацца, мерацца сіламі з праціўнікам’;

бел. *за жывое браць* (*кранаць*) – 1) ‘дзеінічаць на самалюбства, гордасць’; 2) ‘моцна хваляваць, зачапіўшы што-н. важнае, балючае’ і фр.

piquer (atteindre, toucher) dans le vif (джалиць (кранаць) за жывое) – ‘моцна ўздзейнічаць, злаваць, раздражняць каго-н.’;

бел. *у цені (у ценю, у цяньку)* – 1) ‘непрыкметным, непрыкмечаным (быць, заставацца, трымацца і пад.)’; 2) ‘без асаблівай увагі, на другім плане’ (трымаць, пакідаць каго-н.) і фр. *à l’ombre (у ценю)* – ‘пад чыёй-н. аховай’.

Міжмоўная аманімія як з’ява характарызуецца адсутнасцю сістэмнага характару. Такія адпаведнасці ўяўляюць сабой выпадковыя знешнія супадзенні, чым і тлумачыцца нешматлікасць такіх адносін у параўнанні з іншымі тыпамі міжмоўных фразеалагічных суадносін (поўныя і частковыя эквіваленты, розныя тыпы аналагаў). Аднак такія адзінкі могуць выклікаць інтэрфэрэнцыйныя памылкі і стаць прычынай непаразумення падчас міжнацыянальных зносін.

Summary. The article deals with the problem of inter-lingual phraseological homonymy. The issues of insufficient research of the phenomenon on the material of different languages and the problem of terminological diversity and ambiguity in the interpretation of inter-lingual homonymy are touched upon. One of the existing classifications of inter-lingual phraseological homonyms is given and some cases of such linguistic relationship are considered using the examples of Belarusian and French phraseological units.

Key words: phraseological unit, inter-lingual homonymy, plane of content, plane of expression.

Літаратура

1. Англо-русский и русско-английский словарь ложных друзей переводчика / В. В. Акуленко [и др.]. – М. : Сов. Энциклопедия, 1969. – 384 с.
2. Борисенко, Н. А. Лексико-семантическая интерференция в русской речи на Украине (лингвистический и социолингвистический аспект) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Н. А. Борисенко ; Ин-т языковед. им. А. А. Потебни АН УССР. – К., 1990. – 15 с.
3. Гольцекер, Ю. П. Межъязыковая омонимия и полисемия как специфические проблемы в переводах с родственных языков / Ю. П. Гольцекер // Труды Самаркандского университета. – 1971. – № 205. – С. 129–136.
4. Готлиб, К. Г. М. Междязычные аналогизмы французского происхождения в немецком и русском языках : краткий очерк / К. Г. М. Готлиб. – Кемерово : Новокузнецкий гос. пед. ин-т, 1966. – 49 с.

5. Даніловіч, М. А. Тыпы міжмоўных фразеалагічных адпаведнасцей / М. А. Даніловіч // Веснік Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы. Сер. 3, Філалогія. Педагогіка. Псіхалогія. – 2011. – № 2 (113). – С. 56–64.
6. Долгополов, Ю. А. Сопоставительный анализ соматической фразеологии (на материале русского, английского и немецкого языков) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / Ю. А. Долгополов. – Казань, 1973. – 263 л.
7. Затовканюк, М. Классификация явлений языковой интерференции (на материале лексики и грамматики) / М. Затовканюк // Русский язык за рубежом. – 1973. – № 2. – С. 74–77.
8. Игнатъева, Н. Д. Фразеологическая межъязыковая омонимия как источник интерференции / Н. Д. Игнатъева // Русистика. – 2016. – № 2. – С. 22–25.
9. Кириллова, Н. Н. О типологии межъязыковых фразеологических соответствий / Н. Н. Кириллова // Проблемы идиоэтнической фразеологии. – СПб. : Образование, 1997. – С. 33–41.
10. Кулік, Л. У. Саматычныя фразеалагізмы беларускай і англійскай моў: структурна-семантычны і лінгвакультуралагічны аспекты : дыс. ... канд. філал. навук : 10.02.20 / Л. У. Кулік. – Гомель, 2016. – 299 л.
11. Кусаль, К. Ч. Русско-польская межъязыковая омонимия и паронимия : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.03 / К. Ч. Кусаль. – СПб., 2005. – 580 л.
12. Скоробутов, Д. А. Сопоставительный анализ количественных фразеологических единиц в современных западноевропейских языках: французском, итальянском, испанском и португальском : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.05 / Д. А. Скоробутов ; Московский пед. гос. ун-т. – Москва, 2004. – 22 с.
13. Солодуб, Ю. П. Русская фразеология как объект сопоставительного структурно-типологического исследования (на материале фразеологизмов со значением качественной оценки лица) : моногр. / Ю. П. Солодуб – М. : МГПИ им. В. И. Ленина, 1985. – 110 с.
14. L'Internaute. Expressions [Ressource électronique] // Tourner le dos à quelqu'un – Moded'accès : <http://www.linternaute.fr/expression/langue-francaise/561/tourner-le-dos-a-quelqu-un>. – Date d'accès: 10.12.2023.
15. Lipczuk, R. O różnicach semantycznych w zakresie niektórych tautonomów czasownikowych w relacji niemiecko-polskiej / R. Lipczuk // Języki obce w szkole. – 1988. – № 5. – S. 387–393.
16. Pancikova, M. Zradné slova v pol'stině a slovenčině: lexikolo / M. Pancikova. – Bratislava : Filozofická fakulta Univerzity Komenského, 1993. – 104 s.

Ганчар Святлана Віктараўна,
дацэнт кафедры замежных моў
УА «Гродзенскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Янкі Купалы»,
кандыдат філалагічных навук

ПРАБЛЕМА ЎЗАЕМАЎСПРЫМАННЯ КУЛЬТУР ПРАЗ ПРЫЗМУ ІМАГАЛОГІІ: ІМАГАЛАГІЧНЫ АСПЕКТ ДАСЛЕДАВАННЯ СТЭРЭАТЫПАЎ

Рэзюмэ: Стэрэатып як сацыяльна-культурная з’ява выступае прадметам даследавання ў розных навуковых дысцыплінах. Але ў апошні час гэтая з’ява патрапіла таксама ў сферу інтарэсаў навукі аб літаратуры. Такі раздзел параўнальнага літаратуразнаўства як імагалогія надае вывучэнню стэрэатыпаў асаблівае значэнне. У поле інтарэсаў імагалогіі трапляюць міжкультурныя стэрэатыпы, дынамічны аналіз якіх у мастацкім тэксце дазваляе вызначыць, якім чынам у нацыянальнай культуры, да якой належыць аўтар, вербалізуецца адносіны «Я – Іншы».

Ключавыя словы: стэрэатып, імагалогія, адносіны «Я – Іншы».

Адным з асноўных відаў сацыяльнай вобразнасці, захаванай у нацыянальнай моўнай свядомасці, з’яўляюцца стэрэатыпы. Даволі часта стэрэатыпы вызначаюць праз такія сумежныя паняцці як клішэ, шаблоны і штампы. У апошні час стэрэатыпы ўсё часцей становяцца прадметам даследавання ў розных галінах навукі: сацыялогіі, этнапсіхалогіі, літаратуры, мастацтва, філасофіі, палітыцы і нават этыцы. У межах кожнай з дысцыплін распрацоўваецца ўласнае бачанне стэрэатыпу і ўласная метадалогія іх вывучэння. У гэтым сэнсе можна сцвярджаць, што стэрэатыпы – аб’ект міждысцыплінарнага даследавання.

Паколькі стэрэатыпы – па прыродзе сваёй з’ява сацыяльная, яны нярэдка выяўляюцца і ў літаратуры, асабліва ў тэкстах сацыяльна-палітычнага характару. Гэта дае магчымасць уключыць літаратуразнаўства ў пералік дысцыплін, якія займаюцца вывучэннем стэрэатыпаў.

Мастацкая літаратура і мастацтва ва ўсе часы спараджалі рознага роду стэрэатыпы, сёння ж яны ўяўляюць сабою спрыяльную глебу для развіцця стэрэатыпаў сучаснага грамадства, часцей за ўсё заснаваных на непаразуменні і нецярпімасці. Аднак вывучэнне такіх значных сацыяльных з’яў у рэчышчы міждысцыплінарных літаратуразнаўчых і грамадска-палітычных даследаванняў справа ўсё яшчэ вельмі рэдкая. Менавіта такое міждысцыплінарнае вывучэнне стэрэатыпаў рэалізуецца ў рамках імагалогіі як

навукі аб узаемадзеянні і ўзаемаўспрыманні народаў і культур. Безумоўна, апісанне ўсіх магчымых падыходаў да стэрэатыпаў выходзіць далёка за межы фармату асобнага артыкула, таму мы абмяжуемся тут вызначэннем і тыпалагізацыяй стэрэатыпаў толькі з пазіцыі імагалагічнага падыходу.

Міждысцыплінарны характар стэрэатыпу ператварае яго вызначэнне ў задачу цяжкавыканальную. Як мы ўжо адзначалі раней, многія вобласці ведаў развіваюць уласнае бачанне стэрэатыпу як з’явы – адсюль і шматзначнасць тэрміна. Так, вызначэнне стэрэатыпу ў літаратуразнаўстве не супадае з яго вызначэннем у сацыялогіі. Больш за тое, часам у рамках адной дысцыпліны існуе некалькі азначэнняў гэтага тэрміна. Але нягледзячы на ўсе адрозненні існуе шэраг агульных для кожнай галіны навукі характарыстык, якія дазваляюць стэрэатыпу захоўваць яго семантычную цэласнасць:

- любы стэрэатып характарызуецца ўзнаўляльнасцю і ўстойлівасцю;
- усякі стэрэатып існуе ў мове ў статусе “*déjà dit*”, “*déjà entendu*” ці “*déjà vu*”, што робіць немагчымым вызначыць яго аўтарства і/ці момант зараджэння;
- стэрэатып узнікае і развіваецца ў калектыўнай свядомасці і фіксуецца ў памяці народа;
- з пункту гледжання эпістэمالогіі стэрэатып робіць магчымым тлумачэнне тых ці іншых сацыякультурных рыс іншага, ствараючы тым самым аснову для ўзаемнага разумення;
- стэрэатып выконвае свайго роду абагульняючую функцыю, зводзячы малюнак іншага да некалькіх, найбольш значных у дадзеным гістарычным ці сацыяльным кантэксце характарыстык.

Прыведзеныя вышэй характарыстыкі ўласцівыя любому стэрэатыпу і складаюць аснову яго вызначэння ў любой дысцыпліне. Тым не менш, кожная вобласць ведаў актуалізуе і прыватныя, вузкасפעцыяльныя рысы стэрэатыпаў. Так імагалогія мае справу не з усімі стэрэатыпамі, бо ўсякае мастацкае апавяданне так ці інакш будзе на абагульненым і апасродкаваным успрыманні рэчаіснасці. Прадметам даследавання ў рамках імагалагічнага падыходу становяцца толькі знешнекультурныя стэрэатыпы, у той час як стэрэатыпы ўнутрыкультурныя застаюцца па-за сферай інтарэсаў імагалогіі. Такім чынам, разуменне стэрэатыпа ў імагалогіі вужэйшае ў параўнанні з іншымі абласцямі ведаў.

Як адзначалася вышэй, не ўсякі стэрэатып, спароджаны нацыянальнай свядомасцю і/ці які з’яўляецца прадуктам сродкаў масавай інфармацыі,

фіксуецца ў літаратуры; у поле зроку параўнальнага літаратуразнаўства трапляюць толькі (і перш за ўсё) міжкультурныя стэрэатыпы.

Тут было б трапным прывесці азначэнні стэрэатыпаў, прапанаваныя даследчыкамі-прадстаўнікамі розных галін ведаў. Так, Жан-Луі Дзюфэ называе стэрэатыпам «любую вербальную ці ідэалагічную структуру, якая характарызуецца частотнасцю, ананімнасцю (немагчымасцю вызначыць аўтарства і/ці момант узнікнення), узнаўляльнасцю і неадназначнасцю эстэтычнага і маральнага ўспрымання» [Dufaÿs 2011 : 96]. Ж.-Ф. Леен у сваім вызначэнні стэрэатыпу, прыведзеным у працы «Стэрэатыпы і сацыяльнае пазнанне» настойвае на яго апісальнасці, ацэначнасці, канвенцыйнасці, аднастайнасці і пазнавальнасці [Leyens 1996 : 48].

Аўтар мяркуе, што стэрэатып заключае ў сабе «асэнсаваную і ёмістую характарыстыку», аднак, менавіта яе «жыццёвасць і відавочнасць» прыводзяць да таго, што «стэрэатыпы часта блытаюць з забабонамі» [Leyens 1996 : 49]. Канвенцыйны характар стэрэатыпу, яго аднастайнасць і пазнавальнасць адзначаюць у сваім вызначэнні таксама Рут Амосі і Ан Эршбер-П'еро. Вызначаючы стэрэатып з пункту гледжання яго прагматычнай функцыі, яны падкрэсліваюць, што «стэрэатып узнікае ў грамадстве як меркаванне, уяўленне аб нейкай сацыяльнай групе і яе членах» [Amossy 1997 : 34]. Услед за Дзюфэ Амосі і Эршбер-П'еро настойваюць на ёмістасці стэрэатыпаў, асабліва падкрэсліваючы той факт, што «у спробе знайсці найбольш ёмістае вызначэнне стэрэатыпы часта перабольшваюць і/або агрубляюць рысы іншага да такой ступені, што зводзяць яго малюнак да карыкатурнага» [Amossy 1997 : 34].

Паняцце стэрэатыпу як «нейкай схемы ці свайго роду ўстойлівага ўяўлення» ўзнікла ў 20-я г. XX ст. і адразу ж стала цэнтрам інтарэсаў сацыяльных навук [Amossy 1997 : 26]. Сам жа тэрмін «стэрэатып» увёў у 1922 г. Вальтэр Ліпман, упершыню выкарыстаўшы гэтае слова ў сваёй кнізе «Грамадская думка». Менавіта гэтую дату варта лічыць зыходным пунктам больш-менш сур'ёзнага і паслядоўнага вывучэння стэрэатыпаў. Сам Ліпман абазначаў гэтым тэрмінам «уяўленні, якія ўзнікаюць у свядомасці і выступаюць пасярэднікамі ў нашых адносінах з рэальнасцю» [Amossy 1997 : 26]. Гэты тэрмін хутка пракраўся ў іншыя сферы даследаванняў, якія ў сваім разуменні стэрэатыпу вылучылі на першы план яго «імкненне да спрашчэння і, з гэтай прычыны, шкоднасны характар» [Amossy 1997 : 27].

Існуе мноства класіфікацый стэрэатыпаў, у аснову якіх пакладзены самыя розныя крытэрыі. Так, па суб'екту стэрэатыпізацыі вылучаюць

этнічныя, нацыянальныя, рэлігійныя, прафесійныя, палавыя і ўзроставыя стэрэатыпы. Паколькі стэрэатыпы з'яўляюцца прадуктам калектыўнай свядомасці і рэалізуюць абагульненае ўяўленне аб прадстаўніках тых ці іншых прафесій, нацыянальнасцей, полу, узросту і г. д., яны могуць быць класіфікаваны таксама па форме іх выражэння. Такого роду тыпалогіі, безумоўна, асабліва значныя для літаратуры і мастацтва, асноўнай мадальнасцю якіх з'яўляецца выразнасць у наступных яе формах: вуснай; пластычнай; жэставай і тэатральнай; музычнай; кінематаграфічнай.

Варта памятаць, што некаторыя крытэрыі не з'яўляюцца абсалютнымі, гэта значыць яны актуальныя далёка не для кожнага стэрэатыпу, а толькі для некаторых з іх. Так, большасць стэрэатыпаў маюць негатыўную, часам іранічную афарбоўку і ўяўляюць сабой здзек, калектыўную перадузятасць. «Асабліва цесная сувязь паміж стэрэатыпамі і забабонамі характэрна для сацыяльных навук, якія часта наўмысна змешваюць гэтыя два паняцці» [Amossy 1997 : 34]. Як кожная сацыяльная з'ява стэрэатыпы выконваюць дзве функцыі: «з аднаго боку, устойлівыя калектыўныя ўяўленні адыгрываюць важную ролю ва ўсведамленні ўласнай сацыяльнай ідэнтычнасці і мадэляванні міжкультурнага ўзаемадзеяння, з другога боку, яны выконваюць важныя функцыі ў сацыяльным спазнанні» [Amossy 1997 : 47].

Калі спыніцца на функцыі стэрэатыпаў больш падрабязна, то выявіцца, што яны значна шырэйшыя за прыведзеныя ў вызначэнні Амосі. Да найбольш значных, на наш погляд, трэба аднесці: распазнавальную, дыферэнцыруючую і ідэнтыфікуючую; а таксама функцыю гарманізацыі і «сацыяльнага прымірэння».

Стэрэатыпы адыгрываюць вырашальную ролю ў нашым успрыманні іншага і ў нашых сацыяльных паводзінах. Яны служаць адначасова абагульненню, удакладненню і адасабленню. «Чалавек, які стварае стэрэатып, абагульняе, паводле вызначэння» [Leyens 1996 : 33].

Паколькі стэрэатыпы адносяцца адначасова да плоскасцяў успрымання і дзеяння, яны «адыгрываюць ролю падвойнага фільтра: з аднаго боку, для ўспрымання, з іншаго – для дзеяння» [Leyens 1996 : 23]. Леенс так тлумачыць гэты функцыянальны аспект: «Стэрэатыпы ўзнікаюць не толькі ў выніку сацыяльнага працэсу катэгарызацыі ці з прычыны чалавечай патрэбы арганізоўваць і спрашчаць асяроддзе. Яны таксама павінны тлумачыць сацыяльныя падзеі і апраўдваць тыя ці іншыя дзеянні ўнутры сацыяльнай групы» [Leyens 1996 : 26].

У сваёй працы «Чалавечыя групы і сацыяльныя катэгорыі» вядомы брытанскі сацыёлаг Генры Тайфель вылучае тры сацыяльныя функцыі стэрэатыпаў: функцыю тлумачэння прычынна-выніковых сувязяў, функцыю сацыяльнага апраўдання і функцыю сацыяльнай дыферэнцыяцыі [Tajfel 1981 : 101]. Такая разнастайнасць вылучаных функцый наглядна даказвае, што, у залежнасці ад мэты, якую ставіць перад сабой даследчык, на першы план могуць выходзіць сацыяльныя, палітычныя ці нават лінгвістычныя функцыі стэрэатыпаў. Што да імагалогіі, то тут стэрэатыпы ў першую чаргу выконваюць функцыю крос-культурнай дыферэнцыяцыі: імагалагічныя стэрэатыпы ўяўляюць сабой не толькі набор характарыстык, якімі адзін народ адрозніваецца ад іншага, але і з'яўляюцца свайго роду люстэркам, адбіўшыся ў якім, адзін народ можа спасцігнуць сябе праз спазнанне іншых.

Мы ўжо адзначалі вышэй, што стэрэатыпы з'яўляюцца аб'ектам даследавання розных дысцыплін. Адною з такіх дысцыплін, якая мае справу са стэрэатыпамі і сацыяльнай вобразнасцю з'яўляецца этнапсіхалогія. У сваёй кнізе «Стэрэатыпы і клішэ» Рут Амосі і Ан Эршбер-П'еро адзначаюць: «Разважанні пра ролю стэрэатыпаў ва ўсведамленні нацыянальнай ідэнтычнасці будуюцца ў этнапсіхалогіі на аснове аб'яднанняў, якія характарызуюцца агульнасцю мовы, культуры і гісторыі... Адною з галін этнапсіхалогіі з'яўляецца імагалогія, у задачы якой уваходзіць аналіз «зместу ўяўленняў аднаго народа пра іншы (гетэрастэрэатыпы), а таксама пра сабе (аўтастэрэатыпы)» [Amossy 1997: 46]. Але вывучэнне ўяўленняў пра сябе і іншых робяць імагалогію таксама неад'емнай часткай параўнальнага літаратуразнаўства. Яе станаўленне ў рамках навукі аб літаратуры выклікала бурную дыскусію ў 60-ыя гады, падзяліўшы літарату-разнаўцаў свету на прыхільнікаў і праціўнікаў імагалагічнага падыходу ў літаратуры.

Сёння імагалогія ўяўляе сабой адзін з найбольш цікавых і актуальных напрамкаў у параўнальным літаратуразнаўстве, дзе выступае адначасова і як бачанне, і як метада. Корпус стэрэатыпаў, якія знаходзяцца ў сферы інтарэсаў літаратуразнаўства, абмежаваны спецыфікай гэтай галіны ведаў і ўключае, як ужо адзначалася, толькі выявы іншага (гетэрастэрэатыпы): «Імагалогія інтэрпрэтуе стэрэатыпы ў межах агульнага даследавання літаратурных уяўленняў пра Іншае. Грунтуючыся на міжкультурным падыходзе, імагалогія вывучае ўяўленні народа пра сябе скрозь прызму яго ўспрымання Іншага» [Amossy 1997 : 70]. «З мэтай вывучэння сацыяльнай вобразнасці імагалогія сутыкае ў рамках параўнальна-супастаўляльнага падыходу прадстаўлення культуры «якая назірае» і культуры «за якой

назіраюць». У якасці прыкладу можна параўнаць стэрэатыпны малюнак Іспаніі і іспанцаў у французскай літаратуры XIX ст. («Кармэн» П. Мэрыме) і ва ўласна іспанскіх літаратурных тэкстах. Адзначым пры гэтым, што абедзве літаратуры «часта выкарыстоўваюць адныя і тыя ж вобразы і лексемы, але надзяляюць іх розным сэнсам» [Amossy 1997 : 70].

Падкрэсліваючы сацыяльны і сацыякрытычны падыход да мастацкага твора, Амосі і П'еро настойваюць на абавязковай прысутнасці ў тэксце дзвюх нацыянальных супольнасцяў: назіральніка і аб'екта назірання, таго, хто ўспрымае і аб'екта ўспрымання. У сваіх развагах пра стэрэатыпы яны неаднаразова звяртаюцца да працы Даніэля-Анры Пажо «Перспектыва даследаванняў у параўнальным літаратуразнаўстве: культурная іканаграфія». Пажо падзяляе вобраз, які ён вызначае як уяўленне аб якой-небудзь культурнай рэчаіснасці, і стэрэатып, які з'яўляецца, на яго думку, вынікам празмернай схематызацыі і скажэння рэальнасці, свайго роду «дрэннай копіяй» рэчаіснасці. Стэрэатып, паводле Пажо, ёсць прыкмета «адназначнай камунікацыі, заблакаванай культуры», «малюнак адной формы з адным значэннем» [Pageaux 1981 : 172]. Пажо прадстаўляе стэрэатып вынікам максімальнага сціску ментальнай структуры, відам рэзюмэ, эмблемы канкрэтнай культуры. Як носьбіт вызначэння «іншага» ён «паведамляе калектыўныя веды, якія могуць быць значнымі ў любы гістарычны момант», ён імпліцытна стварае дыхатамію міра і культуры, паколькі фарміруецца ў пастаянным іерархічным супрацьпастаўленні «Я» і «Іншага».

Французскі даследчык Іў Шэўрэль у кнізе «Параўнальнае літаратуразнаўства» называе імагалогію актуальным напрамкам сучаснай кампаратывістыкі, які сістэмна вывучае ўяўленні аднаго народа пра іншы. «Імагалагічныя даследаванні заўсёды засноўваюцца на стэрэатыпах: менавіта супастаўленне гэтых стэрэатыпаў з канкрэтнай мастацкай рэпрэзентацыяй дазваляе выявіць арыгінальнасць таго ці іншага пісьменніка, вызначыць уплыў так званага калектыўнага ўспрымання на індывідуальнае аўтарскае бачанне» [Chevrel 2009 : 16].

Як ужо адзначалася раней, стэрэатыпы з'яўляюцца важным інструментам пазнання іншай культуры ці грамадства з іх тэндэнцыямі і асаблівасцямі. З пазіцыі параўнальнага літаратуразнаўства дарэчна было б разважаць пра сацыякрытычны, семіятычны, імагалагічны, эстэтычны аналіз стэрэатыпаў. Аднак ніводны з гэтых прыёмаў паасобку не здольны ў поўнай меры спасцігнуць усю глыбіню і разнастайнасць стэрэатыпу як сацыяльнай з'явы. Застаецца толькі разам з аўтарамі «Стэрэатыпаў і сацыяльнага пазнання» прызнаць адсутнасць адэкватнага метаду даследа-

вання стэрэатыпаў: «Пры вывучэнні стэрэатыпаў важна цалкам раскрыць такія іх уласцівасці, як апісальнасць, ацэначнасць, канвенцыйнасць, аднастайнасць і пазнавальнасць. Тым не менш, на сённяшні дзень ніводны з існуючых метадаў не здольны ахапіць усе гэтыя аспекты» [Leyens 1996 : 48].

Як і Пажо, Амосі і П'еро лічаць імагалогію адначасова і падыходам, і метадам даследавання: «Імагалогія прапануе дынамічны аналіз зместу мастацкага твора, які не проста выяўляе і класіфікуе стэрэатыпы ў літаратурным тэксце, але і дазваляе вызначыць, якім чынам у ім вербалізуюцца адносіны «Я – Іншы» [Amossy 1997 : 71].

Леен і яго сааўтары па кнізе «Стэрэатыпы і сацыяльнае спазнанне» адзначаюць, што стэрэатып уяўляе сабой разнавіднасць сацыяльнай рэцэпцыі. «Даследаванне стэрэатыпаў памылкова звязваецца з гісторыяй даследавання сацыяльных формаў успрымання. У самым пачатку свайго вывучэння стэрэатыпы лічыліся памылковымі, залішне агульнымі і таму мелі толькі ўскоснае стаўленне да праблемнага поля дысцыпліны, зацікаўленай у дакладнасці атрыманых дадзеных» [Leyens 1996 : 11]. Такім чынам, сацыяльная рэцэпцыя характарызуецца залішнім абагульненнем вобразаў. Таму звернемся да двух значна больш аб'ектыўных метадаў вывучэння стэрэатыпаў – семіятычнаму і посткаланіяльнаму.

Адзін з самых вядомых даследчыкаў у галіне семіётыкі Ралан Барт даследуе акрамя ўсяго іншага і пытанні культурнай семіётыкі, а таму ў поле яго зроку трапляюць і стэрэатыпы, і асабліва, докса (ад старажытнагрэцкага – *δόξα* – «агульнапрынятае меркаванне, уяўленне»). Стэрэатыпы з'яўляюцца часткай тэарэтычнай рэфлексіі Барта аб «эстэтычным праўдападабенстве» як аб вонкава бессэнсоўным апісанні, загрузчаным бескарыснымі дэталямі побыту, дзе трактоўка праўдападобнага супадае з пунктам гледжання «традыцыйнай рыторыкі», якая сцвярджала, што праўдападобнае – гэта тое, што адпавядае грамадскаму. Тут дзейнічае не строгі доказ, а толькі фактар пераканання аўдыторыі. Перакананне грунтуецца не на навуковай праўдзе, а на праўдападабенстве: праўдападобнае – гэта проста тое, што публіка лічыць праўдзівым. І навуковы і рытарычны дыскурс звяртаюцца да доказаў; але калі доказы першага заснаваны на аксіёмах, і, такім чынам, пэўныя, то доказы апошняга зыходзяць з агульных дапушчэнняў і, такім чынам, яны не больш за праўдападобныя. Гэтае паняцце праўдападобнага пераносіцца з жыцця на літаратуру і становіцца падставай для меркаванняў аб характарах і сюжэтах як аб «жыццэпадобных ці наадварот» [Moriarty 1991 : 3].

Прапанаваны Бартам падыход, сутнасць якога – паралельнае даследаванне стэрэатыпаў і доксы, адкрывае новыя магчымасці як для семіётыкі, так і для вывучэння стэрэатыпаў. Стэрэатыпы паводле Барта маюць шмат агульнага з доксай, якая ўвасабляе ў сабе «грамадскую думку, дух большасці, буржуазны кансэнсус, кліч прыроды і жорсткасць забабонаў» [Moriarty 1991 : 63].

Як ужо адзначалася вышэй, тэрмін «докса» азначае агульнапрынятую, а дакладней грамадскую думку. Гэта агульнае для нейкага соцыума меркаванне з часам і ў сілу сваёй паўтаральнасці «застывае» ў грамадскай свядомасці, ператвараючыся ў догму. Маючы ў аснове сваёй забабоны і беспадстаўныя здагадкі докса не раз трапляла ў сферу навуковых інтарэсаў розных дысцыплін, такіх, як семіётыка, сацыялогія, культуралогія і тэорыя дыскурсу. Барт жа змяшчае доксу ў цэнтр сваёй семіётыкі, збліжаючы гэты канцэпт па значэнні з такімі з’явамі, як стэрэатып і клішэ. Менавіта таму аўтары «Стэрэатыпаў і клішэ», спасылаючыся на культурную і міфалагічную семіётыкі Барта, таксама збліжаюць гэтыя паняцці: «Працы Ралана Барта аб сучаснай міфатворчасці, яго развагі пра коды і доксу зрабілі магчымым новы, семантычны кірунак у даследаванні стэрэатыпу, у той час як даследаванні клішэ абмяжоўваюцца толькі вымярэннем эстэтыкі» [Amossy 1997 : 62]. Паводле Барта, докса, стэрэатып і клішэ ў роўнай ступені з’яўляюцца паказчыкамі сувязі мовы і гісторыі, доказам яе сацыяльнай прыроды, што супярэчыць меркаванню асобных лінгвістаў пра поўную незалежнасць мовы. «Даследаванні такіх з’яў як докса, клішэ і стэрэатыпы маюць кропкай сыходжання прызнанне гістарычнасці і сацыяльнасці мовы і тэксту, а вывучэнне гэтых з’яў скрозь прызму імагалагічнага падыходу дазваляе выявіць сацыякультурныя і палітычныя ўяўленні, пакладзеныя ў аснову тэкста, вызначыць ролю фактараў сацыяльнага і несвядомага ў пабудове мастацкага вобраза» – піша Амосі [Amossy 1997 : 71].

У спробе растлумачыць прызначэнне і наступствы такіх з’яў як докса і стэрэатып Барт параўноўвае іх з Медузай Гаргонай: «Докса – гэта Гаргона, якая ператварае ў камень усякага, хто зірне на яе» [Barthes 1957 : 197]. Гэтай метафарай, якая лёгка чытаецца ў культурным кодзе Заходняй Еўропы (Гаргона – юная прыгажуня, якую Пасейдон спакусіў у храме Афін і якую Афіна ператварыла ў пачвару са змеямі замест валасоў, чый погляд ператварае ў камень), Барт папярэджвае: кожны, хто ў сваіх развагах грунтуецца не на фактах, але на грамадскай думцы, трапляе ва ўладу забабонаў і стэрэатыпаў. Аднак у сферы культурнай семіётыкі і асабліва

імагалогіі вывучэнне і аналіз стэрэатыпаў дазваляе скласці ўяўленне аб выяве Іншага ў літаратуры і мастацтве.

Стэрэатып з'яўляецца неад'емным элементам філасофіі посткаланіялізму, які ў поўнай меры дэманструе дыскрымінацыйнае і эсэнцыялісцкае бачанне каланізатараў. Так, напрыклад, заснавальнік арыенталізму Эдвард Саід у сваіх даследаваннях аналізуе розныя віды стэрэатыпаў, якія існуюць у заходняй культуры ў адносінах да народаў Усходу, асабліва арабаў; адзін з найбуйнейшых тэрэтыкаў посткаланіялізму Хомі К. Баба вядомы сваімі даследаваннямі расавых стэрэатыпаў. На думку гэтых і іншых даследчыкаў каланіяльны дыкурс па прыродзе сваёй грунтуецца на стэрэатыпах, а значыць роля стэрэатыпаў у гэтай разнавіднасці дыскурсу першарадная.

Посткаланіяльная крытыка настойвае на наяўнасці цеснай сувязі паміж каланіялізмам і стэрэатыпамі, паколькі працэс каланізацыі адным народам іншага немагчымы без ведання стэрэатыпаў і асабліва аўтастэрэатыпаў. Іншымі словамі, працэс каланізацыі шукае сабе апраўданне ў стэрэатыпах: у іх святле народ-каланізатар паўстае больш цывілізаваным, больш мудрым і ў выніку відавочнасці яго перавагі заслугоўвае права панаваць над іншымі. У сваю чаргу каланізаваныя, дэмаралізаваныя негатыўнымі аўтастэрэатыпамі з часам пачынаюць адмаўляць сваю нацыянальную самаідэнтычнасць і пераймаць рысы і звычкі каланізатараў у спробе стварыць новую, палепшаную версію сябе, хоць у рэчаіснасці яны толькі слепа ідуць за чужой ім культурай і традыцыямі, выракаючыся ад уласных.

Каланізацыя стварае стэрэатыпы ў спробе кантраляваць не толькі працэс успрымання, але і мыслення, паколькі стэрэатыпы, як і іншыя «застылыя» ў часе з'явы, з'яўляюцца прыкметамі адсутнасці мыслення: «Стэрэатып узнікае з супрацьстаяння і, узнікшы, супрацьстаянне спараджае. Гэта спараджэнне чужой думкі заклікана пераканаць нас у сваёй дакладнасці, не прыводзячы ніякіх доказаў; яно мае адзінай сваёй мэтай прадэманстраваць тое, што трэба прадэманстраваць. Стэрэатып – прыкмета таго, што культуры не развіваецца, ён сведчыць аб таўталагічным характары гэтай культуры, у якой адмаўляецца сама магчымасць крытычнага аналізу дзеля зацвярджэння прынцыпаў эсэнцыялізму і дыскрымінацыі» [Pageaux 1994 : 63].

Такая інтэлектуальная недастатковасць можа аказаць негатыўны ўплыў як на грамадства, якое каланізуецца, так і на грамадства каланізатараў. На самой справе тэрэтыкі і крытыкі посткаланіялізму бачаць у стэрэатыпах не толькі літаратурныя і мастацкія выявы, але ўвасабленне ўяўленняў аб Іншым, з прычыны чаго стэрэатыпы не варта ўспрымаць як

нявіннае спараджэнне фантазіі: часцей за ўсё стэрэатып засноўваецца на пачуцці ўласнай перавагі, менавіта таму стэрэатып варта ўспрымаць як прадукт адначасова мастацкай і сацыяльнай рэчаіснасці, які здольны пранікаць глыбока ў грамадскія меркаванні і спараджаць расавую нецярпімасць і іншыя віды дыскрымінацыі.

Часта стэрэатыпы нараджаюцца з прычыны экзатычнасці культуры Іншага. Так Усход шмат тысячагоддзяў супрацьстаіць Захаду, і таму стэрэатыпізацыя Усходу ёсць ні што іншае як спроба самаідэнтыфікацыі і супрацьпастаўлення ўласнай культуры культуры Іншага. У гэтым выпадку літаратура і мастацтва таксама набываюць палітычнае і ідэалагічнае вымярэнні: «Адметныя рысы народа – не больш за стэрэатып, умоўнасць, дакладнасць выявы тут куды менш важная, чым адпаведнасць агульнапрынятым меркаванням» [Pageaux 1995 : 141].

Хомі К. Баба будзе ўласны падыход да вывучэння стэрэатыпаў на паняццях «устойлівасць» і «амбівалентнасць» [Bhabha 1994]. Менавіта на базе гэтых двух паняццяў ствараюцца расавыя і міжнацыянальныя стэрэатыпы: ідэалогія і інтарэсы каланізатараў носяць устойлівы характар, у той час як сувязі паміж каланізатарамі і каланізаванымі будуцца на сцвярджэнні пра непераадольную амбівалентнасць. Знікненне гэтай амбівалентнасці немінуча пацягне за сабой знікненне каланізацыі, а такім чынам, у інтарэсах каланізатараў захоўваць і ўзмацняць яе, у тым ліку і з дапамогай стэрэатыпаў.

Тут таксама было б дарэчы задацца пытаннем пра сувязь паміж гэтымі стэрэатыпнымі выяўленнямі і рэальнасцю. Галоўнае пытанне зводзіцца да таго, што ж уяўляе сабой прадмет літаратурнаўчых (і ў прыватнасці імалагічных) даследаванняў і якая іх мэта. Іншымі словамі, ці з'яўляецца важнай для імагалогіі сувязь паміж выявай рэчаіснасці і ўласна рэчаіснасцю? Большасць даследчыкаў не ўключаюць гэтую праблему ў сферу навуковых інтарэсаў імагалогіі, аднак думаецца, што вывучэнне суадносін «мастацкі вобраз – сапраўднасць» не варта цалкам выключаць з праблемнага поля імагалогіі.

Стэрэатыпы – гэта ў першую чаргу сацыяльна-культурная з'ява, але гэта ў роўнай ступені і з'ява літаратуры, мастацтва і філасофіі. Яны ўяўляюць сабой устойлівыя, «застылыя» ў часе выявы, якія ўзніклі з прычыны адсутнасці дынамізму і неаднароднасці і якія спараджаныя забабонамі і прадузятым стаўленням да іншых, а часам і да саміх сябе.

Стэрэатыпы выступаюць прадметам даследавання ў розных навуковых дысцыплінах. Яны займаюць важнае месца ў літаратуры, і асабліва ў

параўнальным літаратуразнаўстве. Некаторыя раздзелы параўнальнага літаратуразнаўства, такія як, напрыклад, імагалогія надаюць вывучэнню стэрэатыпаў асаблівае значэнне. Уласна імагалогію цікавяць не ўсе, але толькі міжкультурныя стэрэатыпы, вывучэнне якіх непарыўна звязана з інтэрпрэтацыяй літаратурных тэкстаў. Для вывучэння стэрэатыпаў імагалогія стварыла цэлы арсеналам метадаў (семіятычны, сацыялагічны, посткаланіяльны і інш.), выкарыстанне якіх – асобна ці ў комплексе – вызначаецца канкрэтнай задачай, якая стаіць перад даследчыкам.

Вывучэнне літаратурных стэрэатыпаў не магчыма, аднак, без уліку стэрэатыпаў сацыяльных, паколькі стэрэатыпны малюнак той ці іншай з’явы заўсёды грунтуецца на ўяўленнях, якія ўжо існуюць у грамадстве. Стэрэатып немагчымы без выявы-рэферэнта ў свядомасці чытачоў. На сённяшні дзень даследаванне стэрэатыпаў настолькі разнастайнае і шматаспектнае, што можна нават казаць пра стэрэатыпалогію як навуку пра стэрэатыпы.

Summary. Stereotypes as social and cultural phenomenon are studied by various branches of science. Recently they have become a research object in imagology, a branch of comparative study in literature. Imagology deals with the analysis of intercultural stereotypes in literary texts which identifies representation of the relations “Self – the Other” in the culture an author belongs to.

Key words: stereotype, imagology, relations “Self – the Other”.

Літаратура

1. Amossy, R. *Stéréotypes et clichés: Langue, discours, société* / R. Amossy, Herschberg-Pierrot. – Paris: Nathan université, 1997. – 128 p.
2. Barthes, R. *Mythologies* / R. Barthes. – Paris: Éditions du Seuil, 1957. – 338 p.
3. Bhabha, K.H. *The Location of Culture* / K.H. Bhabha. – Routledge, 1994. – 440 p.
4. Chevrel, Y. *La Littérature comparée* / Y. Chevrel. – Paris: PUF, 2009. – 128 p.
5. Dufays, J.-L. *Stéréotype et lecture. Essai sur la réception littéraire* / J.-L. Dufays. – Bruxelles: Peter Lang, collection “ThéoCrit”, 2011. – 191 p.
6. Leyens, J.-Ph. *Stereotypes and Social Cognition* / J.-Ph. Leyens, V. Yzerbyt, G. Schadron. – New York: SAGE Publications Ltd, 1994. – 256 p.
7. Moriarty, M. *Roland Barthes* / M. Moriarty. – Stanford University Press, 1991. – 255 p.
8. Pageaux, D. H. *Une perspective d’études en littérature comparée: l’imagerie culturelle* / D. H. Pageaux // *Synthesis*. – Bucarest, 1981. – VIII. – P. 169–185.
9. Tajfel, H. *Human Groups and Social Categories: Studies in Social Psychology* / H. Tajfel. – Cambridge: CUP Archive, 1981 – 369 p.

Дзінгілеўская Алена Іванаўна,
старшы выкладчык кафедры замежных моў
УА «Гродзенскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Янкі Купалы»

ПАРЫ СЛОВАЎТВАРАЛЬНЫХ ПРЫМЕТНІКАЎ-ПАРОНІМАЎ З ДАДАТКОВАЙ СЕМАНТЫКАЙ У БЕЛАРУСКАЙ ЛІТАРАТУРНАЙ МОВЕ

Рэзюме. Стат'я посвящена исследованию прилагательных-паронимов, которые имеют в дефиниции дополнительную конкретизацию или оттенок значения. Дополнительная семантика, развивающая основное значение определенного слова, по отношению к слову-кодеривату, с которым первое находится в паронимическом отношении, может как усиливать эти отношения, так и обуславливать наличие синонимических отношений между паронимическими одноосновными образованиями в некоторых случаях их использования.

Ключевые слова: паронимы, синонимы, прилагательные-кодериваты.

У беларускай літаратурнай мове сярод прыметнікаў-паронімаў можна вылучыць пары аднаасноўных утварэнняў, у якіх адзін або абодва складнікі паранімічнай пары маюць дадатковую канкрэтызацыю ў дэфініцыі ці адценне значэння, за кошт чаго ў некаторых выпадках падмацоўваюцца паранімічныя адносіны паміж прыметнікамі-кадэрыватамі, а ў іншых – паранімічныя паводле асноўнага значэння ўтварэнні выяўляюць адносіны семантычнай блізкасці або тоеснасці.

З складзенай картатэкі аднаасноўных прыметнікаў намі вылучаны 155 пар прыметнікаў-паронімаў з дадатковым значэннем, якія мы размеркавалі па трох групах.

1) словаўтваральныя паронімы з дадатковым значэннем, якое падмацоўвае паранімічныя адносіны паміж складнікамі пары.

Да гэтай групы намі аднесены 140 пар паранімічных ад'ектыўных утварэнняў, якія акрамя асноўнага маюць дадатковае значэнне, ці канкрэтызацыю, што ў слоўнікавым артыкуле выступае як своеасаблівае дапаўненне да дэфініцыі адпаведнага прыметніка. Прывядзем прыклады некаторых паранімічных пар прыметнікаў-кадэрыватаў з дадатковай семантыкай, якія належаць да гэтай групы: *акіянічны – акіянскі; арбітны – арбітальны; берагавы – беражысты; гліназёмісты – гліназёмны; даверлівы – даверны; дыфузійны – дыфузны; крамянёвы – крамяністы; байбаковы – байбацкі; нарыўны – нарыўны* і інш. Разгледзім некаторыя з гэтых пар.

Аднаасноўныя ўтварэнні *арбітны* і *арбітальны* матывуюцца словам *арбіта*. Прыметнік *арбітны* падаецца ў «Тлумачальным слоўніку беларускай мовы» (далей – ТСБМ) з дэфініцыяй ‘які мае адносіны да арбіты’, а яго паронім *арбітальны* фіксуецца са значэннем ‘які ажыццяўляецца па арбіце’ [ТСБМ 1977 : 262]. Пры гэтым да асноўнага значэння прыметніка *арбітальны* далучаецца яшчэ і дадатковае значэнне ‘які рухаецца або прызначаны для руху па арбіце, які знаходзіцца на якой-н. арбіце’ [ТСБМ 1977 : 262]. За кошт асноўных значэнняў утварэнні *арбітны* і *арбітальны* выяўляюць паранімічныя адносіны, што яскрава відаць на прыкладзе спалучэнняў: *арбітныя змяненні // арбітальны палёт*. Дадатковае значэнне ўтварэння *арбітальны* ‘які рухаецца або прызначаны для руху па арбіце, які знаходзіцца на якой-н. арбіце’ падкрэслівае паранімічныя адносіны паміж дэрыватамі *арбітны* і *арбітальны*.

Прыметнікі ў пары *берагавы* – *беражысты* ўтвораны ад назойніка *бераг*. Утварэнне *беражысты* мае дэфініцыю ‘з высокімі берагамі’ і фіксуецца ў ТСБМ з паметай «разм.» [ТСБМ 1977 : 367]. Слова *берагавы* акрамя асноўнага значэння ‘які мае адносіны да берага (у 1, 2 знач.)’ мае яшчэ два дадатковыя значэнні: ‘які знаходзіцца на беразе, каля берага’ і ‘які мае сувязь з берагам’ [ТСБМ 1977 : 366]. Як відаць з прыведзеных дэфініцый, утварэнні *берагавы* і *беражысты* з’яўляюцца словаўтваральнымі паранімамі (*берагавая лінія // беражыстая рэчка*). На прыкладзе спалучэнняў *берагавая дарога* (‘дарога, якая знаходзіцца каля берага’) ці *берагавая ахова* (‘ахова, якая мае сувязь з берагам’) бачым, што прыметнік *берагавы* выяўляе паранімічныя адносіны да свайго кадэрывата *беражысты* таксама і за кошт сваіх дадатковых значэнняў.

У адрозненне ад пар *арбітны* – *арбітальны* і *берагавы* – *беражысты*, пара прыметнікаў *сумётны* – *сумёцісты* мае іншае афармленне ў ТСБМ. Слова *сумёцісты* са значэннем ‘пакрыты сумётамі’ выяўляе паранімічныя адносіны да *сумётны* (*сумётная бель // сумёцістае раздарожжа*), паколькі ўтварэнне *сумётны* мае наступную дэфініцыю: ‘які мае адносіны да сумётаў; намецены ветрам (пра снег)’ [ТСБМ 1983 : 376]. Дадатковае значэнне ўтварэння *сумётны* ‘намецены ветрам (пра снег)’ далучаецца да асноўнага значэння ў якасці канкрэтызавальнай семы, тым самым падмацоўваючы семантычнае разыходжанне паміж аднаасноўнымі прыметнікамі.

Звернем увагу яшчэ на пару ўтварэнняў *кракадзілаў* і *кракадзілавы*. Прыметнік *кракадзілаў* мае дэфініцыю ‘які належыць кракадзілу’ [ТСБМ 1978 : 720], а слова *кракадзілавы* падаецца ў ТСБМ са значэн-

нем ‘які мае адносіны да кракадзіла; зроблены са скуры кракадзіла’ [ТСБМ 1978 : 720]. У спалучэннях *кракадзілаў хвост* (‘хвост канкрэтнага кракадзіла’) // *кракадзілавы акварыум* (‘акварыум, які мае дачыненне да кракадзіла’) прыметнікі *кракадзілаў* і *кракадзілавы* выяўляюць паранімічныя адносіны. Дадатковая сема прыметніка *кракадзілавы* ‘зроблены са скуры кракадзіла’ дапаўняе семантыку гэтага ўтварэння і падмацоўвае паранімічныя адносіны паміж згаданымі прыметнікамі-кадэрыватамі (*кракадзілавая сумка* // *кракадзілава скура*).

На прыкладзе вышэйпрыведзеных пар яскрава відаць, што дадатковая семантыка аднаго з аднаасноўных утварэнняў можа быць фактарам паглыблення іх семантычнага адрознення, а тым самым – і падмацавання паранімічных адносінаў паміж імі.

2) словаўтваральныя паронімы з дадатковым значэннем, якое працуе на набыццё сінанімічных адносін складнікамі пары.

Нягледзячы на тое што аднаасноўныя ўтварэнні ўступаюць у паранімічныя адносіны паводле асноўнага значэння, гэтыя дэрываты могуць таксама выяўляць сінанімічныя адносіны за кошт дадатковых значэнняў. Гэтая група нешматлікая, паколькі ўключае толькі 14 пар аднаасноўных утварэнняў: *пячоначны* – *пячонкавы*; *гнеўны* – *гнаўлівы*; *бацькаўскі* – *бацькаў*; *зладзейскі* – *зладзеяваты*; *зневажальны* – *зняважлівы*; *шальмаваты* – *шальмоўскі*; *вяровачны* – *вераўчаны*; *бядачы* – *бядацкі*; *пераменны* – *пераменлівы*; *удачны* – *удачлівы*; *цэментавы* – *цэментны*; *дысперсійны* – *дысперсны*; *упадніцкі* – *упадачны*; *жалудковы* – *жалудовы*. Разгледзім некаторыя з іх.

Дэрываты *пячоначны* і *пячонкавы* матывуюцца словам *пячонка*, якое падаецца ў ТСБМ з дэфініцыямі: 1) ‘печань жывёлы як прадукт харчавання’; 2) ‘тое, што і печань’ [ТСБМ 1980 : 544]. Прыметнік *пячоначны* падаецца ў ТСБМ са значэннем ‘які мае адносіны да печані, пячонкі’ і мае адценне значэння ‘прыгатаваны з печані, пячонкі (у 1 знач.)’ [ТСБМ 1980 : 544]. Утварэнне *пячонкавы* мае дэфініцыю ‘прыгатаваны з пячонкі’ [ТСБМ 1980 : 544]. Таму паводле асноўнага значэння дэрыватаў у спалучэннях *пячоначныя пратокі* // *пячонкавы паштэт* утварэнні *пячоначны* і *пячонкавы* з’яўляюцца словаўтваральнымі паронімамі, але адначасова за кошт дадатковага значэння прыметніка *пячоначны* гэтыя прыметнікі выяўляюць і сінанімічныя адносіны, з’яўляючыся словаўтваральнымі сінанімамі (*паштэт* можна назваць як *пячонкавым*, так і *пячоначным*). Варта заўважыць, што калі строга кіравацца слоўнікамі, то, з другога боку, *пратокі* можна называць толькі *пячоначнымі* (*пячонкавымі* нельга), таму

пры магчымасці праяўлення сінанімічнасці паміж утварэннямі *пячоначны* і *пячонкавы* згаданыя прыметнікі-дэрываты ўсё ж застаюцца паронімамі.

Утварэнні *гнеўны* і *гнаўлівы* таксама паводле сваіх асноўных значэнняў выяўляюць паранімічныя адносіны. Слова *гнеўны* мае дэфініцыю ‘ахоплены гневам; раззлаваны’ [ТСБМ 1978 : 63], а *гнаўлівы* – ‘які лёгка прыходзіць у стан гневу; крыўдлівы, зласлівы’ [ТСБМ 1978 : 66]. Таму, напрыклад, раззлаваную *жанчыну* называюць *гнеўнай*, а крыўдлівую *дзяўчыну* – *гнаўлівай*. Утварэнні *гнеўны* і *гнаўлівы* маюць таксама па два тоесныя дадатковыя значэнні, за кошт якіх яны могуць выяўляць і сінанімічныя адносіны. Так, у спалучэннях *гнеўны погляд* і *гнаўлівая мова* (у якіх ад’ектывы маюць значэнне ‘які выражае гнеў’) ці *гнеўныя прасторы* і *гнаўлівыя пярун* (дзе ў абодвух пераноснае значэнне ‘грозны, суровы’) аднаасноўныя прыметнікі *гнеўны* і *гнаўлівы* выступаюць як словаўтваральныя сінонімы.

3) словаўтваральныя паронімы з дадатковымі значэннямі, якія працуюць на стварэнне сінанімічных і паранімічных адносін паміж складнікамі пары.

Гэты разрад паронімаў рэпрэзентаваны толькі адной парай аднаасноўных утварэнняў: *казліны* – *казловы*.

Утварэнне *казліны* фіксуецца ў ТСБМ з асноўным значэннем ‘які мае адносіны да казла’ і з двума адценнямі значэння: ‘зроблены са шкуры казла’ і ‘такі, як у казла’ [ТСБМ 1978 : 577]. Дэрыват *казловы* падаецца з дэфініцыяй ‘зроблены са скуры казла’ [ТСБМ 1978 : 577]. Утварэнне *казліны* выяўляе паранімічныя адносіны да дэрывата *казловы* паводле асноўнага значэння і дадатковай семантыкі, прадстаўленай праз адценне значэння (*казліны рог* ці *казліная барада* // *казловыя боты*). Але ў спалучэннях *казлінае футра* // *казловыя боты* прыметнікі *казліны* і *казловы* выступаюць ужо як сінонімы.

Такім чынам, дадатковая семантыка, якая развівае асноўнае значэнне пэўнага слова, у дачыненні да слова-кадэрывата, з якім першае знаходзіцца ў паранімічных адносінах, можа як падмацоўваць гэтыя адносіны, так і абумоўліваць наяўнасць паміж паранімічнымі аднаасноўнымі ўтварэннямі ў некаторых выпадках іх ужывання сінанімічных адносін. Таму ёсць падставы сцвярджаць, што пэўная колькасць пар аднаасноўных прыметнікаў з улікам іх дадатковых значэнняў характарызуецца наяўнасцю сінанімічна-паранімічных адносін паміж імі.

Summary. The article is devoted to the study of paronymic adjectives, which have additional specification or the shade of meaning in their definition. Additional semantics that develops the basic meaning of a certain word in relation to the one-stem word with which the first one is in the paronymic relationship can both strengthen this relationship and determine the presence of synonymic relationship between paronymic monobasic formations in some cases of their use.

Key words: paronyms, synonyms, adjectives-coderivates.

Літаратура

1. Тлумачальны слоўнік беларускай мовы : у 5 т., 6 кн. / пад аг. рэд. К. К. Атраховіча (К. Крапівы) ; АН БССР, Ін-т мовазнаўства імя Я. Коласа. – Мінск : БелСЭ, 1977–1984. – Т. 1 : А – В / рэд. М. П. Лобан. – 1977. – 606 с.
2. Тлумачальны слоўнік беларускай мовы : у 5 т., 6 кн. / пад аг. рэд. К. К. Атраховіча (К. Крапівы) ; АН БССР, Ін-т мовазнаўства імя Я. Коласа. – Мінск : БелСЭ, 1977–1984. – Т. 5 : С – У / рэд. М. Р. Суднік. – 1982. – 663 с.
3. Тлумачальны слоўнік беларускай мовы : у 5 т., 6 кн. / пад аг. рэд. К. К. Атраховіча (К. Крапівы) ; АН БССР, Ін-т мовазнаўства імя Я. Коласа. – Мінск : БелСЭ, 1977–1984. – Т. 2 : Г – К / рэд. А. Я. Баханькоў. – 1978. – 768 с.
4. Тлумачальны слоўнік беларускай мовы : у 5 т., 6 кн. / пад аг. рэд. К. К. Атраховіча (К. Крапівы) ; АН БССР, Ін-т мовазнаўства імя Я. Коласа. – Мінск : БелСЭ, 1977–1984. – Т. 4 : П – Р / рэд. Г. Ф. Вештарт. – 1980. – 768 с.

Казлоўскі Руслан Канстанцінавіч,
дацэнт кафедры беларускай філалогіі
УА «Гродзенскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Янкі Купалы»,
кандыдат філалагічных навук, дацэнт

**МАЛАЯ РАДЗІМА Ў МАСТАЦКІМ АСЭНСАВАННІ ЛЮДМІЛЫ КЕБІЧ
(ПАВОДЛЕ ЗБОРНІКА ПАЭЗІІ «БЭЗАВЫ ДОМ»)**

Рэзюме. В статье раскрывается сущностная специфика идейно-философского содержания произведений малых поэтических жанров Людмилы Кебич в сборнике «Сиреневый дом» согласно эстетической концепции художественного отражения действительности. Рассматриваются основные жанровые особенности, отличительная специфика образного строя стихотворений. Подчеркивается, что эстетические сопоставления в соединении с широтой использования художественно-изобразительных средств способствуют наиболее полному выявлению творческого замысла поэтессы.

Ключевые слова: жанр, стихотворение, художественный образ, композиция, эстетическое сопоставление, тропика.

Творца – асоба ўражлівая, здольная ў паўсядзённым заўважыць дзівоснае, незвычайнае. Натхненне паэта пераапрацоўвае матэрыял з акаляючай яго рэчаіснасці. Для мастака слова мае першаснае значэнне: не нешта павярхоўнае, а тое глыбіннае, сакральнае для яго самога і блізкіх, пранікнёнае ў сутнасць штодзённай існасці. Такой, мабыць, з’яўляецца толькі Радзіма ва ўсёй складанасці і шматграннасці свайго праяўлення. У ідэйна-філасофскай канцэпцыі творчасці пісьменнікаў малая радзіма займае дастаткова значнае месца і нярэдка набывае шырокае ў эстэтычным плане, панарамнае аблічча. У прыватнасці ў творчасці гродзенскай пісьменніцы Людмілы Кебіч навакольная рэчаіснасць праяўляецца ў шматлікіх эмацыйна афарбаваных рэаліях малой і вялікай радзімы, што ў найбольшай ступені можна сцвярджаць у дачыненні да кнігі паэзіі «Бэзавы дом» (2018).

Розныя аспекты мастацкай тэматыкі зборніка вядомай паэткі Л. А. Кебіч «Бэзавы дом» не ізаляваны адзін ад аднаго. Кніга падзяляецца на пяць вялікіх цыклаў: «З Краснасельскіх крыніц», «Вясковая сімфонія», «Лепшы горад Зямлі», «Беларусь – маё натхненне», «Вершы з дарогі». Тэматычны абсяг раздзелаў падобны да колазварота жыцця: родны пасёлак – бабуліна вёска – родны Гродна – краіна Беларусь – вяртанне на радзіму з далёкіх вандровак. Перад чытачом паўстае шматпланавая карціна жыцця

лірычнай гераіні, якая з пазіцый назапашанага духоўнага вопыту ацэньвае ўласны пройдзены шлях, лёс роднага краю і яго людю.

Паэтка спасцігае радзіму як сусвет прыгажосці, радасці, натхнення. Перад позіркам чытача праноссяцца шматлікія існасныя ўніверсаліі: родная хата, краявіды, бацькі, беларуская мова (мова жыхароў гэтай зямлі) і інш. Ва ўсім знаходзяцца сэнсава ёмістыя дэталі, напоўненыя незвычайнымі фарбамі.

Там, сярод густых лясоў яловых,
дзе спакон жылі мае дзяды,
я адчула спеўнасць роднай мовы,
палюбіла край свой назаўжды [Кебіч 2018 : 14].

Эстэтычна ўзвышанымі становяцца многія рэаліі. Лірычнае перажыванне гераіні нараджаецца з жыццёвых эмоцый, перажытых аўтаркай, гэта вынік мастацкага пераўтварэння ранейшых выпрабаванняў, папярэдняя вопыту. Рэаліі адлюстроўваюць пэўныя душэўныя станы: замілавання, суму, журботы, радасці. Ім спрыяюць навакольныя краявіды малой і вялікай радзімы. Некаторыя вершы прысвечаны акрэсленым вёскам і мястэчкам – «Гудзевічы», «У Дзяцелаўцах», «Каля вёскі Тэалін», а таксама іншым геаграфічным аб'ектам, якія падымаюць з глыбіняў памяці ранейшыя падзеі і даўнішнія вобразы – «Краснасельскія кар'еры», «Над Ваўкавыяй», «На Верасоўцы», «Над Швейцарскай далінай». Чытач пакрокава пранікаецца радзімай паэтки, бачыць яе шчырую любоў да беларускага краю. Родная старонка аўтарцы ўяўляецца як нешта цэльнае, дадзенае Богам для жыцця, для шляху з маленства з нейкай місіяй. Праз радкі вершаў акрэсліваюцца вобразы дарагіх дзядулі і бабулі, таты і мамы, асобаў, хто паўплываў на станаўленне светапогляду, хто ў розныя перыяды вёў па жыцці. Блізкія людзі яшчэ асацыююцца з нацыянальнай асновай, з роднай беларускай мовай, традыцыямі, побытам. Нездарма Л. А. Кебіч сцвярджае ў вершы пра маленства «Хачу туды»:

Хачу туды:
дзе бабуля і дзед – жывыя,
і мой тата і мама – жывыя,
і ўсе працай нейкай занятыя,
а здаецца, у доме – свята [Кебіч 2018 : 54].

Вершы зборніка «Бэзавы дом» гладка кладуцца ў канцэпцыю еднасці лірычнай гераіні і той зямлі, што яе нарадзіла і вырастала, зямлі з усёй яе гісторыяй і культурай. Так, у вершы «Дарагі куточак» яскрава прасочваецца ланцужок універсалій: «куточак» – «родная мова» – «мае дзяды» –

«нацыя свабодных беларусаў». Усё гэта знаходзіцца «там, дзе рэчка Рось пяцляе крута», у Ваўкавыскім раёне. Лірычная гераіня – асоба цяперашняга часу, але яна не страціла повязь з мінулым і добра разумее каштоўнасць традыцый папярэдніх пакаленняў продкаў. Грамадзянскія матывы паэзіі Л. А. Кебіч не навязлівыя, яны падаюцца ва ўтульна мяккай форме вобразаў дзяцінства і маладосці, даросласці і сталасці, праходзяць скразнымі ніткамі праз краявіды і пачуцці.

Лірыка патрабуе глыбокай пранікнёнасці ў экспрэсіўна-эмацыйную сферу чалавека, у эстэтыку душы. Засяроджанасць на рэаліях жыцця дэманструе багаты ўнутраны свет лірычнай гераіні. Шырокая панарама пачуццяў і адчуванняў узнікае ад вуліц, паркаў і гістарычных мясцін Гродна, ракі Нёман (вершы «На травеньскіх вуліцах Гродна», «Прывакзальная плошча», «На Замкавай гары», «Каложскі парк» і інш.):

Сябе на думцы зноў і зноў лаўлю,
што з'ехаць аніколі не збяруся,
бо толькі Гродна ўсёй душой люблю –
куточак унікальны Беларусі [Кебіч 2018 : 150].

На фоне глыбокапачуццёвых вершаў паэтка пакідае заповіт сваім нашчадкам. У вершы «Скажыце мне» прасочваецца ў канцэнтраваным выглядзе ўся ідэйна-філасофская канцэпцыя зборніка – місія любога грамадзяніна служыць свайму народу, зберагчы родны край і перадаць у спадчыну нашчадкам:

Скажыце мне, што Беларусь не згіне
ад войнаў, ад пажараў, ад вады...
І я спакойна гэты свет пакіну,
закрыю вочы ціха назаўжды [Кебіч 2018 : 200].

Паэтычную думку абуджае пошум лісця, спеваы птушак, дзіцячыя галасы. Усё такое блізкае, роднае. Нешта неўсвядомленае праяўляецца ў думках лірычнай гераіні, таёмнае і чымсьці спрадвечу знаёмае – пачуццё радзімы, яе краявідаў. Яе праявы ў гуках, фарбах, формах архітэктурных пабудоў, якія стварыў люд беларускі, продкі, «святыя дзяды».

Вершы зборніка «Бэзавы дом» у многім біяграфічныя. Факты з жыцця перайначваюцца праз паэтычны погляд жанчыны-творцы. Яна і ўнучка, і дачка, і ўжо маці, і бабуля, яшчэ і беларуска, якая хварэе за свой народ і зямлю. Сацыяльныя працэсы і лёс лірычнай гераіні крочаць побач.

Так, я беларуска, патрыётка,
а яшчэ – жанчына і паэт...
О, як часам горка і салодка

спалучаць неспалучальны свет [Кебіч 2018 : 226].

Вершы Людмілы Кебіч уражваюць шчырасцю і пачуццёвасцю. Прыкметы канкрэтнага часу і году размываюцца, патыхае вечнасцю, час быццам прыпыняецца. Чытач адчувае разам з лірычнай гераіняй яе розныя настроі і станы. Словы выразныя і шчырыя, радкі вершаў лёгкія і зразумелыя. Узнёсласць можа межаваць з трагічным успамінам, узвышанае з будзённым. Такая вось рэальнасць, аўтарка – асоба ад жыцця. Прасочваюцца спрадвечныя жаночыя клопаты, турботы за блізкіх, перажыванні. Пачуцці суправаджаюць вобразы далёкіх і блізкіх людзей, а яны ўсе рухаюцца на фоне пейзажаў малой і вялікай радзімы, утвараючы цэласную карціну жыцця.

Лірычная гераіня паэзіі Л. А. Кебіч жыве традыцыямі народнай маралі, яе ўнутраны свет стаіць на падмурку каштоўнасцяў беларускага нацыянальнага светаўспрымання. Як музыкант, Людміла Антонаўна тонка адчувае мелодыку і паэтыку народнай песні і з лёгкасцю пад яе стылізуе ў настраёвасці старажытнага гусяра, апяваючы спрадвечную сілу беларусаў і прагу да свабоды, незалежнасці на складаных перакрываваннях гісторыі:

Ці ж з крыніцы волі нам больш не піці?!

Дзе ж асілкі-волаты ваша сіла?

У бядзе забраны край –

ой не спіце! [Кебіч 2018 : 199]

Многія вобразы ў лірыцы Л. А. Кебіч набываюць сімвалічны сэнс, шматзначнасць. Як у старажытныя часы, гусяр не аддзяляў сябе ад народа, ад родных лясоў, лугоў і палёў, так і паэтка не бачыць сябе адасобленай «ад родных ніў, ад роднай хаты». Вытокі яе паэзіі ад беларускай зямлі. Блізкасць да нацыянальных традыцый – адна з ідэйна-сэнсавых дамінант вершаў, якія так, бывае, і называюцца «На Каляды», «Вялікдзень», «Дажынкі». Перад чытачом ненавязліва паўстае пласт народнай культуры на побытавым узроўні, з пункту гледжання простага чалавека, але пры гэтым у высокаэстэтычным асвятленні.

Паэтка ў зборніку з сімвалічнай назвай «Бэзавы дом» адлюстравала станоўча значнае для сябе, каштоўнае ў духоўным і культурным плане. Ёй не характэрны скептыцызм і адмова ад навакольнага свету, наадварот – яна павернута тварам да яго, з радасцю і надзеяй на будучыню. У паэзіі Л. Кебіч экспрэсія маўлення лірычнага героя нярэдка дасягае вышэйшага гучання. Гнуткія інтанацыі, насычаныя фарбы – усё характарызуе ўнутраны свет лірычнай гераіні праз ўражанні ад відарысаў беларускіх краявідаў. «Станы чалавечай свядомасці ўвасабляюцца ў лірыцы па-рознаму: альбо прама і адкрыта, у задушэўных прызнаннях, спавядальных маналогох,

поўных рэфлексіі, альбо пераважна ўскосна, у форме выявы знешняй рэальнасці...» [Халізов 1999 : 311]

Рэаліі роднага краю асэнсоўваюцца ў шчыльнай лучнасці з мінулым, сучасным і будучыняй у эстэтычна ўзвышаных фарбах экспрэсіўных пераходаў ад блізкага да далёкага і назад, вяртаючыся да сябе. Прадмову да зборніка Людміла Антонаўна заканчвае радкамі з паэтычнай фармулёўкай свайго творчага крэда, якім кіруецца ў сваёй паэзіі:

Я ўся – Радзіма.

З ёю знітавана.

Адною ёю дыхаю, жыву.

І ўсё, што бачу навокал, як дзіва,

ўплятаю ў вершаў спеўную канву [Кебіч 2018 : 5].

Паэзія Людмілы Кебіч характарызуецца даволі высокай ступенню мастацкасці, багатым ідэяна-філасофскім зместам, асацыятыўнай вобразнасцю, шырынёй выкарыстання мастацка-выяўленчых сродкаў. Аўтапсіхалагізм лірыкі паэткі шчыльна звязаны духоўна-біяграфічным вопытам, своеасаблівым беларускім нацыянальным светапоглядам.

Summary. The article discloses the peculiarities of the conceptual and philosophical content in Ludmila Kebich's works of the small poetic genre according to the aesthetic concept of artistic reflection of reality. It considers the main stylistic peculiarities of the poems, their figurativeness. It is emphasised that aesthetic comparison and contraposition alongside with free philosophic reasoning help to reveal fully the writer's creative intention.

Key words: genre, artistic image, poem, composition, aesthetic comparison, tropic.

Літаратура

1. Кебіч, Л. А. Бэзавы дом / Л. А.Кебіч. – Гродна: ЮрСаПрынт, 2018. – 256 с.
2. Халізов, В.Е. Теория литературы / В. Е.Халізов. – М.: Высшая школа, 1999. – 398 с.

Карпук Галина Владимировна,

доцент кафедры иностранных языков

УО «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы»,

кандидат филологических наук, доцент

АПЕЛЛЯЦИИ К ЧУВСТВУ РАДОСТИ В РЕКЛАМНОМ ДИСКУРСЕ

Резюме. В статье рассматриваются коммуникативно-прагматические особенности русскоязычных рекламных сообщений, содержащих апелляции к чувству радости. Данные рекламные послания характеризуются употреблением таких средств, как метафора, персонификация, различные виды повтора, восклицательные, вопросительные, побудительные предложения и т. д.

Ключевые слова: рекламный дискурс, чувство радости, коммуникативно-прагматические особенности.

В рекламном дискурсе огромное значение имеет воздействие на эмоциональную сферу адресата. Находясь «в сложном взаимодействии» [Кунцына 2001 : 214], эмоции и чувства «являются мотивирующей системой в жизнедеятельности человека» [там же], в том числе в сфере потребления товаров / услуг. Рекламные сообщения апеллируют к положительным чувствам и эмоциям потенциального потребителя. Радость «переживается как приятное, желанное, полезное, несомненно позитивное чувство, которое в самых общих словах можно назвать чувством психологического комфорта и благополучия» [Изард 2008 : 152].

Жизнь без радости представляет собой негативно окрашенное, депрессивное существование, поэтому люди хотят, чтобы их жизнь была наполнена радостью и счастьем. Данным обстоятельством активно манипулируют рекламные сообщения, призывая потенциальных потребителей ощутить радость жизни путем приобретения рекламируемого товара / услуги. Положительные эмоции, как правило, «стимулируют субъект достичь цели» [Мокшанцев 2006 : 35].

В данной статье рассматриваются коммуникативно-прагматические особенности русскоязычных рекламных сообщений, содержащих апелляции к чувству радости.

Приобретение рекламируемого товара преподносится как источник радости, более того, рекламируемый товар может позиционироваться как символ радости:

(1) **Радость** – исключительное чувство. **Радость** можно почувствовать. Но можно ли ее увидеть? Или прикоснуться? Теперь это стало реальным – БМВ 1 серии создан как **символ радости**. Вы ощутите неповторимое удовольствие за рулем. Великолепное сочетание мощности и динамики, безопасности и комфорта. Таков характер первого БМВ 1 серии. **Символ радости**.

В приведенном рекламном сообщении (1) применительно к радости употреблены глаголы, относящиеся к глаголам чувственного восприятия: *почувствовать, увидеть, прикоснуться*. В анализируемое рекламное сообщение введены: метафоры (*увидеть радость, прикоснуться к радости*), персонификация (*Таков характер первого БМВ 1 серии*), эпитеты (*исключительное чувство, великолепное сочетание, неповторимое удовольствие*), повтор (*радость, символ радости, БМВ 1 серии*). Наблюдается прием кольца: рекламное сообщение начинается и заканчивается существительным *радость* (как известно, начало и конец запечатлеваются в памяти, запоминаются лучше). Апелляции к радости пронизывают данное рекламное сообщение; повтор лексемы *радость*, несущей основную смысловую нагрузку, служит целям интенсификации.

В определенных случаях рекламируемый товар дарит радость, а через нее и счастье, более того, может акцентироваться высокая частотность данного действия (*каждый день*):

(2) **Дарит радость каждый день!** (реклама “Kinder Surprise”, в которой восклицание-девиз сопровождается словами из песенки “*Everybody should be happy*”).

Рекламируемый товар может подарить радость общения с другими людьми (с профессионалами в сфере красоты и т. д.):

(3) *Mary Kay – это сияние кожи, роскошь цвета, персональная забота.*

Средства, которым вы можете доверять.

Радость общения.

Персональный сервис.

Все это рядом с вами.

Независимый консультант по красоте «Мэри Кэй» – это профессионал, который поможет Вам всегда быть влюбленной в свой образ. Узнайте, как Независимый консультант по красоте может украсить вашу жизнь (реклама косметики «Мэри Кэй»).

В рекламе (3) повтор прилагательного *персональный* (*персональная забота, персональный сервис*) и словосочетания *независимый консультант*

по красоте направлен на акцентирование индивидуального подхода к потенциальному потребителю. Наблюдается создание тональности доверительности (*вы можете доверять*). Присутствует своеобразное усиление, при котором влюбленность с ее кратковременностью наделяется долговременностью, постоянством: *поможет Вам всегда быть влюбленной в свой образ*.

В определенных случаях рекламируемый товар представляется как что-то, способное сделать некоторое событие радостным, например новогодний праздник в рекламе (4). Более того, в данной рекламе событие связано исключительно с радостью, что в целях придания выразительности передано посредством лексемы с выделительно-ограничительным значением *только* (*принесут Вам только радость*):

(4) *Уважаемые мамы и папы, а также бабушки и дедушки! Вы уже придумали, что подарить Вашему маленькому или большому ребенку? А билеты на «Елку» купили?*

Чтобы Ваш малыш не разболелся во время каникул – не забудьте про детские витамины Витрум. Они защитят организм от простудных и инфекционных заболеваний.

И новогодние праздники принесут Вам только радость <...>.

Мы желаем Вашим и нашим детям здоровья и счастья в новом году.

Присутствие восклицательных, вопросительных и побудительных (обладают суггестивным зарядом) предложений в силу их эмоционально-экспрессивного потенциала может способствовать оказанию эмоционального воздействия на адресата. В рамках восклицания наблюдается обращение к семье как роду (*мамы и папы, бабушки и дедушки*), иными словами, затрагивается сфера отношений, ценная и очень близкая людям. В своих новогодних пожеланиях адресант объединяет своих детей и детей потенциальных потребителей (*желаем Вашим и нашим детям здоровья и счастья*). Адресант высказывает в высшей степени ценные пожелания, а именно пожелания здоровья (родителям важно, чтобы их дети были здоровыми) и счастья (родители хотят, чтобы их дети были счастливыми).

В ряде рекламных сообщений товар преподносится как нечто, способное вернуть радость, например радость молодости и великолепную форму, и в этом ощущается нотка некоторого волшебства:

(5) ***Вернется радость молодости, почувствуете себя в великолепной форме. Окружающие поражены энергией, исходящей от вас*** (реклама южнокорейских дентальных имплантов VIP-класса “SuperLine”).

Как известно, вернуть молодость невозможно, но во все времена люди стремились к омоложению. Людям хочется вернуть молодость и то, что с ней связано – силы, энтузиазм, вдохновение, внешнюю красоту и, конечно, красивые здоровые зубы, которые делают красивой улыбку и обеспечивают комфортное потребление пищи. В этой связи уместна аналогия с русской народной «Сказкой о молодильных яблоках и живой воде», в которой царь выпил живую воду, съел молодильные яблоки, после чего окреп и помолодел.

Таким образом, радость переживается как желанная эмоция, которая напрямую связана с благополучием. Рекламуемый товар преподносится как тот, что может быть источником радости, способен вернуть радость, может сделать радостным определенное событие и т. д. В коммуникативно-прагматическом плане рекламные сообщения, содержащие апелляции к радости, характеризуются употреблением таких средств, как метафора, персонификация, различные виды повтора; восклицательные, вопросительные, побудительные предложения и т. д. Апеллирование к чувству радости ориентировано на оказание необходимого эмоционального воздействия на потенциального потребителя и приобретение рекламируемого товара / услуги.

Summary. The article deals with communicative and pragmatic features of advertising messages containing appeals to a feeling of joy. These advertising messages are characterized by the use of such means as metaphors, personification, various types of repetition; exclamatory, interrogative and imperative sentences, etc.

Key words: advertising discourse, a feeling of joy, communicative and pragmatic features.

Литература

1. Изард, К. Э. Психология эмоций / К. Э. Изард – СПб. : Питер, 2008. – 464 с.
2. Куницына, В. Н. Межличностное общение / В. Н. Куницына, Н. В. Казаринова, В. М. Погольша. – СПб. : Питер, 2001. – 544 с.
3. Мокшанцев, Р. И. Психология рекламы / Р. И. Мокшанцев. – М. : ИНФРА-М; Новосибирск : Сибирское соглашение, 2006. – 230 с.

Колесник Диана Максимовна,
преподаватель-стажер кафедры иностранных языков
УО «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы»;
Колесник Кристина Максимовна,
учитель ГУО «Средняя школа № 41 имени А. М. Кузнецова г. Гродно»

**ПЕРЕВОД ИМЕН СОБСТВЕННЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ МОДУЛЯЦИИ,
КАЛЬКИРОВАНИЯ И ДОСЛОВНОГО ПЕРЕВОДА
НА ПРИМЕРЕ ЦИКЛА РИКА РИОРДАНА
«ПЕРСИ ДЖЕКСОН И ОЛИМПИЙЦЫ»**

Резюме. В статье приведены примеры перевода имен собственных из цикла Рика Риордана «Перси Джексон и Олимпийцы» с использованием методов модуляции или смыслового перевода, а также калькирования и дословного перевода и их комбинация, позволяющих наиболее точно передать созданный автором образ. Данные методы применяются для перевода имен и фамилий, прозвищ, а также названий монстров в цикле. Приведено сравнение и анализ русских и английских форм.

Ключевые слова: имя собственное, перевод, модуляция, калькирование, дословный перевод, «Перси Джексон и Олимпийцы».

Для перевода некоторых прозвищ применяется смысловое развитие (модуляция), например, главный герой цикла – Перси Джексон – в оригинале имеет прозвище *Seaweed Brain* (дословн. «мозги морской капусты»), однако при переводе на русский был использован прием метафорического переноса – *Рыбы мозги*.

Дочь Зевса Талия, которая провела около пяти лет в образе сосны, получила от главного героя прозвище *Pinecone face* (лицо сосновой шишки), но при переводе был использован метафорический перенос, так что в русской версии он называет Талию просто *Сосновой шишкой*.

Аннабет, дочь богини мудрости, получила прозвище *Wise girl* (мудрая девочка), однако, поскольку Перси всегда закладывал некую иронию в это имя, переводчики использовали этот же прием, так что Аннабет получила прозвище *Воображала*, что не совсем точно, поскольку не в достаточной степени отражается связь героини с мудростью.

Sugar – подруга отчима главного героя, была переведена как *Лапушка*, чтобы подчеркнуть отношения к ней героя. Такое обращение часто используется к девушкам, которые не отличаются умственными способностями и которых ценят только за их внешность.

Marrow Sucker, *Skull Eater*, *Joe Bob* – три лестригона, имена которых были переведены с помощью метафорического переноса. *Marrow Sucker* дословно переводится как «костный мозг» и «молокосос». Переводчики решили создать ему образ, больше подходящий вампиру: отталкиваясь от глагола «сосать», они назвали данного персонажа *Кровосос*. *Skull Eater* (дословн. «поедатель черепа») был переведен как Трупоед также для создания более устрашающего образа. *Joe Bob* не несет никакого скрытого устрашающего подтекста, но для сохранения единства трех образов переводчики выбрали перевести этого персонажа как *Мозгогрыза*.

Смысловое развитие используется также для перевода видов организмов: в подводном царстве *Перси* встречается с народом известным как *Merpeople*. Они были переведены как водяные, поскольку по описанию очень напоминают этого персонажа славянской мифологии: «водяными с рыбьими хвостами и другими, с человеческими туловищами, правда покрытыми синей кожей» [Риордан 2010].

Аналогично с группой персонажей *Spartoi* – воинами, появившимися из-под земли. По своему образу и способу рождения они напоминают зомби, так они и были переведены. *Flesh-eating horses* были переведены как *кони-людоеды* с помощью метафорического переноса и перестановки для создания более устрашающего образа. *Pit scorpion* был переведен с применением метода метонимического переноса – *Земляной скорпион*.

Многие монстры в цикле переводятся с использованием калькирования в комбинации с дословным переводом. Их названия отсылают к местности, в которой эти существа обитали в оригинальных мифах. При передаче их названий на русский язык используются соответствующие правила для образования относительных прилагательных (к месту происхождения), а также перевод названия животного-монстра: *Colhis Bulls* – *Колхидские быки*, *Stymphalian birds* – *Стимфалийские птицы*, *Erymanthian Boar* – *Эриманфский вепрь*, *The Nemean Lion* – *Немейский лев*, *Lydian Drakon* – *Лидийский змий*, *Clazmonian Sow* – *Клазмонийская свинья*. В английском к ней применяют только один термин – *Sow*. В русском же используется название *Свиноматка* (при первом упоминании) и *Свинья*, когда героиня называет полное имя, под которым она известна с древних времен. *Scythian Dracaena* также переводится с применением данного метода, однако используется не существующий в русском языке термин «драцена», а описательный перевод: *Скифские женщины-драконы*.

Juniper – дриада можжевельника, чье имя было переведено с помощью калькирования в сочетании с дословным переводом. При

дословном переводе ее имя должно было бы быть *Можжевельник*, но оно было адаптировано до *Можжевелочка* (добавлен уменьшительно-ласкательный суффикс -очк-) для создания образа милой, молодой девушки.

Название расы *Hyperborean* переведено с помощью калькирования с использованием суффикса для передачи заложенного смысла – Гипербореец.

Smelly Gabe – прозвище отчима Перси, которое переведено с помощью калькирования (изменения части речи с прилагательного на существительное) – *Вонючка Гейб*.

Gladiola – розовый пудель, которого встречают персонажи. Ее имя – измененная форма цветка гладиолус (англ. *Gladiolus*). При переводе на русский используется непосредственно название цветка, без каких-либо трансформаций. Аналогичная ситуация наблюдается при переводе имени бога дельфинов (*Delphin*). На русский оно передается просто как *Дельфин*. Таким образом нет разницы между именем персонажа и названием вида животных, которое присутствует в английском (*Delphin – Dolphin*).

Einstein – овца Полифема – получила свое имя в честь известного ученого. Ее имя переводится как *Эйнштейн* – традиционное для русского языка произношение, основанное на произношении в немецком.

Достаточно популярным способом является дословный перевод названия существ, профессий, социального статуса и имен с сохранением их описательных характеристик: *taxi driver* – *водитель такси*, *Elevator security guard* – *швейцар лифта*, *Coach Nunley* – *тренер Ханли*, *Queen Sess* – *Царица Сесс*, *Rainbow* – *Радуга*, *Hunters of Artemis* – *Охотницы Артемиды*, *Saber-toothed tigers* – *Саблезубые тигры*, *hellhound* – *адская гончая*, *Giant Scorpion* – *Гигантский скорпион*, *Giant Crab* – *Гигантский краб*, *young dragon* – *молодой дракон*, *Wild boar* – *дикий вепрь*, *Carnivorous sheep* – *Плотоядные овцы*, *fire-breathing horses* – *огнедышащие кони*, *Apollo's cattle* – *скот Аполлона*, *confederate sailors* – *матросы-конфедераты (с перестановкой)*, *Giant snake* – *гигантская змея*, *Giant Badger* – *Гигантский барсук*, *Bronze Angels* – *Бронзовые ангелы*, *mechanical spider* – *механический паук*, *lions* – *львы*. Для перевода кличек также используется дословный перевод (*Blackbeard* – *Черная борода*, *General* – *Генерал*, *Canadians* – *Канадцы*).

Медуза Горгона сама создает образ милой женщины, называясь *Aunt M*. Переводчики сохраняют этот образ, переводя персонажа как *Тетушка Эм* (калькирование и транскрипция).

Hope – дух надежды, заключенный в «Ящик Пандоры». В русскоязычных мифах она известна как *Надежда*. В цикле Прометей называет её

греческим именем Элпис, однако также употребляет имя *Hope* и словосочетание *Spirit of Hope*. В переводе *Hope* выступает в роли эпонима, в обоих приведенных выше случаях слово «надежда» пишется с маленькой буквы. Вместе с тем, имя *Надежда* применительно к этому персонажу также появляется, когда Перси называет ее имя (в оригинале *Hope*). Такое выборочное использование имени *Надежда* и омонимичного понятия не до конца понятно.

Summary: This article provides examples of the translation of the personal names from the Rick Riordan's cycle "Percy Jackson and the Olympians" using methods of modulation or semantic translation, as well as calque and literal translation and their combination, allowing the most accurate way to convey the image created by the author. These methods are used to translate names and surnames, nicknames, as well as the names of monsters in the cycle. The comparison and analysis of Russian and English forms are given.

Key words: personal name, translation, modulation, calque, literal translation, "Percy Jackson and the Olympians".

Литература

1. Рик Риордан. Перси Джексон и последнее пророчество. Страница 7 // Loveread.ec. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://loveread.ec/read_book.php?id=3570&p=7
Дата доступа: 11.02.2023.

Левченко Наталья Александровна,

доцент кафедры иностранных языков

УО «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы»,

кандидат филологических наук;

Дудько Анастасия Дмитриевна,

доцент кафедры английской филологии

УО «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы»,

кандидат исторических наук, доцент

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЭВФЕМИЗМЫ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Резюме. Статья посвящена рассмотрению фразеологизмов-эвфемизмов в английском языке. Представлены наиболее типичные тематические группы изучаемых единиц. Установлено, что эвфемистическая функция является наиболее подходящей для вуалирования и сокрытия нежелательных фактов и негативных явлений действительности.

Ключевые слова: фразеологизм, эвфемизм, эвфемистический фразеологизм, эвфемистическая функция, тематическая группа.

В каждом языке мира существуют понятия, которые являются запретными вследствие ряда причин и принципиально не вербализуются. Одним из способов не называть вещи своими именами является употребление эвфемизмов. По определению В. П. Москвина, *эвфемизм* представляет собой «использование зашифровок с целью смягчить, завуалировать, изящно “упаковать” предмет, оставив все-таки возможность любому догадаться, о чем идет речь» [Москвин 2001 : 61].

Традиционными сферами эвфемизации выступают личная и социальная жизнь людей, а также древнейшая сфера – религия. В личной жизни людей эвфемизации подлежат физиологические процессы, болезни и тема смерти, человеческие пороки, физические и умственные способности людей, их возраст и внешний вид. Как отмечает Л. П. Крысин, главной целью эвфемизмов является «стремление избегать коммуникативных конфликтов и неудач, не создавать у собеседника ощущения коммуникативного дискомфорта» [Крысин 2004 : 270].

Эвфемизация является также одним из продуктивных средств фразеообразования. Фразеологические эвфемизмы, объединяя особенности фразеологической эвфемистической номинации, выражают социально и морально неприемлемые или табуированные внеязыковые денотаты с

помощью нейтральных, положительно оцениваемых или в ряде случаев возвышенных образов [Арсентьева 2012 : 7].

Материалом исследования послужили эвфемистические фразеологизмы английского языка, отобранные методом сплошной выборки из словаря эвфемизмов английского языка [Holder 2007].

Собранный и изученный нами фразеологический материал позволил выделить с точки зрения семантики ряд тематических групп фразеологизмов-эвфемизмов в английском языке.

1. Фразеологические эвфемизмы, обозначающие смерть.

Со смертью, как завершающим этапом человеческого существования, связаны многие верования и представления. Тема смерти является одной из самых табуированных. Смерти боятся, о ней говорят с опаской и боязнью, чтобы не навлечь беду на свою семью. Так, интенсивно эвфемизируется значение 'умереть': *to hop the twig, gone to a better place, to call off the bets, to stand before one's Maker, to talk to the old gentleman, to join the majority, to be no more, to go to Davy Jones's locker*. Рассмотренная группа фразеологических эвфемизмов является наиболее многочисленной. В. Д. Бояркин справедливо отмечает, что «фразеологические единицы со значением 'умереть' содержат самые древние представления людей о возникновении и угасании жизни, языческие и христианские верования, связанные с боязнью прямого обозначения явлений, которые непонятны и вызывают суровый ужас» [Бояркин 1989: 37].

Значительное количество фразеологизмов-эвфемизмов образовано в результате смысловых ассоциаций по сходству (метафора) и смежности (метонимия). Рассмотрим фразеологизмы-эвфемизмы с семантикой смерти, в основе внутренней формы которых лежит метафора движения, пути: *shuffle off this mortal coil, go to a better land / life / place / world, go to the Great Adventure, go to Jordan's banks, go to the mansions of rest*. Распространенной является метафорическая модель 'приближение смерти': *not to be long for this word, the sands are running out, done for*.

Таким образом, в результате фразеологической эвфемизации образ смерти, лежащий в основе вторичной номинации, не является пугающим и не вызывает неприятных ассоциаций.

2. Фразеологические эвфемизмы, обозначающие физиологические процессы.

Физиология человека, его биологическое начало относится к той сфере, которая традиционно подвергалась эвфемизации. Данный факт может

быть обусловлен суеверными представлениями о возможности непосредственного влияния на реальную действительность с помощью языка.

Физиологические функции организма, состояние беременности считаются недопустимыми темами для обсуждения в соответствии с моральными принципами, установленными в обществе. Этим объясняется стремление смягчить, заменить грубые, неприемлемые выражения фразеологизмами более «мягкой» номинации. Так, например, прямо говорить про беременность не всегда корректно, деликатно и уместно, поэтому вместо 'быть беременной' используются следующие фразеологизмы-эвфемизмы: *have a bat in the cave, be heavy with child, in the increasing way, wear the bustle wrong*. Беременность может описываться также как неожиданная находка или запланированное приобретение чего-то нового: *find a baby in a cabbage patch, find a baby in a parsley bed, find a baby under the gooseberry bush, the stork brought the baby home, buy a baby in a shop, download a baby*.

Также в английском языке зафиксированы эвфемистические замены понятия 'нагой человек': *to pay a call, a call of nature, in the straw, in a (the) family way, in nature's garb, not a stitch on, in a state of nature, in one's skin*.

С темой психических расстройств у человека связаны следующие эвфемистические конструкции английского языка: *a strange bird, a weird / strange card / duck, to be out (take, leave) of one's senses, to be off one's nut, to go nuts, soft (touched, weak) in the head, a strange bird, a weird (strange) card (duck)*.

3. Фразеологические эвфемизмы, обозначающие болезни и недомогания.

Эвфемизация названий болезней происходит из глубокой древности. В сознании человека смерть и болезни ассоциировались со злой тайной и с действием сверхъестественных сил. Фразеологизмы, обозначающие названия болезней и недомогания, относятся к числу маскировочных, цель которых, согласно определению Б. А. Ларина, заключается в «затемнении, прикрытии неприглядных явлений жизни» [Ларин 1977 : 110]. Так, перифрастическое описание тошноты находим в выражениях *shoot / toss one's cookies* (букв. 'выбрасывать /метать домашнее печенье') и *feed the fishes* (букв. 'кормить рыб').

В английском языке при описании диареи также используются эвфемистические выражения: *Basra belly* (букв. 'состояние живота в Басре'), *Delhi belly* (букв. 'состояние живота в Дели'), *Hong Kong dog* (букв. 'Гонконгская дрянь'). Данные фразеологизмы отражают привычку

путешествовать в разные страны, при которой нарушается режим питания, что и влечет за собой недомогание.

В английском языке выявлено достаточно большое количество эвфемистических номинаций венерических болезней: *to pick up a nail* (букв. 'подобрать гвоздь') 'подхватить гонорейю', *piled with French velvet* (букв. 'быть заваленным французским бархатом') 'зараженный сифилисом', *to piss pins and needles* (букв. 'мочиться булавками и иголками') 'быть зараженным гонореей'.

4. Фразеологические эвфемизмы, обозначающие пороки и проступки человека.

Фразеологизмы-эвфемизмы с обозначением человеческих пороков выполняют роль смягчения и вуалирования порицаемых человеческим обществом действий и поведения человека. Эвфемистическая функция подобных единиц в значительной мере обусловлена внутренней формой фразеологизмов, а именно их мелиоративной образностью. В связи с этим Ю. С. Арсентьева справедливо отмечает, что внутренняя форма, образ «заложенные в основу значения фразеологизма, являются причиной смягчения и вуалирования подобных понятий, поскольку фразеологизмы-эвфемизмы в данном случае выступают как способы непрямого, перифрастического и смягчающего обозначения» [Арсентьева 2012 : 7]. Присущее людям чувство отвращения и стыда к проявлениям социально-отрицательных форм поведения приводит к возникновению эвфемистических замен мелиоративно оцениваемых внеязыковых явлений.

Наиболее осуждаемыми человеческим обществом пороками являются пьянство, убийство и самоубийство: *to send somebody to kingdom-come, to have / take a drop, to kiss the cup, to have (take) a drop, to have one too many, to have a few* 'употреблять спиртное'; *to get a bullet* (букв. 'получить пулю') 'убить', *to make a hole in the water* (букв. 'делать дыру в воде') 'покончить с собой'.

Приведем еще несколько примеров эвфемистических замен неприглядных действий и поступков: *to take care of* 'давать взятку', *to wear Hector's coat* 'быть предателем', *cold feet* 'трусость', *industrial logic* 'жадность', *to help oneself* 'воровать'.

Обозначение сексуальной сферы также можно отнести к данной тематической группе. Про легкодоступную женщину говорят: *sister of night, working girl, easy take, easy lay, a lady of easy virtue, a light (easy) woman*. Эвфемистическое выражение *side orders* (букв. 'побочные заказы') обозначает сексуальные практики необычного или развратного характера.

Фразеологизм-эвфемизм *a call boy* номинирует продажного мужчину, поставщика своего тела. Приведем примеры фразеологизмов-эвфемизмов, которые выступают образными номинациями для характеристики похотливого мужчины: *Armstrong heater, bachelor of hearts, big-time operator, ladies' choice / cherce, lounge lice / lizard*. Ряд фразеологических эвфемизмов характеризует неуместное или непристойное поведение мужчины: *to check up on somebody* 'оценивать взглядом женские прелести', *to make a play, to make a forward pass at somebody* 'делать откровенные намеки женщине', *wild man* 'распутный мужчина', *bear with the women* 'чрезмерно любвеобильный мужчина, предпочитающий женское общество', *to play the goat* 'вести распутный образ жизни'.

Таким образом, фразеологизмы-эвфемизмы специально создаются в языке с целью смягчения, вуалирования, замалчивания общественно табуированных, морально и социально неприемлемых реальных денотатов. Социально табуированные предметы и явления в результате эвфемистической номинации приобретают более мягкие, приемлемые в обществе обозначения.

Summary. The article analyses phraseological euphemisms in the English language. The most typical thematic groups of the studied units are presented. It has been established that it is the euphemistic function that is most suitable for veiling and hiding undesirable facts and negative phenomena of reality.

Keywords: phraseological unit, euphemism, phraseological euphemism, euphemistic function, thematic group.

Литература

1. Москвин, В. П. Эвфемизмы: системные связи, функции и способы образования / В. П. Москвин // Вопр. языкознания. – 2001. – № 3. – С. 58–70.
2. Крысин, Л. П. Эвфемизмы в современной русской речи / Л. П. Крысин // Русское слово, свое и чужое : исследования по современному русскому языку и социолингвистике. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – С. 262–286.
3. Арсентьева, Ю. С. Сигнификативно-денотативный компонент значения фразеологизмов-эвфемизмов английского и русского языков / Ю. С. Арсентьева // Филология и культура. Philology and culture. – 2012. – № 1 (27). – С. 5–8.
4. Holder, R. W. A Dictionary of Euphemisms. How Not to Say What You Mean / R. W. Holder. – Oxford : Oxford University Press, 2007. – 410 p.
5. Бояркин, В. Д. Фразеологические единицы со значением «умереть» в русском и чешском языках (на материале ономастической фразеологии) / В. Д. Бояркин,

Л. И. Степанова // Исследования по общей и дагестанской фразеологии : Межвузовский тематический сборник научных трудов. – Махачкала, 1989. – С. 60–67.

6. Ларин, Б. А. Об эвфемизмах / Б. А. Ларин // История русского языка и общее языкознание : пособие для студ. пед. ин-тов / Б. А. Ларин ; сост. Б. А. Богородский, Н. А. Мещерский. – М. : Просвещение, 1977. – С. 101–114.

Лисовская Инна Викторовна,

доцент кафедры иностранных языков

УО «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы»,

кандидат философских наук

ТИПИЧНЫЕ ОШИБКИ В ЯЗЫКЕ И СТИЛЕ ДЕЛОВОГО ПИСЬМА В АНГЛИЙСКОМ ВАРИАНТЕ

Резюме. В статье обосновывается, что изучение таких важных аспектов делового письма, как стиля и грамматики, которые играют ключевую роль в создании эффективных и профессиональных писем, правильное использование времен, модальных глаголов, а также умение формулировать ясные и лаконичные предложения имеют большое значение при написании деловых писем.

Ключевые слова: деловое общение, деловая переписка, деловое письмо.

Деловое общение в современном мире является неотъемлемой частью работы различных людей. Многие предприниматели, а также дипломаты, консулы используют такой инструмент как письменная коммуникация. Как в бизнесе, так и для дипломатических отношений главным является умение правильно составлять деловые письма. В наше время деловая переписка играет важную роль в коммуникации между предпринимателями, бизнес-партнерами и клиентами, особенно если учитывать, что английский является языком международного общения. Любая документация, любая переписка, которая выходит на международный уровень, будет вестись посредством этого языка. Поэтому знать нюансы ведения английской деловой переписки, не только важно, но и обязательно. Каким бы ни было ваше дело или профессия, умение составлять эффективные деловые письма на английском языке является неотъемлемой частью успешной работы [Кутний 2005].

Деловая коммуникация или деловое общение является самым распространенным из видов общения людей в обществе. Без него нельзя обойтись в таких сферах, как экономика, дипломатия, коммерция. Деловое письмо является одним из важнейших инструментов связи между различными организациями и учреждениями. Это документ, используемый, для передачи информации на расстояние между двумя корреспондентами, которыми могут быть и юридические, и физические лица [Гуринович 2003]. Деловое письмо выполняет ряд важных функций. Прежде всего, это – информационная функция. В письме обычно закреплены факты, сведения,

мнения и т. д. С помощью писем ведутся переговоры и строятся отношения между различными предприятиями и организациями. В письмах излагаются претензии, жалобы; выражаются просьбы, благодарности, извинения; оформляются приглашения.

В современном мире английский язык стал неотъемлемой частью деловой коммуникации. Быть владельцем хороших навыков письменного общения на английском языке является ключевым фактором успеха в профессиональной сфере. Однако, несмотря на уровень владения языком, многие люди допускают типичные ошибки в языке и стиле делового письма на английском языке.

Знание и исправление таких ошибок имеет важное значение, поскольку это способствует созданию эффективного и профессионального образа, а также помогает ясно и точно передавать информацию.

Рассмотрим несколько типичных ошибок, которые часто встречаются при написании деловых писем на английском языке.

Вот некоторые типичные ошибки в языке и стиле деловых писем на английском:

1. Использование неформальных выражений и сленга.

В деловом письме необходимо использовать формальный и профессиональный язык. Избегайте неформальных фраз, сокращений и сленга, которые могут создать непрофессиональное впечатление.

2. Плохая организация и структура.

Важно представлять свои идеи и заинтересовать читателя. Письмо должно иметь логичную структуру, иметь вводную часть (приветствие), основную часть (содержание) и заключение (прощание).

Если получатель вашего письма вынужден задавать вопросы из-за того, что ему что-либо непонятно, значит, вы упустили что-то существенное в своем письме. Письмо должно содержать всю необходимую для получателя информацию, все важнейшие и интересующие его подробности.

3. Грамматические ошибки.

Ошибки в грамматике могут существенно повлиять на понимание вашего сообщения. Запрещено допускать такие ошибки, как неправильное использование времен, неправильное образование множественного числа, неправильная согласованность времен и другие. К грамматическим ошибкам можно отнести следующее:

1) Обобщения (There is/there are)

В формальном деловом письме все должно быть четко, кратко и понятно. Следует избегать двусмысленности и обобщений – только конкретика.

Рассмотрим на примере:

There are many issues that new employees face at work. – Есть множество проблем, с которыми новые сотрудники сталкиваются на работе.

New employees face many issues at work. – Новые сотрудники сталкиваются со многими проблемами на работе.

Второй вариант является более подходящим для деловой переписки.

2) Использование слов-усиления (“very”, “really” “a lot of”)

Данные слова придают речи эмоциональный оттенок, которого следует избегать в формальной речи. Усиливающие слова используют в публицистическом, художественном и разговорном стилях, но не в деловом общении.

Вместо выражения “a lot of”, лучше использовать “many” или “much” – в зависимости от ситуации. Например, “a lot of variants” – “many variants” [Бессонова 2014].

4. Неправильное использование формы обращения.

Письма, особенно деловые, требуют правильной формы обращения к адресату. Если вы обращаетесь к незнакомому человеку, используйте “Dear Mr./Ms.” с фамилией. Если вы пишете нескольким получателям, используйте “Dear Sir/Madam” или “To whom it may concern”.

5. Использование слишком сложных фраз и излишнего жаргона.

Письма должны быть ясными и легкими для понимания. Избегайте слишком сложных фраз, технического жаргона или длительных предложений. Постарайтесь передать свои мысли простым и понятным языком. Тщательно обдумывайте, четко и понятно излагайте информацию, которую собираетесь послать. Никогда не повторяйтесь, излагая какие-либо факты. Более того, никогда не сообщайте больше информации, чем требуется получателю письма.

Употребляя ненужные слова или фразы, мы надеемся придать письму величавую, чересчур вежливую или профессиональную тональность. Тем самым, желая придать деловому посланию особую важность, мы часто злоупотребляем совершенно излишними фразами, которые неинтересны и неважны реципиенту. Исключение лишних слов или выражений придаст посланию больше деловитости и ясности изложения, вызовет больше доверия к вам со стороны вашего партнера [Бессонова 2014].

6. Неправильное оформление и опечатки.

Опечатки и неправильное оформление могут указывать на небрежность и ответственность. Внимательно проверяйте свое письмо на грамматические ошибки, опечатки и оформление перед отправкой. Помните, что деловые письма должны быть формальными, профессиональными и ясными. При написании деловых писем, всегда лучше уделить время на проверку текста и внимательно рассмотреть все аспекты коммуникации.

Таким образом, для правильного написания делового письма требуется четко определить его вид, чтобы использовать нужную лексику, конструкции и характерные выражения. Также требуется знать, как правильно писать и оформлять письмо. Данный вид корреспонденции должен быть четким, ясным, содержать конкретные цели и задачи. В деловом письме не следует употреблять много ненужных слов и фраз, следует писать все четко и по делу.

Изучение таких важных аспектов делового письма, как стиля и грамматики, которые играют ключевую роль в создании эффективных и профессиональных писем, правильное использование времен, модальных глаголов, а также умение формулировать ясные и лаконичные предложения имеют большое значение при написании деловых писем.

Правильно составленные деловые письма способны повысить профессиональную репутацию и привлечь новые возможности для развития карьеры. В целом, умение правильно различать, составлять и оформлять деловые письма на английском языке является важным навыком, который поможет достичь успеха в современном международном бизнесе. Это способствует эффективной коммуникации, созданию благоприятного профессионального имиджа и установлению успешных деловых отношений с партнерами со всего мира.

Summary. The article substantiates that the study of such important aspects of business writing as style and grammar, which play a key role in creating effective and professional letters, the correct use of tenses, modal verbs, and the ability to formulate clear and concise sentences are of great importance when writing business letters.

Key words: business communication, business correspondence, business letter.

Литература

1. Кутний, Е. А. Бизнес-корреспонденция на английском языке / Е. А. Кутний. – М.: Эксмо, 2005. – 208 с.

2. Гуринович, В.В. Деловая переписка на английском языке / В. В. Гуринович. – Минск: Харвест, 2003. – 255 с.
3. Басаков, М. И. Как правильно подготовить и оформить деловое письмо, учебно-практическое пособие / М. И. Басаков. – М.: Дашков и К, 2002. – 112 с.
4. Бессонова, А. Н. О некоторых особенностях английского делового письма / А. Н. Бессонова // Высшее образование сегодня. – 2014. – № 5. – С. 56–61.

Лукашевич Надежда Витальевна,

преподаватель кафедры иностранных языков

УО «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы»;

Бизня Светлана Игоревна,

преподаватель кафедры иностранных языков

УО «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы»

НЕМЕЦКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В СОВРЕМЕННОМ ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ

Резюме. В статье рассматриваются немецкие заимствования, существующие во французском языке, путь их ассимиляции и их место в современном французском языке.

Ключевые слова: заимствования, ассимиляция иноязычной лексики, диалог культур, билингвальный.

Язык, будучи постоянно изменяющимся организмом, не может не реагировать на близость другого языка, с которым он находится в постоянном и непосредственном контакте. Заимствования являются наиболее естественной формой взаимного влияния языков. Особенно подвижным и изменчивым уровнем языка является лексика, поэтому именно этот уровень языка наиболее чувствителен к изменениям, связанным с непосредственными контактами с другими языками.

Разного рода взаимодействия не могли не отразиться на языках и культурах двух соседствующих народов. В большей степени это влияние проявилось в немецком языке, т. к. Франция долгое время являлась образцом стиля и хороших манер для всех европейских государств. Роскошь французского абсолютизма вызывала желание у монархов других государств подражать французской моде. Как следствие, многочисленные галлицизмы, неотъемлемой частью немецкого языка. Между тем было бы не совсем правильно говорить только о влиянии французского языка на немецкий, т. к. часть лексики языка является заимствованной из германских языков. В рамках данной статьи предпринимается попытка исследования иноязычной лексики немецкого происхождения в современном французском языке и определяется её релевантность для принимающей лингвокультуры. В процессе изучения заимствованной лексики разбираются причины, типы и способы заимствования слов.

Проникновение немецких слов во французский язык хорошо прослеживается в приграничных территориях Франции и франкоговорящих регионах Швейцарии, Бельгии. Здесь можно встретить слова, перешедшие во французский язык благодаря тесному контакту двух языков, и чаще всего, не встречающиеся в других регионах Франции.

Согласно различным исследованиям, из 35000 слов, используемых в речи французами, 714 являются заимствованиями из немецкого или старонемецкого языков. Таким образом, немецкие заимствования составляют порядка 2 % лексики современного французского языка (на территории современной Швейцарии доля заимствования из немецкого языка составляет 12 %) [Ладыгина 2012 : 270]. Существует большое количество слов и выражений, появившихся во французском языке под влиянием культуры и науки Германии. Такие лексемы воспринимаются как регионализмы, например, заимствованное в 1759 году немецкое прилагательное *lustig* стало во французском языке существительным и означало «*bouffon attaché aux régiments suisses*», затем с 1862 года лексема начинает использоваться в качестве прилагательного «*gai, joyeux, amusant*» в приграничных землях Франции. Немецкие заимствования во французском языке проходят долгий путь ассимиляции: непривычные предлоги и падежные отношения, немецкие сложные слова, лексемы с большим количеством согласных, необычная орфография – всё это для французов представляет большую сложность.

Между тем существует много подтверждений тому, что немецкие заимствования во французском языке употребляются наряду с автохтонной лексикой. Хотя многие из них, несмотря на активное использование в речи, сохраняют немецкую орфографию: *rottweiler – un chien de garde de taille moyenne – le nom de la race vient de Rottweil, un nom de lieu; schlitte – une sorte de traîneau; beitschwanz – une variété d’astrakan; schnaps – une sorte de boisson alcoolisée; schuss – une descente directe en ski; gewurztraminer – une sorte de vin* [Centre National de Ressources Textuelles et Lexicales 2024]. Далеко не все заимствования остаются неизменными. Так, например, пришедший из немецкого языка глагол *saisir* ассимилировался в языке-реципиенте и входит в состав наиболее употребительной лексики французского языка. Несмотря на большое количество синонимов, таких как *prendre, découvrir, comprendre, apercevoir, voir, repérer* и т. д., глагол *saisir* не имеет прямого эквивалента во французском языке и активно используется в современной речи как в прямом, так и в переносном значениях, сравните: *Les historiens du journalisme ont décrit l’émergence et le développement de ce champ de production culturelle à partir de la fin du XIX*

siècle. Leurs travaux permettent de saisir la permanence des débats sur la profession de journaliste, sa responsabilité morale et juridique, sa formation, ses dérives ainsi que les mécanismes de défense celles-ci suscitent [Centre National de Ressources Textuelles et Lexicales 2024]. *On saisit la bête (désossée et aplatie par le volailler) à la plancha ou dans une cocotte en fonte, on la laisse rôtir dans sa graisse 25 mn, avant de la retourner pour 10 mn.* [Daguerre M. La Foire d'automne revient à Paris 2024]. *Depuis 1978, le photographe américain Stephen Vaughan a su se glisser sur les tournages les plus cultes d'Hollywood pour saisir des instants forts et fugaces* [Expo: instants volés sur les tournages d'Hollywood 2024]. *Elle a d'ailleurs saisi la Cour européenne des droits de l'Homme qui doit se prononcer prochainement sur son sort* [7 façons de rôtir un poulet 2024]. *Le FBI n'avait pas tardé à se saisir de l'affaire et à retrouver l'auteur de ce piratage, un homme de trente-cinq ans, originaire de Floride.* Следует уточнить, что во французском языке немецкие слова редко появлялись в угоду моде. Однако, один из фактов такого влияния зафиксирован в словаре Dictionnaire des difficultés de la langue française, в котором говорится о том, что из немецкого языка во французский проникло более 200 слов. Общеизвестен также тот факт, что во времена наполеоновской оккупации Германии немецкий и французский языки пополнились заимствованиями. Именно в этот период во французском языке появилось слово *vasistas*, которое в 1798 году вошло в словарь Французской Академии (Perrault F. *Quels mots du vocabulaire français sont d'origine allemande?*). Данная лексема происходит от немецкого «*Was ist das?*». Такой вопрос задавали немцы в маленькое дверное окошечко, когда в их дверь стучали французы. Лексема *vasistas* остаётся актуальной для французского языка в значении «*petit vantail vitré s'ouvrant dans un tympan ou un vantail de baie*» и употребляется в национальном языке, несмотря на большое количество синонимов: *fenêtre, lucarne, ouverture, tabatière* и т. д. Германия всегда была серьёзным военным противником для многих стран Европы и уделяла большое внимание развитию военной промышленности и всего, что с этим связано. Постоянные военные конфликты, имевшие место в истории Германии и Франции, можно считать одним из экстралингвистических факторов, обуславливающих проникновение немецкой лексики во французский язык. Немецкие заимствования закрепились в языке-реципиенте, т. к. в национальном языке и культуре не было собственных номинаций для многих явлений, например: *blockhaus* – *all. Blockhaus* – «*maison charpentée faite à l'aide de poutres et de piquets de bois, composé de Block et de Haus «maison», et qui est attesté comme terme de fortification en*

1579» [Ладыгина 2012 : 274]. Данное слово существует во французском языке благодаря тому, что привнесло в язык новое понятие, точное название определённым образом построенного помещения. Среди лексических единиц соответствующей тематики не обнаруживается эквивалента, сравните: *casemate, fortin, forteresse, fortification, ouvrage, abri, bloc, bunker*. Бóльшая часть немецких заимствований появилась в языке-реципиенте вместе с вещью или явлением, которые она обозначала в немецкой культуре. Необходимо отметить, что заимствования из немецкого языка относятся к разным тематическим группам, но в их составе чаще других встречаются лексемы, которые можно условно отнести к таким тематическим группам, как: научные термины: *abréaction, interversion, zinc, aspirine, morphologie, bandonéon, biologie, plancton, quartz*; военная лексика: *bunker, panzer, sabre, calèche, arquebuse, beffroi, bivouac, cartel, hallebarde*; флора и фауна: *houx, gui, bûche, osier, roseau, aune, saule, hêtre*; общеупотребительная лексика: *quille, valse, accordéon, leitmotiv, handball, land, lied, asticoter, baltique, foudre, rafle, ersatz*. Немецкие заимствования являются релевантными для современного французского языка и не выходят из употребления, т. к. они используются для заполнения лакун в языке-реципиенте. В пользу этого утверждения говорит тот факт, что значимая часть заимствований на протяжении долгого времени сохраняется в языке, несмотря на активную борьбу французов за чистоту национального языка. Так, например, слово *leitmotiv*, некогда появившееся во французском языке в значении «*phrase qui revient à plusieurs reprises, motallemand, employé surtout pour désigner une caractéristique des opéras de R. Wagner*» [Centre National de Ressources Textuelles et Lexicales 2024], давно перестало употребляться только в отношении музыки. Сегодня оно используется, когда речь идёт о моде, политике, кухне, обществе, красоте, отдыхе, любви и т. д.: *Cet hôtel «poème» a refusé le design plan-plan et stérile, merci! Son leitmotiv: dédier les étages à l'écriture, autant celle des carnets de voyageurs que celle des coeurs laissés sur l'écorce des arbres. Le leitmotiv cette année? Préparer son «cocon pour l'hiver», tout un programme!* [Expo: instants volés sur les tournages d'Hollywood 2024]. *Et partout, taggé comme un leitmotiv, ce slogan: «Vivre son couple, la sexualité, en parler tout simplement». Leur leitmotiv? S'épanouir, et ne surtout pas tout sacrifier au boulot. Le leitmotiv mode aux portes des défilés à New York? Les couleurs flashy! En touche ou en total look, la couleur a réveillé les looks d'hiver des nos amies rédactrices.*

Французский язык в Швейцарии также имеет изрядную долю швейцарских немецких слов и выражений. Эти так называемые «германизмы»

обычно относятся к более современным терминам. Вот лишь некоторые из них: *Foehn* (от немецкого слова *Föhn* (фен), обозначающего теплый ветер, проходящий через горы), *Maturité* (от немецкого слова *Matura* – выпускной экзамен в швейцарской системе среднего образования), *Mutr* и *Vatr* (германизмы, обозначающие *Mutter* (мать) и *Vater* (отец)), *Action*: (от немецкого слова *Aktion*, означающего распродажу или продвижение), *Poutzer* (от немецкого *putzen*, означающего «чистить»).

Кроме того, многие швейцарские немецкие слова берут свое начало в Романии. Например, *Merci* (спасибо), *Velo* (велосипед), *Billet* (билет) и *Coiffeur* (парикмахер).

Проведенное Е. В. Ладыгиной в 2012 году исследование позволяет выделить семантические поля, где наиболее ярко представлены заимствования из немецкого языка. На наш взгляд, наиболее распространенными являются:

- кулинария: *rosti* (*rosti* нем.) картофельный пирог;
- повседневная бытовая лексика: *poutzer* (*putzen* нем.) убирать, чистить, *poutzeuse* уборщица;
- административная лексика, связанная с внутренней политикой: *neinsager* (*neinsagen* нем. те (граждане, кантоны, коммуны), кто на референдумах голосует против;
- игры, развлечения, праздники: *Chibre* (*Schieber* нем.) шибер, *yasse* (*Jass* нем.) (название карточных игр) [Ладыгина 2012 : 271].

Таким образом, на основе представленного в статье материала можно сделать вывод, что немецкие заимствования, существующие во французском языке, необходимо рассматривать как средство обогащения языка, поскольку большая часть из них привнесла в язык-реципиент новое знание. Релевантность немецких заимствований для принимающей лингвокультуры доказывает тот факт, что данные лексемы существуют в современном французском языке, фиксируются авторитетными словарями и активно используются носителями языка.

Summary: The article deals with German borrowings that exist in the French language, the path of their assimilation and their place in the modern French language.

Key words: borrowings, assimilation of foreign vocabulary, dialogue of cultures, language, bilingual.

Литература

1. Ладыгина, Е. В. Место заимствований из немецкого языка во французском языке Швейцарии / Е. В. Ладыгина // Вестник Тамбовского университета. Сер. Гуманитарные науки. – 2012. – Вып. 4 (108). – С. 270–274.
2. Невежина, Е. А. Динамика языковых процессов в Валлонии и Брюсселе как пограничных ареалах Романии: автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.05 / Е. А. Невежина ; Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. – Москва, 2016. – 22 с.
3. Centre National de Ressources Textuelles et Lexicales. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.cnrtl.fr/etymologie>. – Дата доступа: 11.05.2024.
4. Daguerre, M. La Foire d'automne revient à Paris. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.elle.fr/Elle-a-Table/Les-dossiers-de-la-redaction/News-de-laredaction/La-Foire-d-automne-revient-a-Paris-2232534>. – Дата доступа: 11.05.2024.
5. Expo: instants volés sur les tournages d'Hollywood. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.elle.fr/Loisirs/Sorties/Dossiers/Expo-instants-voles-sur-les-tournagesd-Hollywood>. – Дата доступа: 14.05.2024.
6. 7 façons de rôtir un poulet. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.elle.fr/Elle-a-Table/Lesdossiers-de-la-redaction/Vie-privee-Cuisine/7-facons-de-rotir-un-poulet1584864/A-la-crapaudine-1584906>. – Дата доступа: 14.05.2024.

Матько Ирина Дмитриевна,

доцент кафедры иностранных языков

УО «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы»,

кандидат филологических наук, доцент

ДОСТИЖЕНИЕ ЭКВИВАЛЕНТНОСТИ ПРИ ПЕРЕВОДЕ ЮРИДИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ

Резюме. Статья посвящена проблеме достижения эквивалентности при переводе профессиональных юридических текстов. Рассматриваются терминологический, понятийный (концептуальный), структурный, типологический и диахронический аспекты решения поставленной задачи. Определена главная цель переводчика профессиональных юридических текстов – сохранение функциональной эквивалентности исходного и переводного текста.

Ключевые слова: юридический перевод, закон, структурная, понятийная, терминологическая функциональная эквивалентность.

Сохранение и адекватная передача информации при переводе была и остается важнейшей частью работы переводчика [Ballard 1995; Gémar 2005, 2011 и др.]. Способы и методы решения этой задачи во многом зависели от теоретических взглядов и практических навыков переводчиков и разрабатывались как в рамках общих, так и частных теорий. Благодаря усилиям лингвистов и юристов-компаративистов многие проблемы перевода нашли приемлемые для специалистов пути решения.

В настоящее время доминирует точка зрения, согласно которой при переводе правовых текстов умение переводчика заключается в достижении функциональной эквивалентности текстов, то есть гармоничного баланса между буквой и духом исходного и переводного юридического текста [Sacco 2000 и др.]. Появление термина эквивалентность в лингвистике относится ко второй половине девятнадцатого века. Став одним из основных понятий переводоведения, эквивалентность является объектом пристального внимания и всестороннего изучения представителями многих направлений лингвистики. Благодаря их исследованиям были выделены различные ее виды: коннотативная, динамическая, функциональная, формальная, референтная, семантическая, текстуальная и т. д. По названиям можно судить о том, в каких направлениях изучался данный лингвистический феномен.

Остановимся лишь на нескольких аспектах проблемы эквивалентности, которые следует принимать во внимание при выполнении перевода профессионального юридического текста.

Первая, и наиболее существенная трудность, с которой сталкивается переводчик, заключается в том, что он имеет дело не только с языком права и юридической лексикой, но также с понятиями и концептами, значения которых он должен сохранить и адекватно перенести из одной правовой системы в другую правовую систему. В качестве примера можно привести сравнительный анализ понятия *contract* в английском языке общего права (*common law*) и термином *contrat* во французском праве, относящимся к романо-германской правовой традиции. Проведя исследование этих двух терминов в разных правовых системах, Ж. К. Жемар пришел к выводу, что объем понятия *contract* в *common law* не соответствует объему понятия *contrat* во французском праве, и поэтому может выступать его эквивалентом только в определенных контекстах [Gémar 2015]. Но и в рамках одной правовой традиции – например, романо-германской – могут иметь место неполные совпадения юридических понятий и их языковых реализаций. Так, например, термин *biens meubles* французского Гражданского кодекса не может быть эквивалентом немецкого термина *bewegliche Sachen*, поскольку в немецком праве этот термин относится только к вещественному имуществу [Gémar 2015]. Приведенные примеры наглядно демонстрируют понятийную и концептуальную неоднородность юридических языков; более того, количество подобных примеров достаточно велико, что дало право некоторым юристам-компаративистам подвергнуть сомнению принципиальную возможность достижения эквивалентности при переходе их одной правовой системы в другую [David 1974; Legrand 2005 и др.]. Возможное решение предложил Р. Сакко, который считает, что при переводе юридических текстов переводчик должен стремиться не столько к эквивалентности лексической или даже эквивалентности концептов (это, по его мнению, вторично), а к эквивалентности текстов [Sacco 2002 : 238]. Аналогичную точку зрения разделяют и создатели *Skopostheorie*, который уточняют, что в ходе и в результате перевода исходного юридического текста его функциональное наполнение не должно измениться, то есть переводной текст не должен приобрести новые либо утратить прежние функции [Nord 2010 : 183].

Для этого переводчик должен хорошо знать, в чем заключаются различия правовых систем двух языков. В частности, чем принципиально несхожи две наиболее распространенные в настоящее время системы

права – англо-саксонская система *common law* и романо-германская правовая традиция. Укажем лишь на два, наиболее существенных, на наш взгляд, их отличия. Во-первых, эти системы основаны на двух противоположных схемах умозаключений и методов, находящихся на двух крайних полюсах юридического спектра: индукция vs дедукция, частное vs общее, юриспруденция vs закон, право неписанное / обычное vs право писанное / кодифицированное. Поэтому, например, в английском юридическом языке условия принято упоминать в начале фразы, статьи или положения закона, пункта закона, судебного решения, в то время как во французском в начале излагается общий принцип, имплицитно подразумевая общепринятые и общеизвестные вещи. Во-вторых, различие между двумя системами права, которое коротко сформулировал юрист-компаративист Р. Давид, заключается в том, что в *common law* процедура превалирует над правом, в то время как в романо-германской правовой традиции право, наоборот, играет главную роль в правовом процессе [David 1974]. Таким образом, при переводе юридических текстов, при подборе эквивалентов для передачи терминов необходимо учитывать системные особенности различных правовых традиций. Для этого иногда нужно переформулировать фразы, адаптируя ее под синтаксические нормы переводного языка, а порой – и переструктурировать все содержание документа, не исказив при этой трансформации юридический смысл текста.

Не менее важно решать и ряд второстепенных, однако существенных, задач, для обеспечения функциональной эквивалентности исходного и переводного текстов.

При выборе стратегии перевода следует учитывать также типологию юридических документов. Принято различать четыре вида текстов, создаваемых юристами: законы, постановления, решения суда, доктрина. Однако не всегда представляется возможным провести четкую границу между ними. Задача усложняется еще и тем, что авторами документов могут быть разные источники права: законодатель, судья, нотариус и т. д. Иными словами, каждой значимой сфере функционирования правовых текстов (исполнительной, законодательной, судебной) присущие свои специфические стили, манеры изложения материала, своя особая фразеология, и стилистические особенности того или иного вида текста должны учитываться при переводе.

Для понимания различия между похожими на первый взгляд юридическими понятиями переводчик должен иногда обращаться к диахроническому аспекту проблемы, чтобы исследовать исторический путь, которое

прошло юридическое понятие на всем протяжении своего существования. И лишь изучив все этапы формирования понятия или концепта, вооружившись полученными данными, переводчик может переходить на следующий, синхронный этап поиска и подбора потенциального эквивалента понятия в другой, как языковой, так и юридической системе. Для иллюстрации важности учета исторического экскурса приведем пример английского термина *property* [Gémar 2015]. На первый взгляд, его перевод с английского на французский не вызывает больших затруднений: либо *bien*, либо *propriété* (в зависимости от второго значения слова *propriété*). Отметим, что оба французских термина имеют строго определенные значения в рамках романо-германской юридической системы. Но для перевода необходимо выйти за пределы данной правовой системы и искать эти термины и понятия в иных правовых и языковых системах, например, англосаксонской *common law*, и в этом случае сложность такой операции становится очевидной. Диахроническое исследование термина *property* помогает решить задачу: исторически сложилось так, что в *common law* земельным собственником выступает только Корона, королевская власть, в то время как в романо-германской правовой системе земельным собственником может быть и частное лицо. Следовательно, если в юридическом документе *common law* используется термин *property*, значит, речь идет о собственности Короны, но не частного лица, в то же время похожий французский термин *propriété* имеет более широкий спектр значений и распространяется как на частных лиц, так и на общественную (государственную) собственность.

Несомненным является и тот факт, что переводчик, не являясь специалистом в области права, обязан в своей работе опираться на мнение юристов вообще и интерпретации юристов-компаративистов в частности, которые при сравнительном анализе правовых систем и документов сталкиваются со схожими проблемами как понятийного, так и терминологического порядка. Однако при этом перед переводчиком стоит более сложная задача, чем перед юристами, поскольку он должен совершать двойное действие: акт сравнительного права, сопряженный с переводной операцией [Sacco 1999 : 168]. Как видим, трудности юристов и переводчиков в этом смысле схожи, поскольку и те, и другие «интерпретируют» юридические тексты, хотя с разными целями и с использованием разных методов [Sacco 1999 : 168].

Профессиональные юридические документы представляют собой отдельную особую группу текстов, требующих специфических подходов при переводе содержащейся в них информации с одного языка на другой.

В поисках эквивалентности перевода юридических текстов в настоящее время стала доминировать точка зрения, согласно которой при переводе должен превалировать дух, а не буква (закона). Такой подход ставит перед переводчиком двойную задачу: добиться не только языковой, но и юридической эквивалентности исходного и переводного текстов при переходе из одной правовой системы в другую.

Следует отметить, что проблема перевода юридических текстов не ограничивается рамками только лексики, ее терминологических и понятийных аспектов. Трудности возникают и с передачей способа составления этих текстов, его стиля, которые могут значительно отличаться в зависимости от языка документа, и это также необходимо учитывать при переводе.

При выборе стратегии перевода следует учитывать также типологию текстов (документов), поскольку от типа документа в многом может зависеть и стратегия его перевода.

Одним из возможных критериев подбора эквивалентов является опора на историческую ретроспективу формирования этих терминов.

И, конечно, тесное сотрудничество переводчика с юристами оказывает неоценимую помощь для качественного перевода профессиональных правовых документов.

Summary. The article is devoted to the problem of achieving equivalence in the translation of professional legal texts. The terminological, conceptual (conceptual), structural, typological and diachronic aspects of solving the problem are considered. The main purpose of the translator of professional legal texts is to preserve the functional equivalence of the source and translated text.

Key words. Legal translation, law, structural, conceptual, terminological, functional equivalence.

Литература

1. Ballard, M. De Cicéron à Benjamin / M. Ballard. – Lille: Presses universitaires de Lille, 1995. – P. 163–168.
2. David, R. Les grands systèmes de droit contemporains / R. David. – 6e éd. – Paris : Dalloz, 1974. – 663 p.

3. G mar, J.-Cl. Traduire le droit. Lettre, esprit et  quivalence. In : Marie Cornu et Michel Moreau, dir. Traduction du droit et droit de la traduction / J.-Cl. G mar. – Paris : Dalloz, 2011. – P.129–144.
4. G mar, J.-Cl. La jurilinguistique : entre langues et droits. / J.-Cl. G mar, N. Kasirer / – Montr al / Bruxelles : Th mis / Bruylant, 2005. – 596 p.
5. G mar, J.-Cl. De la traduction juridique   la jurilinguistique : la qu te de l' quivalence [ лектронный ресурс]. – Режим доступа: <https://id.erudit.org/iderudit/1036139ar>. – Дата доступа: 07.03.2024.
6. Legrand, P. Issues in the Translatability of Law. *In* : Sandra Bermann et Wood, dir. Nation, Language, and the Ethics of Translation / P. Legrand. – Princeton : Princeton University Press, 2005. – P. 30–50.
7. Nord, Ch. Loyalit t als ethisches Verhalten im Translationsprozess. *In*: Ina M ller, dir. Und sie bewegt sich doch... Translationswissenschaft in Ost und West, Festschrift f r Heidemarie Salevsky zum 60. Geburtstag / Ch. Nord. – Francfort : Peter Lang, 2004. – P. 234–245.
8. Sacco, R. Langue et droit. *In* : E. Jayme, dir. Langue et droit / R. Sacco. – Bruxelles : Bruylant, 2000. – P. 224–260.
9. Sacco, R. // Langue et droit. *In* : R. Sacco et L. Castellani, dir. Les multiples langues du droit europ en uniforme / R. Sacco. – Turin: L'Harmattan, 1999. – P. 163–185.

Мерчи Александра Павловна,

доцент кафедры английской филологии

УО «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы»,

кандидат филологических наук (научный руководитель);

Костюкевич Яна Валентиновна,

студентка 4 курса филологического факультета

УО «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы»

«РАЗГОВОР ГЛАЗАМИ»: НЕВЕРБАЛЬНОЕ ОБЩЕНИЕ В РОМАНЕ НИКОЛАСА СПАРКСА «СПЕШИ ЛЮБИТЬ»

Резюме. В данной статье рассматривается вопрос невербальной коммуникации, осуществляемой посредством мимики. Целью данной работы является изучение особенностей передачи взглядов в аспекте межличностной коммуникации героев в англоязычном романе, представление классификации средств передачи мимики, а также выявление частоты их применения.

Ключевые слова: невербальная коммуникация, окулесика, общение, взгляд, эмоции.

Когда мы общаемся с другими людьми, большая часть нашей коммуникации происходит не только посредством слов, но и через невербальную составляющую коммуникации. В эту категорию входят жесты, мимика, интонация голоса и особенно наш взгляд. Ведь первое, что происходит при коммуникации, – это установление «зрительного контакта».

Окулесика – это наука о визуальном поведении человека и языке глаз. Она изучает функции и значение жестов в общении, которые формируются на основе различных движений глаз во время общения [Элтузерова 2021 : 581]. Глаза играют значительную роль в передаче эмоций, интенций и информации, которая может быть неявной в нашей вербальной коммуникации. Например, когда два влюбленных смотрят друг на друга, они могут выражать любовь, страсть, нежность или счастье без слов. Глаза могут передавать глубокие эмоции и устанавливать особую связь между партнерами.

Г. Е. Крейдлин подчеркнул важность изучения движений глаз и их влияния на коммуникацию [Крейдлин 2002]. А. Пиз в своей книге «Язык тела» уделяет целый раздел вопросам контроля за взглядами единомышленников. В этом разделе он обсуждает важность контакта глаз и способы использования взгляда для установления связи и передачи информации между людьми [Пиз 1992]. В современных исследованиях по теории

языка также обращают внимание на способы передачи невербального общения (например, работы Г. Е. Крейдлина [Крейдлин 2002], С. А. Григорьевой [Григорьева 2001], А. П. Мерчи [Мерчи 2015] и др.).

Глаза являются одним из наиболее выразительных частей лица. Они служат каналом передачи информации о нашем настроении, интересах, уровне комфорта и даже о том, что мы думаем. Окулесика помогает расшифровывать и анализировать невербальные сигналы, чтобы получить более полное представление о том, что на самом деле происходит во время общения с другими людьми. Иногда люди, которые испытывают стеснение, социальную тревожность или языковые трудности, могут использовать глаза, чтобы передать свои мысли и эмоции. Взгляд может выражать нервозность, уверенность, согласие или несогласие.

Важно отметить, что восприятие взгляда может различаться в зависимости от культуры и контекста. Например, в некоторых культурах прямой взгляд (глаза в глаза) считается признаком доверия, в то время как в других культурах это может восприниматься как неприличное или агрессивное поведение. Поэтому при «чтении» взгляда необходимо учитывать культурные особенности и контекст общения. Например, при собеседованиях, переговорах или презентациях глаза человека могут помочь определить, насколько он заинтересован или уверен в своих словах, а по взгляду можно понять эмоциональное состояние человека.

В данной работе были проанализированы примеры передачи мимики героев (а именно примеры передачи взгляда и движения глаз персонажей при их межличностном общении) на страницах романа Николаса Спаркса «A Walk to Remember» («Спешите любить», 1999) [Sparks] и в его переводе на русский язык, выполненном Валентиной Сергеевой [Спаркс 2023].

В ходе работы с данным произведением было выявлено 38 примеров передачи коммуникации посредством глаз. Эти примеры можно разделить на группы в соответствии с сигналами, которые они посылают.

1. В первую группу отнесем лексемы, выражающие такие эмоции, как удивление, сочувствие, грусть, заигрывание. Например, *Jamie looked at me curiously, and my breaths became shallower* ‘Джейми с любопытством взглянула на меня, и я задышал ровнее’; *She had a mischievous gleam in her eye* ‘В ее глазах появился лукавый огонек’; *I swear he shot me a beady glare when he thought I wasn't looking* ‘Готов поклясться, он взглянул на меня с торжеством’; *In one frenzied motion he grabbed Angela around the waist and dragged her over to the table, giving me one of those looks, the one that «means business»* ‘Яростным движением он обхватил Анжелу за талию, подтянул

ее к себе и бросил в мою сторону многозначительный взгляд»; *Jamie looked at me strangely* ‘Она странно на меня взглянула’; *My mom – after making sure she'd heard Jamie correctly – faced me with her eyebrows raised. She stared at me like I was an alien.* ‘Мама, убедившись, что не ослышалась, удивленно вскинула брови. Она смотрела на меня как на пришельца’; *My mother looked at me sympathetically* ‘Мама сочувственно посмотрела на меня’; «*I love you, Jamie*» *I said again, but this time she wasn't frightened. Instead, our eyes met across the table, and I watched as hers began to shine.* ‘«Я люблю тебя, Джейми», – повторил я, и на этот раз она не испугалась. Наши взгляды встретились; я увидел, как у нее начинают сиять глаза’ и др. Данные примеры показывают, что синтаксически эмоции передаются во многих случаях с помощью обстоятельства образа действия или определения к имени существительному *eye, view, look*.

2. К следующей группе относятся примеры фиксации, движения глаз, которые, согласно Г. Е. Крейдлину, «отражают внимание жестикулирующего на объекте наблюдения» [Крейдлин 2002 : 376]. Например, *His eyes turned into little slits, just like Hegbert's were prone to do* ‘Глаза Лью превратились в узенькие щелочки, совсем как у Хегберта’; *His eyes narrowed* «*Are you calling Angela a liar?*» *he sneered.* ‘Лью прищурился: «Хочешь сказать, что Анжела врет?»»; «*Yeah, I might be full of crap*» *he said, winking at me, «but you're the one who's smitten with Jamie Sullivan»* ‘«Может, я и дурак», – заметил он и подмигнул, «но все-таки именно ты пришел на танцы с Джейми Салливан»’; *He sort of stared at me for a long time, as if thinking about it.* ‘Он долго смотрел на меня, будто раздумывал, после чего спросил’.

3. К третьей группе отнесем выражения, которые свидетельствуют о нежелании контактировать. Г. Е. Крейдлин отмечает, что мимические жесты *опущенный взгляд* и *опущенные глаза* выражают «стыдливость», «смущение», «скромность», или же свидетельствуют о «послушании», «смирении» [Крейдлин 2002 : 378]. Также отвод глаз в сторону и опускание глаз рассматриваются как умиротворяющие или успокаивающие коммуникативные сигналы, снимающие ненужное напряжение [Крейдлин 2002 : 385]. Например, *Instead of answering right away, though, Jamie glanced away for a long moment* ‘Вместо того чтобы ответить сразу, Джейми надолго отвела взгляд’; *He shifted from one foot to the other and looked at his shoes, playing that guilty look for all it was worth* ‘Эрик переступил с ноги на ногу и потупился, старательно изображая раскаяние’; *She looked down and nodded* ‘Она опустила глаза и кивнула’; *She sighed and looked away, running her*

hand through her hair, then turned to me again. I kissed her hand, smiling in return ‘Джейми вздохнула, потупилась, провела рукой по волосам, потом снова посмотрела на меня... Я поцеловал ей руку и улыбнулся’; *Both of them unable to meet her gaze*. ‘Оба избегали смотреть ей в глаза’.

Приведенная выше классификация показывает, что 17 примеров окулесики из романа относятся к первой группе, 11 – ко второй, 10 – к третьей. Такие количественные данные скорее всего могут быть объяснены сюжетом романа, а именно тем, что автор посредством указания на мимику, взгляды, язык глаз героев передает эмоции персонажей, чтобы читатель мог полностью «нарисовать» картину происходящего на страницах романа. Описание эмоционального состояния персонажей через их взгляды в тексте романа позволяет нам лучше понять внутренний мир героев и отношения между ними. Например, нервничающий взгляд может указывать на тревогу или напряжение, презрительный взгляд может выражать пренебрежение или неодобрение, а взгляд, избегающий контакта, может свидетельствовать о чувстве неловкости или стеснения.

Исходя из предоставленной информации, можем сделать вывод, что невербальная коммуникация с помощью глаз действительно является одной из самых сложных форм выражения эмоций и намерений. Понимание того, что наши глаза могут раскрыть наш внутренний мир и отношение к объекту и предмету разговора, может сделать наше общение более эффективным и помочь нам лучше понимать других людей.

Summary. This article is devoted to nonverbal communication carried out through human eyes. The aim of this paper is to study the features of gaze transmission in the aspect of interpersonal communication of characters in the English-language novel, to provide a classification of means of mimicry transmission, as well as to identify the frequency of their usage.

Key words: nonverbal communication, oculusics, communication, gaze, emotions.

Литература

1. Элтузерова, Г. Ж. Элементы окулесики в художественном тексте и их семантика / Г. Ж. Элтузерова // Бюллетень науки и практики. – 2021. – Т. 7 (№ 5). – С. 580–588.
2. Пиз, А. Язык телодвижений: как читать мысли других людей по их жестам / А. Пиз ; пер с англ. Н. Е. Котляра. – Нижний Новгород : Ай – Кью, 1992. – 262 с.
3. Крейдлин, Г. Е. Невербальная семиотика: Язык тела и естественный язык / Г. Е. Крейдлин. – М. : Новое литературное обозрение, 2002. – 592 с.

4. Григорьева, С. А. Словарь языка русских жестов / С. А. Григорьева, Н. В. Григорьев, Г. Е Крейдлин. – М. : Яз. рус. культуры: Вена : Венский славистический альманах, 2001. – 256 с.
5. Мерчи, А. П. Изображение и интерпретация межличностного общения в авторском представлении (на материале рассказов Дж. Лондона и А. И. Куприна) / А. П. Мерчи // Веснік БДУ. Сер. 4, Філалогія, журналістыка, педагогіка. – 2015. – № 2. – С. 53–59.
6. Sparks, N. A Walk to Remember [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://royallib.com/book/sparks_nikolas/A_Walk_to_Remember.html. – Дата доступа: 19.03.2024.
7. Спаркс, Н. Спешите любить / Н. Спаркс [перевод с английского В. Сергеевой]. –М. : Издательство АСТ, 2023. – 224 с.

Рыжкович Анна Чеславовна,

доцент кафедры журналистики

УО «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы»,

кандидат филологических наук, доцент

СМЫСЛОВЫЕ АКТУАЛИЗАЦИИ ПРИЛАГАТЕЛЬНОГО *РЕАЛЬНЫЙ* В МЕДИАТЕКСТАХ СЕТЕВОГО ИЗДАНИЯ SB.VY

Резюме. Статья посвящена рассмотрению смысловых актуализаций прилагательного *реальный* в медиатекстах сетевого издания SB.VY. Установлено, что прилагательное *реальный* востребовано при описании ситуаций и событий в сферах экономики, информационных технологий, политики, истории. В экономическом и идеологическом судбискурсах у данного прилагательного появляются новые смысловые акценты.

Ключевые слова: медиалингвистика, медиатекст, имя прилагательное, категория реальности, журналистский дискурс, праксиология.

Трансформация всех сфер жизни общества стала основой переосмысления устоявшихся субъективных моделей образа мира. Акроним VUCA, который сложился в военном тезаурусе еще в 1990-е гг., сегодня активно применяется для описания новой реальности, которая характеризуется нестабильностью (Volatility), неопределенностью (Uncertainty), сложностью (Complexity) и неоднозначностью (Ambiguity). «Стабильному образу мира вчера жестко противостоит неопределенность, сложность и неоднозначность мира сегодня и мира завтра – образа мира будущего» [Ясько 2021 : 85]. В таких условиях противоположные свойства – реальность, стабильность, понятность – становятся особенно ценными качествами окружающей действительности.

Поскольку основным дискурсом, в котором сегодня оцениваются и интерпретируются происходящие в мире события и развивающиеся явления, остается медиадискурс, в данной статье мы хотим посмотреть, как актуализируется и контекстуально семантизируется прилагательное *реальный* в белорусском медиадискурсе.

Материалом исследования послужили более 200 контекстов с прилагательными *реальный*, выбранных из текстов сетевого издания SB.by.

Указанное прилагательное входит в понятийное поле категории реальности. В истории философии категория реальности на протяжении долгого времени отождествлялась с категорией действительности. Это было связано в первую очередь с тем, что реальность не только не входит в

перечень традиционных философских категорий, но и не имеет своей «парной» категории, как, например, «действительное» и «возможное». Во многих европейских языках реальность лексически тождественна действительности. *Realis* происходит от латинского ‘вещественный, действительный’. Английское *reality* переводится как ‘реальность, действительность, явь, подлинная сущность, реализм, истинность’. Близкое по значению *actuality* обозначает ‘действительность, реальность, факты, подлинные условия, обстоятельства’. М. Хайдеггер в работе «Бытие и время» использует категорию *realität*, в переводе с немецкого ‘реальность, действительность’. Во французском языке *réalité* определяется как ‘действительность, реальность’. Как видим, с лексической точки зрения четко разграничить реальность и действительность затруднительно, и понятие реальность приобретает дополнительные смыслы и варианты, что находит свое выражение и на языковом уровне.

В русском языке центральной единицей в функционально-семантическом поле, формируемой категорией реальности, выступает прилагательное. Языковая семантика этого прилагательного устойчива. В толковом словаре прилагательное *реальный* определяется следующим образом: 1. Существующий на самом деле, действительный, не воображаемый. *Жизнь будила и отрывала его [Райского] от творческих снов и звала, от художественных наслаждений и мук, к живым наслаждениям и реальным горестям.* И. Гончаров, Обрыв. || Подлинный, истинный, настоящий. *Без восстановления крупной промышленности, единственной реальной основы, о социалистическом строительстве не может быть и речи.* 2. Основанный на понимании и учете подлинных условий действительности. *Реальная политика. Реальный взгляд на жизнь.* □ Глухарев написал докладную записку в обком, где указал, что план не реален. Тендряков, Ненастье. 3. Устар. То же, что *реалистический* (во 2 знач.). *Статья П. Д. Боборыкина «Реальный роман во Франции»* [Словарь русского языка 1999].

Поскольку каждый дискурс имеет свои задачи, то и в медиадискурсе прилагательное *реальный* имеет свою дискурсивную специфику. Чувство «реальности» переосмысливается и транслируется журналистами. В медиадискурсе мы находим реализацию значения, которое представлено в словах. Так, традиционно выделяется сема ‘существующий на самом деле, действительный, не воображаемый’. В контекстах: *Журналист газеты Роман Рудь рассказывает реальные истории людей. Фильм основан на реальных фактах. Потому что в его музеях – реальная история, подтвержденная документами и фотографиями. Есть кино, которое пол-*

ностью отражает **реальную жизнь**. Это не сценарий триллера, а **реальный случай**, произошедший на днях в Логойске. Выпуск картины, основанной на **реальных событиях**, приурочен ко Дню Победы. В данном значении прилагательное *реальный* сочетается с существительными, обозначающими людей по различным признакам (*люди, соавторы, противники*), наименования каких-либо событий (*ситуация, событие, жизнь, случай*).

Развитие информационных технологий привело к возникновению понятия *виртуальная реальность*, которая не просто дополняет привычную реальность, а порой даже заменяет ее. Виртуальный мир противопоставляется физическому миру. Использование прилагательного *реальный* в составе номинаций сферы высоких технологий отражает «концептуальный сдвиг в восприятии окружающего», связанный с «перепроизводством реальности», смещением традиционных границ в оппозиции «живое – неживое» [Маринова 2024]. В контекстах реализуется оппозиция *реальный – виртуальный*, причем прилагательное *реальный* употребляется в значении ‘настоящий, истинный’, а прилагательное *виртуальный* – в значении ‘ненастоящий, ложный’.

Прилагательное *реальный* употребляется и в контекстах экономического субдискурса. Часть сочетаний с прилагательными *реальны/реальны* представляют собой экономические метафоры (*реальный сектор экономики, реальный уровень платежеспособности клиентов, пенсии в реальном выражении, реальный доход населения, рост реальной зарплаты*). В контекстах: *Финансовое досье помогает оценить реальный уровень платежеспособности клиентов. Трудовые пенсии в реальном выражении также выросли. В стране растут реальные доходы населения. Ожидается и рост реальной зарплаты*. Таким образом, в экономическом субдискурсе прилагательное *реальный* используется как терминологическая метафора, причем такие термины привносятся в медиадискурс чаще всего экспертами-специалистами, но в толковых словарях они не отмечены.

В идеологическом субдискурсе контекстов прилагательное *реальный* приобретает параметрическое значение: *Реальные успехи, настоящие прорывы достигнуты. Она имела реальные шансы на пьедестал. От него исходит реальная польза. Всебелорусское народное собрание – это реальный орган народовластия. Этот разговор должен принести реальные практические плоды*. В данных контекстах мы видим положительную коннотацию в семантике прилагательного *реальный*, которая обеспечивается существительными, с которыми сочетаются исследуемые прилагательные: *успехи, польза, гарантии, перспектива, опыт, стимул*. В ряде

контекстов прилагательное *реальный* имеет негативную коннотацию, которая также обусловлена существительными, которые с ними сочетаются: *реальная угроза, реальный ужас, реальный враг*. В данном субдискурсе прилагательное *реальный* используются как интенсификатор. Лексика в данных контекстах ценностно-окрашенная, имеет квалификативную семантику. Значение, зафиксированное в словарях, таким образом ослабляется, а усиливается значение меры и степени, интенсивности. Актуализируются периферийные параметрические семы, которые связаны с необходимостью у журналиста обозначить свою идеологическую позицию, соответственно, в идеологическом субдискурсе актуализируется сема ‘основательный, качественный’: *Пока это, наверное, один из самых реальных кандидатов для вступления в банк. Самый реальный момент для взятия ворот упустила Матей Звер, не сумевшая реализовать пенальти на 71-й минуте.*

Как показывает анализ прилагательных *реальный/реальны*, большинство контекстов с ними отражают традиционные для СМИ дискурсы: политический, экономический, идеологический. Нами были выявлены сочетания, отражающие полемический дискурс: *Это не фантастика, а реальные серьезные планы. Цунами не выдумка, а реальный ужас. Основные мероприятия по проведению непосредственно аварийно-спасательных работ рассматривались в теории и с реальным выездом пожарных расчетов по тревоге к месту предполагаемого авиaproисшествия*. В приведенных примерах мы видим противопоставление, выраженное и на лексическом уровне посредством других прилагательных, причем не всегда антонимов.

Таким образом, свойство *реальный* в современной картине мира приобрело особую актуальность. Определение *реальный* в текстах сетевого издания используется как подтверждение фактического существования объекта или субъекта. Одной из проблем в лексикографическом описании единицы является то, что слово описывается теоретически, вне ее использования человеком в речи. В речи говорящие приписывают слову дополнительные смыслы, в нашем случае прилагательное *реальный* приобретает значение ‘отклоняющийся от нормы’, причем это значение актуализируется непосредственно в самом медиатексте, который идеологизируется автором медиатекста. Все выявленные значения прилагательного *реальный* задает сам журналист как автор медиатекстов.

Summary. The article is devoted to the consideration of semantic updates of the adjective *real* in media texts of the online publication SB.BY. It has been established that the adjective

real is in demand when describing situations and events in the fields of economics, information technology, politics, and history. In economic and ideological judicial discourse, this adjective has new semantic accents.

Key words: media linguistics, media text, adjective, category of reality, journalistic discourse, praxeology.

Литература

1. Маринова, Е. В. Реальность как технология, или Онтологическая лексика в современных процессах номинации / Е. В. Маринова // Научный диалог. – 2024. – Т. 13. – № 2. – С. 226–244.
2. Словарь русского языка : в 4 т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований ; под ред. А. П. Евгеньевой. – 4-е изд., стер. – М. : Рус. яз. ; Полиграфресурсы, 1999. – 4 т.
3. Ясько, Б. А. Личность в глобальном VUCA-вызове периода пандемии / Б. А. Ясько, В. О. Покуль, Е. С. Бабичкова // Южно-российский журнал социальных наук. – 2021. – Т. 22, № 3. – С. 85–98.

Сіплівеня Жанна Сямёнаўна,

дацэнт кафедры беларускай філалогіі

УА «Гродзенскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Янкі Купалы»,

кандыдат філалагічных навук, дацэнт;

Бубновіч Іна Іванаўна,

дацэнт кафедры рускай філалогіі

УА «Гродзенскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Янкі Купалы»,

кандыдат філалагічных навук, дацэнт

ЛЕКСІКА ТВОРАЎ СІМЯОНА ПОЛАЦКАГА ЯК СРОДАК АДЛЮСТРАВАННЯ ЯГО ЖЫЦЦЁВЫХ ПРЫЯРЫТЭТАЎ

Рэзюмэ. У артыкуле даследуецца лексіка вершаў Сімяона Полацкага, што ўвайшлі ў зборнікі «Сад шматколernes» і «Рыфмалагіён», аналізуюцца прадметна-тэматычныя групы, вызначаецца сувязь паміж філасофска-этычнымі поглядамі аўтара, тэматыкай твораў і іх лексічным складам, звяртаецца ўвага на стылістычныя сродкі, заснаваныя на парадыгматычных адносінах паміж лексічнымі адзінкамі.

Ключавыя словы: лексіка, прадметна-тэматычныя групы, стыль паэта, філасофска-этычныя погляды, парадыгматычныя адносіны, антытэза.

Не выклікае сумнення, што ідыястыль мастака слова вызначаецца сродкамі ўсіх узроўняў мовы – фанетычнага, марфалагічнага, сінтаксічнага і інш. Аднак лексічны склад твораў пісьменніка выступае найбольш выразнай формай адлюстравання яго светапогляду, маральна-этычных каштоўнасцей, жыццёвых прыярытэтаў. Менавіта слоўнік з'яўляецца спосабам выяўлення аўтарскай задумы, канцэптualaнага малюнку творцы, у якім увасоблена яго філасофская, духоўна-эстэтычная праграма. Безумоўна, змест канцэптасферы найперш будучь вызначаць ключавыя намінацыі, што звязаны з рэпрэзентацыяй рэчаіснасці, сацыяльна-культурных катэгорый і паняццяў. Аднак важную ролю выконваюць і адзінкі, што ўваходзяць у склад розных лексіка-тэматычных груп, якія раскрываюць праблематыку твораў пісьменніка, выяўляюць адметнасць аўтарскай інтэрпрэтацыі свету.

Усё згаданае, на наш погляд, можна аднесці і да слоўніка твораў Сімяона Полацкага, знакамітага ўсходнеславянскага паэта, драматурга, філосафа, грамадскага дзеяча. У 1656 годзе Сімяон Полацкі прыняў манаскі пострыг і стаў выкладаць у брацкай школе ў Полацку. Усе свае сілы і таленты ён аддаваў «дзеля духоўнага адзінства Царквы ў барацьбе супраць царкоўнага расколу» [Коржова 2015 : 94–97]. Вядомы мысляр імкнуўся да

кампрамісу паміж хрысціянскай тэалогіяй і рэнесансным гуманізмам. Разам з тым, Сімяон Полацкі не адмаўляў хрысціянскага вучэння пра Бога як крыніцу маральнасці. Сапраўднае пазнанне Бога магчыма толькі праз веру і веды. «Б(о)гъ светъ есть», – падкрэслівае Полацкі ў кнізе «Посах кіравання». Вера чалавека ў Бога павінна быць жывой:

Мертва вера без дел и дела без веры,
Мертвым же страны живых заключены двери.

У аснову шмат якіх твораў паэта пакладзены біблейскія крыніцы. На матэрыяле біблейскай кнігі гімнаў і песняў створаны яго «Псалтыр рыфмаваны». Таму зусім невыпадкова, што ў творах паэта шырокае адлюстраванне знаходзіць рэлігійная лексіка, якая выступае сродкам перадачы хрысціянскага светапогляду Сімяона Полацкага. Асабліва шырока прадстаўлены тыя прадметна-тэматычныя групы рэлігійнай лексікі, што абазначаюць:

1) асноўныя паняцці веравызнання (*гордость, вера, грех, гнев, печаль, скорбь, целба* і г. д.).

Нярэдка падобныя словы ў мове твораў паэта ўступаюць у антанімічныя адносіны: *вера – неверіе, неверство (Вера нам щит есть, ибо защищает от стрел неверства, егда враг стреляет); гордость – смирение (Гордость аще до небес будет возвышшенна, даже до ада Богом будет низверженна. Смирение, противне, аще в ад снизится, Богом даже до небес честно возвышится)*, што прыводзіць да з’явы антытэзы – стылістычнага прыёму, які выкарыстоўваецца для экспрэсіўнага абазначэння сэнсавага кантрасту.

У разгледжанай групе высокай частотнасцю ўжывання вызначаюцца і аддзяяслоўныя назоўнікі з фармантамі *-ние, -ание, -ение: воздержание, прощение, спасение, согрешение, тление, убожение* і пад.

2) элементы богаслужэння, абрады (*анафема, вечеря, молебен; покаяние, пост*);

3) святы, элементы царкоўнага календара (*Рождество Христово, Воскресение Христово, праздник Сошествия Святаго Духа*);

4) святых, прадстаўнікоў нябеснай іерархіі (*Христос-Бог, Чистая Дева, ангел, серафимы, херувимы, апостол, спаситель, творец, вседержитель*);

5) дзеянні, звязаныя з хрысціянскімі традыцыямі (*даровати, молити, преклоняти, спасати, страдати, терпети, прощати, хранити*);

6) працэсы, якія адлюстроўваюць парушэнне хрысціянскіх традыцый (*вредити, искушати, согрешити, осквернити, презерати, отмщати, развращати*);

7) царкоўныя пасады: *инок, пастыр*;

8) сімвалы: *крест*;

9) царкоўныя пабудовы, маёмасць, царкоўнае начынне: *божый храм, обитель, храм, храмина, киот, икона*;

10) парушэнні рэлігійных правілаў і дагматаў: *ересь*,

11) асобаў, што парушаюць хрысціянскія традыцыі: *еретик, грешник*.

У аснове тэалагічна-філасофскай канцэпцыі Сімяона Полацкага ляжыць ідэя любові да Бога. На думку паэта, Бог «добрыя мыслі в сердце человеческое влагает» і «от зла уклоняться и благотворина помысл возводит».

Рэлігійныя перакананні Сімяона Полацкага цесна звязаныя з яго маральна-этычнымі поглядамі. Знакаміты мысляр упэўнены ў бязмежных магчымасцях удасканалення чалавека. Бог, па словах Сімяона Полацкага, толькі прадвызначае чалавечае існаванне. Аднак чалавек як істота разумная павінен самастойна рабіць выбар паміж дабром і злом.

Да ліку галоўных дабрадзейнасцей чалавека паэт адносіць веру, надзею, каханне, праўду, розум, моц і ўстрыманне. А найбольшым грахам, на думку Полацкага, з'яўляецца зайздасць, прагнасць, гнеў, гардыня. Не адмаўляючы пастулатаў хрысціянскага вучэння пра Бога як крыніцу маральнасці, ён звяртае ўвагу на «прыродныя асновы этыкі як неабходную ўмову маральнай адказнасці чалавека» [Грудницкий 1992 : 10]. У мове твораў Сімяона Полацкага прадметна-тэматычная група лексікі, што выкарыстоўваецца для абазначэння катэгорый этыкі, вызначаецца колькасным багаццем і семантычнай разнастайнасцю. Падвяргаючы вострай крытыцы тыя заганы, што перашкаджаюць дабрадзейнаму ладу жыцця, паэт шырока ўжывае такія назвы маральна-этычных паняццяў як *зависть, скупость, ложь, лень, пьянство, жестокость, блудь, сквернословие, тщеславие*. Дадзеным адзінкам супрацьпастаўлены лексемы з пазітыўнай семантыкай накшталт: *добромыслие, добронравие, благотворение, благоумие, благосердие, благочестие, великодушие* і г. д. Побач з разгледжанымі словамі ў творах Сімяона Полацкага высокай частотнасцю выкарыстання характарызуюцца назвы абагульненых катэгорый маралі: *правда, вера, надежда, любовь, крепость, зло, добро, стыд, милосердие, целомудрие, истина, долг* і пад.

Маральна-духоўны ўзровень чалавека вымяраецца перш за ўсё карыснасцю, грамадскай значнасцю яго дзеянняў і ўчынкаў. «Тут яўна прасочваецца сімбіёз элементаў язычніцкай і хрысціянскай этыкі ў поглядах мысліцеля, што было характэрным для старажытнарускай філасофскай

думкі» [Болбас 1999 : 30]. Мудрасць, на думку Сімяона Полацкага, суадносная з дабрадзейнасцю, невуцтва прыраўноўваецца да зла: «Людие злые препинати слова обыкоша и книг не читати».

У творах знакамітага аўтара адлюстраваны яго погляды на грамадска-палітычную і сацыяльную структуру дзяржавы, уладу, выказваюцца адносіны да вайны. Таму ў вершах багатая і разнастайная лексіка адпаведных груп. Пададзены назвы асоб паводле сацыяльнага становішча, прафесіі, роду заняткаў: *купец, прастолюдин, земледелец, поет*, сярод якіх шмат назваў уладароў (*царь, царица, царевич, княжна, вожь, кроль, король, краль, монарх, супостат*). Высокай частотнасцю ўжывання вызначаюцца намінацыі, што з'яўляюцца вынікам метафарычнага пераасэнсавання назваў кіраўнікоў дзяржавы: *дедич, заступца*. Выкарыстоўваюцца назвы прадметаў, якія сімвалізуюць уладу і кіраўніка дзяржавы: *скипетр, жезл, корона, трон, престол*.

Прысутнічаюць таксама лексемы, што абазначаюць паняцце грамадства як насельніцтва краіны (*народ, люди, граждане*), аб'яднанні людзей (*купецтво, иночество*) выяўлена лексема, што намінуе паняцце грамадзянства (*гражданство*).

Важным кампанентам лексічнага складу твораў з'яўляюцца назоўнікі, што характарызуюць асобаў паводле іх прыязных ці недобрабычлівых узаемаадносін: *враг, хулитель, хулец, чтитель, любитель, гонитель, прииматель, ласкатель, творитель*.

Пытанні ўлады для Сімяона Полацкага, на думку М. С. Кісялёвай [Киселева 2015 : 101], звязаны з Божай прадвызначанасцю, таму многія вершы прысвечаны «абраным богам» цару, сям'і ўладара, прыдворным. У творах Сімяона Полацкага адлюстроўваюцца яго погляды як прыхільніка царскай улады, абаронцы ідэі манархіі, супастаўленне і супрацьпастаўленне добрага і злага цара (тырана), абмаляваны ідэал кіраўніка, вызначаны яго «ідэальныя» адносіны да падданных і інш.

Да тэмы вайны, веры і ўлады Сімяон Полацкі звяртаецца ў зборніку «Сад шматколерны» [Киселева 2015 : 103]. Вера – «аснова не толькі дзяржавы, але і ўсяго створанага богам свету» [Киселева 2015 : 105]. Часта ў творах улада – вера – вайна ўспрымаюцца як метафара трыадзінства, таму ваенная лексіка адлюстравана досыць багатая: гэта і назвы зброі (*щит, мечь, пистоль*), сімвалаў (*знамя*), вайсковых дзеянняў (*брань, защищение, битва, оборона*), бакоў, што змагаюцца (*победитель*).

Для паэта характэрна філасофскае асэнсаванне пытанняў права. «Сімяон Полацкі выступіў у сваіх творах правадніком заходняй культуры і

адукаванасці» [Москалевич 2013 : 107]. Асветнік дае вызначэнне многім філасофскім і юрыдычным паняццям. Пры гэтым шматлікія тэрмінаадзінкі ўжыты Сімяонам Полацкім са значэннем, з якім яны выкарыстоўваліся ў помніках юрыдычна-справавага пісьменства яшчэ ў перыяд агульнаўсходнеславянскай літаратурна-пісьмовай мовы. Так, напрыклад, лексема *правда* зафіксавана са значэннем ‘закон’, падобнае сустракаем і ў «Рускай праўдзе». Адзінства і абавязковасць законаў для ўсіх, на думку асветніка, неабходна для грамадства, забеспячэнне ўсіх падданных без уліку знатнасці павінна быць і галоўнай мэтай кіраўніка дзяржавы.

Тэма права вымагае выкарыстання адпаведнай тэматычнай групы, таму ў тэкстах прысутнічае юрыдычная лексіка (*права, закон, правда*), агульныя назвы разгляду справы (*суд, суд правыи, правосудство, судилище*), найменні, што характарызуюць бакі судавага працэсу (*судия*), назвы спраў (*дело*), злачынстваў (агульныя) і канкрэтныя (*татба, ложь, месть*), злачынцаў (*злободзейца, винный, вор*), пакаранняў (*казнь*), назвы падаткаў і плацяжоў: *мзда, дзеянні, звязаныя з разглядам спраў і пад. (судити, осуждати, простити, бдити)*.

Навакольны свет у творах Сімяона Полацкага разнастайны і шматгранны, гэта адлюстроўваюць тэматычныя групы лексікі. Выкарыстоўваюцца прыродаапісальныя адзінкі: назвы рэчываў (*песок*), металаў і камянёў (*кремень, железо*), прыродных стыхій (*море, буря, ветрами, вода, огонь*), назвы частак сутак (*ночь, день*), напрамкаў свету (*запад, восток*), словы, што абазначаюць астранамічныя паняцці (*вселенная, слонце, планета, луна*). У шэрагу выпадкаў такія адзінкі ў мове твораў Сімяона Полацкага ўжываюцца ў сакральным значэнні (*да взиде те на небо*).

Вялікую групу складаюць словы, звязаныя з жывёльным светам. Гэта пераважна назвы звяроў (*волк, медведь, заяц, слон*), птушак (*орел, вран, птахи, птицы, сокол*), рыб (*агнец, рыбы*), радзей сустракаюцца намінацыі свойскіх жывёл (*осел, вол, агнец*).

Дастаткова шырока ў творах Сімяона Полацкага падаецца раслінны свет (*лоза, гроздие*). Сярод адзінак адзначаны і назвы пустазелля (*тернь, куколь, неплоды*), таму што антытэза рэалізуецца праз супастаўленне раслін, што прыносяць плады, і пустых, непатрэбных, шкодных.

Безумоўна, у цэнтры аўтарскай увагі чалавек, таму актыўна выкарыстоўваецца саматычная лексіка (*чрево, глава, плоть, телеса, желудок, око*). Прадстаўлены таксама адзінкі для абазначэння прадметаў побыту: прадуктаў харчавання (*вино, пища*), прыладаў працы (*пила, бич, горнило*),

сродкаў перамяшчэння (*колесніцы, корабль*), гандлёвыя найменні (*прыбыток, драгость, купить, продать, купля*) і інш.

Сімяон Полацкі валодаў энцыклапедычнымі ведамі і верыў, што асвета – важны аспект жыцця як асобнага чалавека, так і ўсяго грамадства, таму тэматыка твораў садзейнічае рэалізацыі патэнцыялу адзінак, звязаных з мовай, маўленнем (*слово, язык, наречие, славенскі язык, грамматика*), з разумовымі працэсамі (*ум, мысль, мыслити*), з асветаю, навучаннем (*книга, писание, учение, учить, читать, осязание*), з дзейнасцю людзей пэўных прафесій (*врач, целить, врачба*).

Як ужо згадвалася вышэй, распаўсюджаным стылістычным прыёмам у творах паэта з’яўляецца антытэза. Пры дапамозе антытэзы перадаюцца аўтарскія адносіны да паводзінаў людзей, да рэчаў, дзеянняў і пад.: *нищета, богатство* («Манах»); *велий, малый; благая, худая; тма, свет; малоценно, драго* («Купецтва»); *хвалити, хулити; полза, вред* («Вино хвалити или хулити – не знаю...»).

Такім чынам, лексіка твораў Сімяона Полацкага з’яўляецца своеасаблівым люстэркам, у якім раскрываецца педагагічная, прапаведніцкая, літаратурная, грамадская дзейнасць славутага ўсходнеславянскага асветніка, творы якога не страцілі сваёй актуальнасці і ў наш час, бо праслаўляюць розум, мудрасць, духоўную прыгажосць, вучаць дабрадзейнасці.

Summary. The article deals with the study of the vocabulary of Simeon Polotsky’s poems included in his poetry collections (“The Garden of Many Flowers”, “Rhythmologion”). It analyzes subject-thematic groups, determines the relations between the philosophical and ethical views of the author, the subject matter of the works and their lexical composition. The authors of the article pay attention to stylistic means based on paradigmatic relations between lexical units.

Keywords: vocabulary, subject-thematic groups, poet’s style, philosophical and ethical views, paradigmatic relations, antithesis.

Літаратура

1. Коржова, Е. Ю. Акмическая личность Симеона Полоцкого / Е. Ю. Коржова // Акмеология. – 2015. – № 1 (53). – С. 94–97.
2. Грудницкий, Н. Д. Этико-философские взгляды Симеона Полоцкого: автореф. дис. ... философ. наук: 09.00.03 / Н. Д. Грудницкий. – Минск, 1992. – 16 с.
3. Болбас, В. С. Маральна-выхаваўчы аспект педагагічнай спадчыны Сімяона Полацкага / В. С. Болбас // Симеон Полоцкий: мировоззрение, общественно-политическая и литературная деятельность: материалы Международ. научн. конф., 11-12 ноября

1999 г. – Полоцк : Полоцкий историко-культурный заповедник, Музей-библиотека Симеона Полоцкого. – С. 27–30.

4. Киселева, М. С. Война, вера и власть в культурном контексте Московского царства 50–70-х гг. XVII в.: Симеон Полоцкий и Юрий Крижанич / М. С. Киселева // Вопросы философии. – 2015. – № 12. – С. 101–112.

5. Москалевич, Г. Н. Взгляды белорусского просветителя Симеона Полоцкого на государство и правосудие / Г. Н. Москалевич // Вестн. Полоц. гос. ун-та. Сер. Д, Эконом. и юриди. науки. – 2013. – № 5. – С. 103–109.

Сорокина Ирина Викторовна,

доцент кафедры английской филологии

УО «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы»,

кандидат филологических наук, доцент

ТЕКСТ КАК ТРАНСЛЯТОР ИНФОРМАЦИИ О КОНЦЕПТОСФЕРЕ И КУЛЬТУРНЫХ ЦЕННОСТЯХ НАРОДА

Резюме. В статье рассматривается национально-культурный концепт «свобода» как часть концептосферы в картине мира американского социума. Описание концепта осуществлено с помощью методов лингвокультурного и филологического анализа на базе данных словарей, американских законодательно-правовых документов, публицистики и художественной прозы американского писателя Джонатана Франзена. Сопоставительное изучение выявило отличия в структуре концепта «свобода» в зависимости от уровня его функционирования и типологического характера текстов культуры.

Ключевые слова: концептосфера, концепт «свобода», США, тексты культуры, структура и специфика национального концепта, Джонатан Франзен.

В концептосфере американской нации концепт «свобода» является одной из базовых культурных ценностей, определяющих мировосприятие и поведение людей в Соединенных Штатах Америки. Концепт «свобода» представляет собой достаточно сложный феномен с национально-специфическими характеристиками, поэтому его выбор в качестве основного объекта исследования не случаен. В данной статье концепт рассматривается сквозь призму лингвокультурологического, социокультурного и филологического анализа, причем основной акцент делается на его актуализации в художественном индивидуально-авторском воплощении. В качестве художественного текста, на примере которого рассматривается индивидуально-личностный уровень функционирования базового для американской культуры концепта «свобода», был выбран роман Джонатана Эрла Франзена «Свобода».

На первом этапе анализа было определено место концепта «Свобода» в картине мира американского социума с привлечением материала словарей, фразеологии, а также текстов законодательно-правовой документации и публицистики.

Определение понятия «свобода» всегда являлось одним из важнейших вопросов в философии. Большинство мыслителей сходятся в одном: хотя свобода выбора признается естественным состоянием индивидуума,

она не может быть безграничной и должна регулироваться морально-этическими и правовыми законами. Эти положения стали фундаментом концепта «свобода» в его единой универсальной основе.

Концепт «свобода» как важная часть национальной концептосферы находит свое отражение в англоязычной лингвокультуре, особенно в области фразеологии, которая является основой понятийно-языковой картины мира народа. С помощью метода концептуального анализа фразеологизмов как мини-текстов можно описать структуру концепта «свобода», выявить ее ядерную и периферийную зоны и определить в семантическом составе концепта универсальные и национально-специфические компоненты. [См.: Ардашева 2012, Кунин 2002].

В англоязычной лингвокультуре личная свобода понимается как самостоятельность, возможность действовать автономно и независимо от чьих-то желаний и предпочтений, причем разумная свобода выбора воспринимается как естественное состояние человека, комфортное в физическом плане существование (*free and easy*), которое гарантируется законом (*freedom of speech, freedom of expression*). В традиционном концепте в ядерной зоне наблюдается модус положительной оценки, а на периферии можно выявить семантические составляющие с негативными коннотациями. Они актуализируются вследствие нарушения установленных границ свободы, то есть морально-этических и законодательно-правовых норм.

В общественно-политической сфере жизни в США данный концепт стал неотъемлемой частью менталитета американцев, которые считают свою страну самой свободной в мире. Не случайно понятие свободы явилось краеугольным камнем законодательных документов (Декларация независимости, Конституция Соединенных Штатов Америки с Поправками, Билль о правах [Декларация независимости; Конституция Соединенных Штатов Америки; Билль о правах 1995], заложивших фундамент американской демократии.

Ярко выраженный мотив в Конституции США – это провозглашение свободы высшим благом и Божественным даром Творца всему американскому народу. Такой тезис сформировал представление американцев об исключительности их нации [Декларация независимости; Конституция Соединенных Штатов Америки; Билль о правах 1991 : 8], о превосходстве американцев над людьми других национальностей. В Поправках к американской Конституции провозглашаются свобода религии, слова, печати, собраний, ношения оружия, право на голосование и свободное изъяснение своего выбора. Эти свободы, провозглашенные в Конституции США и

Поправках, формируют законодательно-правовой аспект концепта «свобода» в картине мира американского социума.

При рассмотрении текстов политического публицистического дискурса США было замечено нарастание интенсивности положительной оценки в смысловом ядре концепта «свобода». Например, в современной американской публицистике просматривается тенденция трактовать свободу как идеал, ценностный эталон, способ реализации американской мечты. Подчеркивание политиками особого статуса американской нации, наделенной правом даже с оружием в руках нести свободу за пределы своей страны, превращает свободу из аксиологического отношения в идеологический конструкт, в способ пропаганды американского образа жизни. В инаугурационных речах американских президентов (Дж. Кеннеди, Р. Рейган, Б. Обама, Д. Трамп, Дж. Байден) восхваление свободы по-американски достигает своего апогея. Своей задачей американские президенты называют построение свободных режимов и в соседних странах, то есть экспорт американских ценностей. Обеспечение свободы средств массовой информации является принципом, который широко пропагандируется в США, однако в действительности многие СМИ находятся под контролем правящей партии. Таким образом, понятие свободы и раскрывающие его лексические единицы (*free, freedom, liberty*) красной нитью проходят через тексты американского законодательства и публицистики. На американской национальной почве концепт «свобода» существенно модифицируется и приобретает новые смысловые грани. Фактически имеет место фетишизация этого понятия с целью манипулирования общественным сознанием, и именно такое понимание свободы становится объектом критики со стороны представителей мыслящей американской интеллигенции.

Изучение способов отражения общественного сознания и национальной концептосферы в художественной литературе становится одной из важных и актуальных задач литературоведения, что обусловило необходимость дальнейшей разработки подходов к их решению. Отличительные черты индивидуально-авторского концепта «свобода» в рассматриваемом художественном произведении наиболее отчетливо проявляются в сопоставительном плане, а именно с позиций лингвокультурного анализа и анализа социально-политического дискурса.

Роман «Свобода» Джонатана Франзена представляет собой оригинальное постмодернистское произведение гибридного жанра. В нем сочетаются семейно-бытовая хроника, проблематика социального романа, документалистика. На страницах романа Франзен размышляет о том,

всегда ли возможна свобода выбора и какие последствия может иметь стремление к безграничной свободе, показывает особенности отношения американцев к свободе, повествует о практиках реализации свободы в индивидуально-личностной и общественно-политической сферах жизни в США. Действие романа охватывает широкий промежуток времени, а именно с 70-х годов XX века до нулевых годов XXI века. Воссоздать атмосферу жизни этого периода позволяют включенные в текст отсылки к конкретным и широко известным социально-политическим и культурным реалиям [Франзен : 148].

Роман привлек внимание многих литературных критиков, таких как Е. А. Груздева [4], С. Е. Кузеев [5], Г. И. Лушникова, Т. Ю. Осадчая [6], А. Б. Половинкин [7], С. С. Савинич [8] и др.

Само название романа напрямую сигнализирует о том, что тема свободы является для автора центральной при повествовании о непростых взаимоотношениях людей в семье и обществе. Кроме истории американской семьи Берглунд, включающей также людей из их ближнего и дальнего окружения, автор затрагивает вопросы политики, перенаселения планеты, защиты окружающей среды, конфликта поколений и сложностей существования в современном мире.

Анализ способов художественного воплощения концепта «свобода» в одноименном романе Джонатана Франзена дает возможность больше узнать об отличительных чертах менталитета, мировоззрения и системы ценностей самых разных представителей американского общества.

В качестве материала исследования выступают текстовые фрагменты, которые содержат тематические и ключевые слова, участвующие в построении семантического профиля концепта «свобода» в романе Джонатана Франзена, а также другие компоненты содержательного и формально-структурного планов данного художественного произведения, особенности его тематики, проблематики, сюжета и образного ряда.

Конфликты в романе возникают как в сфере личной жизни героев, так и в сфере общественно-политических отношений, но все они формируются вокруг проблемы свободы. Каждый из героев романа анализирует свои состояния свободы и несвободы. Эти моменты размышлений героев романа, а также всезнающего имперсонального повествователя в различных сюжетных контекстах становятся лейтмотивом всего произведения

Свобода у Франзена – понятие амбивалентное, одновременно ценное и опасное. Для некоторых персонажей произведения свобода – это искомая награда, без которой они не мыслят своей жизни. Сын Берглундов Джоуи с

подросткового возраста мечтал о свободе и независимой жизни подальше от родителей. Родители предоставили ему эту свободу, и Джоуи несказанно этому рад: «*He'd asked for his freedom, they'd granted it*» [Franzen : 204]. Такие личности как Джоуи могут контролировать свою жизнь в отличие от некоторых других молодых людей. Стремясь освободиться от влияния отца, Джоуи ищет себя в сфере предпринимательства: «*in his quest to liberate himself from Walter, he was drawn to entrepreneurship*» [Franzen : 12].

Такие ценности американской культуры как автономия и независимость с одной стороны формируют самодостаточных и сильных людей, например, в сфере бизнеса и предпринимательства, но с другой стороны, приводят к кризису и отчуждению внутри семьи, разрушая связь между поколениями.

Отец семьи Уолтер Берглунд воспринимает смерть своей матери-инвалида не только как утрату близкого человека, но одновременно и как освобождение от обязанности заботиться о ней: «*Walter's grief was <...> somewhat muted by the fact that her death was also a relief and liberation to him*» [Franzen : 123]. Уолтер, как и его сын, воспринимает свободу как высшую ценность американской культуры. Он создает экологический проект и выбирает для него название «Free Space» – «Свободное пространство». В сознание этого персонажа автор вложил далеко не гуманную идею о необходимости борьбы с перенаселением путем сокращения населения.

Автор показывает, что люди начинают ощущать себя свободными, освобождаясь от какой-либо материальной или психологической зависимости. Самым свободным человеком оказывается брат Уолтера Митч, который пьет, нигде не работает, не содержит семью и при этом счастлив. Уолтер даже начинает завидовать тому, что его непутевый братец сумел стать абсолютно свободным от всех условностей общества человеком.

Личные свободы ограничиваются общественными нормами, запретами, табу, но также и зависимостями самих людей. Верящий в идеалы свободы Уолтер в личной жизни не решился ответить на любовь своей помощницы Лолиты, которая его боготворила, из-за чувства долга перед Патти и общественных табу: «*His whole <f...g> problem was taboos*» [Franzen : 265].

Отсутствие свободы, зависимость от других людей, от психотропных средств оборачивается трагедией для многих персонажей романа. Не только помощница Уолтера Лалита попадает в зависимость от любимого человека. В таком же положении оказывается Конни, безумно влюбленная

в Джоуи. Мать Конни говорит ему, что дочь его боготворит («*You're like a god to her*»).

Патти страдает от материнской привязанности к сыну и невозможности быть к нему ближе, отчаянно пытается избавиться от страсти к Ричарду. Ричард, в свою очередь, страдает от желания быть частью ее жизни. Зависимость от любимых людей чуть не доводят Ричарда и Конни до самоубийства. Таким образом, зависимость или отсутствие свободы может поставить человека на грань между жизнью и смертью.

Излишки свободы иногда самым негативным образом влияют на судьбы некоторых персонажей романа. При поверхностном взгляде на сюжетную линию кажется, что герои счастливы иметь возможность свободного выбора. Но если посмотреть более внимательно на причинно-следственные связи событий, то становится понятно, что именно стремление к свободе, желание поступать, как хочется, не думая о последствиях, парадоксальным образом приводит персонажей к зависимости и фрустрации.

Когда героиня романа Патти Берглунд получает много свободного времени, которым она не умеет распоряжаться, она начинает жалеть себя, становится апатичной, несчастной и впадает в депрессию: «*she pitied herself for being so free*» [Franzen : 154]. Похожие чувства испытывает также друг семьи и любовник Патти Ричард Кац. Когда он внезапно становится модным музыкантом и добивается большой популярности, денег и славы, он не справляется с этим испытанием. Из-за безграничной свободы, которую дают деньги, он впадает в депрессию и приходит к творческому кризису. На примере Патти и Ричарда мы видим, что для душевного состояния героев оказывается вредна слишком большая свобода выбора. Можно согласиться со словами Уолтера, подчеркивающими парадокс понятия свобода: никто не может лишиться тебя главного права – права разрушить свою жизнь любым доступным способом.

Для американцев этнокультурный концепт свобода включает понятия «гражданские свободы», «политические свободы», «персональная свобода», поэтому лексемы с данным значением также входят в ядро концепта в данном произведении.

Персонажи романа Дж. Франзена активно интересуются политикой и рассуждают о свободах и правах. Бунтарь Ричард Кац критикует Уолтера за его либеральные взгляды. Уолтер считает, что государство способно к саморегуляции, а американская буржуазия добровольно примет все возрастающие ограничения их персональных свобод (*personal freedoms*)

[Franzen : 86]. Безоговорочная вера Уолтера в американский идеал свободы и одновременное принятие им практики ее ограничения воспринимаются Ричардом с иронией. Он утверждает, что многие социальные проблемы, включая экологию, являются порождением свободной рыночной экономики при капитализме (*free-market capitalism*). Патти в свою очередь осуждает использование членами Конгресса свободы слова для того чтобы публично обсуждать интимную жизнь президента Билла Клинтона. Под воздействием политических клише американцы становятся одержимы свободой как навязчивой идеей. Эту мысль подтверждает Ричард Кац, характеризуя содержание «попсовых» песен.

С нескрываемой иронией и сарказмом Дж. Франзен описывает профессиональных американских политиков – как либералов, так и демократов, таких как мать Патти, для которой на первом месте были не семья и дети, а занятия политикой. Ее личная свобода оказалась разрушительной для собственной дочери.

Если в понимании личной свободы человека у автора много совпадений с философской и лингвокультурной традицией, то при обращении к политическим свободам в его взглядах наблюдаются значительные расхождения с пафосом высокопарных публицистических текстов, таких как речи американских президентов.

Так же как и политики, некоторые герои романа Франзена убеждены в том, что Америка имеет право нести свободу и демократию в страны с другим государственным устройством, потому что там диктатура и люди не понимают, что такое настоящая свобода. Фактически они отказывают жителям этих стран в праве самим решать свою судьбу, то есть лишают их свободы выбора. Например, знакомый Джоуи Джонатан рассуждает о том, что Америка обязана поддерживать «демократичный» Израиль, «*потому что это дело американцев – поддерживать демократию и свободные рынки по всему миру*». Палестину он называет «*гигантским гребаным питомником террористов*» (*a giant fu...ng breeding ground for terrorists*) и делает вывод о том, что США «*должны принести свободу во все арабские страны*» [Franzen : 215], [Франзен : 76].

Отец Джонатана также полагает, что Америка имеет право военным путем нести свободу и демократию в другие страны. Он был основателем и почетным президентом аналитического центра, отстаивающего правомерность одностороннего применения американских военных сил для освобождения и спасения мира, особенно Америки и Израиля («*the unilateral*

exercise of American military supremacy to make the world freer and safer» [Franzen : 222]).

Отец Дженны также относится к тем политикам, которые жонглируют словом свобода и используют его в своих интересах, но при этом считают, что власти имеют право ограничивать свободу граждан, которые думают иначе, «неправильно». Ирония ситуации заключается в том, что публицистическое клише «нация свободных людей» используется им в контексте подавления свободомыслия этих самых людей, которых нужно заставить думать «правильно»: «*To get a nation of free people to let go of their bad logic»* [Franzen : 228].

Таким образом, Франзен жестко и бескомпромиссно демонстрирует формальный и искаженный характер свободы в ее трактовке занимающимися политикой персонажами романа. Он не рассуждает в авторских отступлениях, в чем заключаются плюсы и минусы свободы, но его личное отношение к проблеме и авторская позиция становятся очевидными при рассмотрении контекстов, в которых появляются слова с семантикой «свобода».

Анализ концепта на разном исследовательском материале позволил получить следующие результаты. В целом позитивное авторское определение личной свободы по большей части совпадает с традиционным пониманием свободы в философии и англоязычной лингвокультуре. В ядро авторского концепта также попадают такие положительно окрашенные с точки зрения семантики понятия и слова, как *free, freedom, personal freedoms, liberty, liberate*.

Индивидуально-авторской особенностью концепта в произведении Дж. Франзена является то обстоятельство, что состояние личной свободы для него – это понятие двойственное, которое может при некоторых обстоятельствах поменять плюс на минус, перейти в несвободу. Обратная сторона свободы заключается в том, что ее чрезмерно широкое толкование приводит к серьезным последствиям, таким как состояние одиночества, душевные страдания, потеря смысла жизни. На примере жизненного пути персонажей романа Дж. Франзен показывает пагубные последствия безудержного стремления к свободе и неограниченной свободы выбора. Свобода родителей от ответственности за детей, а детей – от опеки родителей приводит к конфликту поколений, неприязни и конфронтации.

При обращении к понятию политических свобод наблюдаются значительные расхождения авторской позиции с пафосом публицистических текстов. Слово «свобода» нещадно эксплуатируется и мифологизируется

политиками – как реальными, так и вымышленными романскими персонажами, что в конечном итоге приводит к его обесцениванию. Писатель подвергает критическому анализу и постмодернистской деконструкции американский идеологизированный концепт «свобода». Результатом появления языковых единиц с семантикой «свобода» в негативных контекстах становится приобретение ими в свою очередь негативных коннотаций, меняющих саму суть данного универсального концепта.

Таким образом, в индивидуально-авторском концепте происходит определенное смешение двух начал бинарной оппозиции «свобода/несвобода», и модально-оценочный характер ядерной зоны частично меняется с положительного на отрицательный. Но в целом Дж. Франзен достаточно высоко оценивает личную свободу как осознанный выбор, не нарушающий этических норм и границ. Можно заключить, что смысловая структура индивидуально-авторского концепта в его художественном воплощении в романе «Свобода» имеет определенные отличия модально-оценочного плана от традиционного концепта в англоязычной картине мира и существенно отличается от понимания свободы в политическом дискурсе. В традиционной картине мира (рассмотренной на материале фразеологизмов и словарных определений) присутствует безусловная положительная оценка разумной свободы. В политическом же дискурсе США (рассмотренном на материале законодательно-правовой документации и публицистики) имеет место абсолютизация ценности свободы как неограниченного права для исключительной нации. Автор открыто подвергает сомнению истинность такого идеализированного идеологического конструкта «свобода».

Итогом сопоставительного исследования являются выводы о том, что концепт «свобода» действительно является базовой ценностью американского общества, но его семантическая структура имеет неоднородное иерархическое строение. Характер актуализации данного концепта зависит от уровней его функционирования и типа выбранных для анализа текстов культуры.

Summary. The article examines the national-cultural concept of “freedom” as part of the conceptual sphere in the worldview of American society. The concept is described using methods of linguocultural and philological analysis based on data from dictionaries, American legislative documents, journalism and fiction by the American writer Jonathan Franzen. A comparative study revealed differences in the structure of the concept of “freedom” depending on the level of its functioning and the typological nature of cultural texts.

Key words: concept sphere, concept of “freedom”, USA, cultural texts, structure and specificity of the national concept, Jonathan Franzen.

Литература

1. Ардашева, Т. Г. Лингвокогнитивный анализ концепта «свобода»: на материале русского, английского и французского языков: дисс. ... к. филол. н. / Т.Г. Ардашева. – Ижевск, 2012. – 210 с.
2. Кунин, А. В. Англо-русский фразеологический словарь = English-Russian dictionary of idioms : около 5000 фразеологизмов / А. В. Кунин. – 4-е изд., стер. – М. : Рус. яз., 2002. – 502 с.
3. Декларация независимости; Конституция Соединенных Штатов Америки; Билль о правах. – М. : МГПО «Мосгорпечать», 1991. – 29 с.
4. Груздева, Е. А. Социально-политические реалии США рубежа XX–XXI вв. в романе Дж. Франзена «Свобода» / Е.А. Груздева // Филология и культура. – 2014. – № 3. – С. 148–152.
5. Кузеев, С. Е. «Поправки» Дж. Франзена: прощание с постмодерном / С. Е. Кузеев // Международный научно-исследовательский журнал. – 2019. – № 2. – С. 135–137.
6. Лушникова, Г. И. Контаминация тенденций постмодернизма и пост-постмодернизма в творчестве Дж. Франзена / Г. И. Лушникова, Т. Ю. Осадчая // Филологический класс. – 2021. – Т. 26. – № 2. – С. 200–211.
7. Половинкин, А. Б. Мотив конфликта систем ценностей различных поколений в романе «Свобода» Джонатана Франзена / А. Б. Половинкин // Успехи гуманитарных наук. – 2022. – № 10. – С. 41–44.
8. Савинич, С. С. Манипулирование интеллектуальной элитой в романе Дж. Франзена «Свобода» / С. С. Савинич // Язык и литература в проблематике современных гуманитарных наук: сборник научных трудов по лингвистике и литературоведению. – М.: Московский городской педагогический университет, 2021. – С. 127–131.
9. Franzen, J. Freedom [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://liteka.ru/english/library/4983-freedom#195>. – Дата доступа: 18.05.2023.
10. Франзен, Дж. Свобода: роман [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://nice-books.ru/books/proza/sovremennaja-proza/14738-dzhonatan-franzen-svoboda.html>. – Дата доступа: 18.05.2023.

Столярова Анастасия Николаевна,

доцент кафедры иностранных языков и методики преподавания иностранных языков

УО «Мозырский государственный педагогический университет

имени И. П. Шамякина»,

кандидат филологических наук

НЕОФРАЗЕМЫ РУССКОГО ЯЗЫКА С КОМПОНЕНТОМ-ЗООНИМОМ

Резюме. В статье на материале, собранном автором из новейших русскоязычных публикаций в тестах СМИ, выявляются и анализируются неопраземы с компонентом-зоонимом. Проводится классификация компонентов-зоонимов, выделяются наиболее широко представленные группы, приводятся примеры употребления неопразем. Предпринимается попытка объяснить изменение употребляемости зоонимов в неопраземах по сравнению с традиционной фразеологией.

Ключевые слова: неопразема, зооним, компонент, образность, экспрессивность, переосмысление.

Лексический состав любого живого языка в ходе своего эволюционного развития пополняется новыми единицами, что является ответом на возникновение новых языковых и социальных реалий, новых культурных вызовов. Помимо собственно лексем, возникают и новые фразеологические единицы (неопраземы) как результат переосмысления актуальных явлений действительности либо развития коннотаций, ранее не присущих существующим явлениям. Под неопраземами нами понимается «раздельнооформленное сочетание слов, характеризующееся целостностью значения, семантическими преобразованиями, новизной формы и/или содержания, отсутствием фиксации во фразеологических словарях» [Столярова 2022 : 1].

Представляется необходимым изучить те реалии, ситуации современности, которые вызывают интерес у человека, являются семантически наполненными так, что становятся основой для переосмысления. Наша цель – выявить и описать неопраземы, имеющие в составе компонент-зооним. К зоонимам мы относим лексические единицы, «объединённые в широком смысле инвариантом “животное”» [Багана 2011 : 86] – наименования животных и частей их тела.

Животные всегда играли важную роль в жизни человека и потому в языке есть большое количество фразеологических единиц, в которых присутствуют компоненты-зоонимы. Исследовав их семантику (было изучено

763 единицы), О. Г. Яблонская выделила 14 тематических групп, самыми объёмными из которых являются «Восприятие окружающего мира, оценка действительности», «Характеристика действий и поступков», «Репрезентация предметов, явлений, событий», «Социальная сфера» и др. [Яблонская 2018 : 8]. Высокая представленность во фразеологическом фонде свидетельствует о номинативной и экспрессивной востребованности зоонимов.

Основой для наших исследований стала собранная автором картотека неофразем, состоящая из 346 единиц. Из них имеют в составе компонент-зооним 18 единиц, т. е. 5%. Классификация зоонимов представлена в таблице 1.

Таблица 1. Классификация зоонимных компонентов неофразем

Дикие животные	Домашние животные	Насекомые	Птицы	Рыбы	Части тела	Всего
5	1	1	7	1	3	18

Если в традиционной фразеологии «в процессе фразеобразования наибольшую активность проявляют лексические единицы, обозначающие домашних животных или диких, с которыми человек находится в непосредственной близости» [Яблонская 2018 : 8], то полученные нами результаты свидетельствуют об обратном: в новой фразеологии образ домашнего животного не востребован, нами была отмечена лишь одна единица:

Для одних это будет шансом наконец выспаться и продумать новые планы, для других – понять, что они едут на мёртвой лошади и пришла пора менять работу. Источник: <https://tech.onliner.by/2020/03/19/covid-19-afterlife>

По нашему мнению, такой резкий сдвиг – результат урбанизации, смещения акцента с сельского уклада жизни, где животные являются неотъемлемой частью домохозяйства, на городской, в котором роль домашних животных значительно ниже.

Уменьшились и контакты людей с диким животным миром, следствие чего – отсутствие необходимых знаний, умений для проведения аналогий и построения образов, необходимые для возникновения фразеологизмов. В исследуемом материале отмечены зоонимы *енот*, *волк*, *панда*, *планктон*, *лягушка* (*внутренний енот*, *выпускать волка*, *глаза панды*, *офисный планктон*, *эффект вареной лягушки*):

У некоторых интернет-активистов в последнее время становится модным не смысл жизни искать, не своё я, на худой-то конец, а «внутреннего енота». Источник: <https://www.sb.by/articles/portret-doriana-greya.html>.

Внутренний енот здесь – комплекс идей, чувств, эмоций человека, определяющий его индивидуальность и неповторимость, его поведение и отношение к жизни.

Неожиданным можно назвать тот факт, что шире всего в зоонимных компонентах неофразем представлены наименования птиц (орнитонимы). Предположим, что птицы в силу своей мобильности более знакомы и потому понятны человеку, чем дикие животные, которые за редким исключением не выходят из сферы своего обитания. Пять из семи неофразем с компонентами-орнитонимами характеризуют различные ситуации, а две относятся к описанию человека, причём в обоих случаях применение неофразем связано с политической сферой.

Хромая утка – государственный деятель, политик, утративший былой авторитет в глазах общественного мнения, избирателей: *Противники из демократического лагеря, напротив, желали взять реванш за проигранные президентские выборы, связав Трампа по рукам и ногам и превратив его в «хромую утку» за два года до истечения президентских полномочий.* Источник: <https://www.sb.by/articles/torzhestvo-neopredelenosti.html>

Политический бройлер – человек, начавший свою политическую деятельность с раннего возраста: *Как пишет обозреватель forbes.ru, Санна Марин – не популистка (она представляет умеренно левую социал-демократическую партию, одну из самых старых в финской политической истории), не «залетный» харизматик, не «политический бройлер» из тех, что вступают в партию чуть не со школьной скамьи, не наследница «политической династии».* Источник: <https://www.sb.by/articles/bezgendernykh-obid.html>

Порядка 17 % неофразем имеют в составе лексему, называющую часть тела животного (*распускать щупальца, уши торчат, бить по хвостам*). Во всех случаях это выступающие, заметные части тела:

Распускать щупальца – незаконно пробираться, получать доступ к чужим средствам: ... *3 кол-центра распустили телефонные щупальца в карманы людей.* Источник: https://www.tvr.by/news/obshchestvo/masshtabnaya_skhema_obmana_zatronula_ogromnoe_kolichestvo_belorusov/

Наименования рыб (*акульими путями*), насекомых (*раздавить бабочку*) представлены единичными примерами. Если неофразема *раздавить бабочку* ‘совершить ч.-л. незначительное, что будет иметь серьёзный отложенный эффект’ мотивирована аллюзией на художественное произведение (*Если вдруг мы «раздавим бабочку», давайте представим, какой ущерб*

через безработицу или невозможность устроиться на работу в будущем это может принести. Источник: <https://people.onliner.by/opinions/2020/03/28/mnenie-1249>), то *акульими путями* является скорее разовой, речевой, возможно, мотивированной выражением *окольными путями*:

Решил лететь через Минск, хоть до него и добирался *акульими путями*. Источник: <https://realt.onliner.by/2020/06/11/reportazh-iz-minskogo-aeroporta>.

Для создания новых экспрессивных единиц, коими являются фразеологизмы, человек прибегает к осмыслению знакомых и распространённых явлений, предметов, ситуаций. Отношение к животным и их функциям как часть общекультурного кода находит отражение в неофраземах с компонентом-зоонимом. Будучи мотивированными новыми экстралингвистическими реалиями, в которых роль домашнего животного снижена, неофраземы отличаются специфическими компонентами, несущими социокультурную информацию и отражающими актуальное состояние общества.

Summary. In the article, based on the material collected by the author from the latest Russian-language publications in media texts, neophrasemes with a zoonymic component are identified and analyzed. The classification of zoonymic components is carried out, the most widely represented groups are distinguished, and examples of the use of neophrasemes are given. An attempt is made to explain the change in the use of zoonyms in neophrasemes in comparison with traditional phraseology.

Key words: neophraseme, zoonym, component, imagery, expressiveness, reinterpretation.

Литература

1. Багана, Ж. Фаунонимическая лексика в системе языка и её национально-культурная специфика (на материале лексических единиц «лошадь», «конь», «свинья» в русском, английском и немецком языках) / Ж. Багана, Михайлова Ю. С. // Научные ведомости БелГУ. Сер. Гуманитарные науки. – 2011. – № 24 (119). – С. 84–93.
2. Столярова, А. Н. Неофраземы в современных русском и белорусском языках: источники, структура, семантика, прагматика : автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.02, 10.02.01 / А. Н. Столярова. – Минск, 2022. – 26 с.
3. Яблонская, О. Г. Фразеологические единицы с компонентом-зоонимом в структуре русских художественных текстов XX–XXI веков (компонентный и контекстный анализ) : автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.02 / О.Г. Яблонская. – Минск, 2018. – 30 с.

Талецкая Татьяна Николаевна,

доцент кафедры иностранных языков и методики преподавания иностранных языков
УО «Мозырский государственный педагогический университет
имени И. П. Шамякина»,

кандидат филологических наук, доцент;

Пузан Любовь Владимировна,

доцент кафедры иностранных языков и методики преподавания иностранных языков
УО «Мозырский государственный педагогический университет
имени И. П. Шамякина»,

кандидат филологических наук, доцент

ПРАГМАТИКА СЛОВЕСНОГО ПОРТРЕТА В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

Резюме. Статья посвящена исследованию прагматических факторов в описании и самоописании внешности. Авторы статьи интерпретируют отобранные из художественных контекстов коммуникативные эпизоды, иллюстрирующие описание внешности человека в различных прагматических речевых ситуациях. Актуальность исследования связана с антропоцентрической направленностью современной лингвистики, изучающей категории, в которых отражается активная позиция субъекта речи.

Ключевые слова: описание, внешность, портрет, автопортрет, прагматика.

Описание внешности человека в художественном тексте подчинено определенной интенции автора, а именно – представить характерные и отличительные признаки в зависимости от прагматической установки описания. При описании внешности человека отображаются обычно его рост, возраст, осанка, походка, цвет волос, глаз, форма носа, ушей, подбородка, особенности улыбки, речи и т. д. Кроме того описываются предметы гардероба, аксессуары и др. На то, каким получится описание, влияют различные прагматические факторы.

Рассмотрим в этой связи яркий пример, отражающий мужское восприятие окружающего мира. При этом речь идет о немце, а, как известно, у немцев особая любовь к автомобилям. В данном примере с юмором представлено то, как внешность женщины проигрывает в прагматическом плане тому, как выглядит автомобиль:

“Ich möchte eine Vermisstenanzeige aufgeben. Meine Frau ist gestern zum Shopping in die Stadt gefahren und nicht wieder nach Hause gekommen”.

Der Polizist erwidert: “Wir brauchen eine Personenbeschreibung. Wie groß ist Ihre Frau?”

“Weiß ich nicht. Habe nie nachgemessen...”

“Schlank? Vollschlank? Korpulent?”

“Hmm – schlank, nee eher vollschlank, oder doch fast schon korpulent ...? Ich weiß nicht recht”.

“Augenfarbe?”

“Habe ich nie so drauf geachtet...”

“Haarfarbe?”

“Wechselt ständig”.

“Welche Kleidung trug ihre Frau als Sie sie zuletzt gesehen haben?”

“Hm. Ich glaube ein Kleid ... Oder Jeans und Pulli? Ich kann es beim besten Willen nicht sagen!”

“Ist sie mit öffentlichen Verkehrsmitteln oder mit dem PKW in die Stadt gefahren?”

“Mit einem metallic schwarzen Audi A8 mit 3.0ltr V6 Motor, 333 PS, 8 Stufen Tiptronic Automatikgetriebe, LED Xenonlicht, 20 Zoll Alufelgen im Propeller Design und 275er Breitreifen, Navi, Panorama Schiebedach, Alcantara Ledersitze und hat an der Fahrertür einen klitzekleinen Kratzer”.

Plötzlich muss der Mann ganz bitterlich weinen und der Polizist tröstet ihn: “Keine Sorge, wir finden Ihr Auto!” [Die Vermisstenanzeige].

Начало контекста достаточно печальное. Пропала жена, уехала за покупками в город и не вернулась. Обеспокоенный муж заявляет в полицию об исчезновении жены. Для этого необходимы сведения о ее внешности. Но появляется проблема, потому что муж не может описать ни ее рост (*Weiß ich nicht. Habe nie nachgemessen*), ни комплекцию (*Hmm – schlank, nee eher vollschlank, oder doch fast schon korpulent ... ? Ich weiß nicht recht*), ни цвет глаз (*Habe ich nie so drauf geachtet ...*), ни цвет волос (*Wechselt ständig*), ни во что была одета (*Ich glaube ein Kleid ... Oder Jeans und Pulli? Ich kann es beim besten Willen nicht sagen!*). Когда же полицейский задает вопрос, на чем она уехала за покупками – на общественном транспорте или на автомобиле, мужчина в мельчайших подробностях, даже можно сказать с любовью, описывает свой автомобиль – *Mit einem metallic schwarzen Audi A8 mit 3.0ltr V6 Motor, 333 PS, 8 Stufen Tiptronic Automatikgetriebe, LED Xenonlicht, 20 Zoll Alufelgen im Propeller Design und 275er Breitreifen, Navi, Panorama Schiebedach, Alcantara Ledersitze und hat an der Fahrertür einen klitzekleinen Kratzer*. Не зря же немцы слывут автомобильной нацией!

В следующем описании автор иронично изображает облик секретарш, прагматически принижая их имидж на фоне дизайна помещения, в котором они работают: нежный серый и розовый тона стен и мебели в помещении, насыщенный темно-розовый цвет диванов, серый тон ковра гармонируют с бледно-розовым цветом блузки одной из женщин и антрацитово-серым тоном юбки другой: *“Es sah aus, als sei die Kleidung der beiden Sekretärinnen auf dem Dekor der Räume abgestimmt. Alles war in weichen Grau- und Rosetönen gehalten, vom tiefen Altrosa der beiden zweisitzigen Sofas beim Fenster bis zum blassen Rose von Hyacinth Johnsons Bluse; vom gedämpften Grau des Teppichs zum Anthrazitgrau von Erica McBains Rock”* [Fielding 2004 : 164]. Автор делает вывод: «Это выглядело так, как если бы одежда обеих секретарш была подобрана соответственно декорации помещений» (*Es sah aus, als sei die Kleidung der beiden Sekretärinnen auf dem Dekor der Räume abgestimmt*).

Авторская прагматика в художественном тексте всегда опирается на стилистику. Так для создания словесного портрета используются яркие стилистические средства: меткие сравнения, метафоры, метонимия и т. д.

Например, *“Ein dummes kleines Mädchen mit Pfannkuchengesicht, dachte Barbara jetzt. Sogar Pickel am Kinn hatte sie, einen großen und zwei kleinere direkt unter ihrer aschfahlen Haut, und eine Nase voller Sommersprossen wie Erdnussbutter auf Weißbrot. Wie konnte ihr Mann es wagen, sie wegen einer pickeligen, sommersprossigen, pfannkuchengesichtigen Studentin zu verlassen, die er zuvor in ihr Haus, in ihr Wohn- und Esszimmer gebracht hatte, die sie bekocht hatte”* [Fielding 2002 : 158–159].

Через описание внешности автор с прагматически негативной коннотацией передает оскорбленные чувства женщины, муж которой изменил ей со студенткой, которая часто бывала у них дома. Барбара не может понять, что такого ее муж нашел в девушке с невзрачной внешностью, как он посмел оставить ее ради этой студентки (*Wie konnte ihr Mann es wagen, sie wegen einer pickeligen, sommersprossigen, pfannkuchengesichtigen Studentin zu verlassen*). Для описания внешности студентки-соблазнительницы автор использует следующие стилистические средства, имеющие заведомо негативную прагматику: метафоры (*Pfannkuchengesicht, pfannkuchengesichtig*), эпитеты (*aschfahle Haut, pickelig, sommersprossig, ein dummes kleines Mädchen*).

С точки зрения прагматики интересно автопортретное описание, особенно если оно осуществляется в речевой ситуации, когда коммуниканты непосредственно воспринимают друг друга. Т. е. это ситуация, когда в

самоописании нет необходимости. Но если оно имеет место, то это вызвано дополнительной прагматической интенцией – например, специально описать себя негативно, чтобы вызвать сочувствие, жалость к себе со стороны коммуникативного партнера с целью повлиять на его поведение ради своей выгоды. Например: *“Ich bin vierunddreißig Jahre alt. Meine Haare sind zu struppig, mein Mund ist zu groß, weder mein Gesicht noch meine Figur sind reif für 'ne Schönheitskonkurrenz, was Sie sicher alles schon selbst festgestellt haben. Mein Körper ist nicht unansehnlich, aber er ist eben vierunddreißig, und in dem Alter gehören Milchshakes der Vergangenheit an”* [Fielding 1988 : 109].

В этом контексте речь идет о двух женщинах, встретившихся в кафе, чтобы выяснить отношения. Одна из них – жена, другая – любовница мужа, причем другая намного моложе и красивее жены. Та, которая жена, использует в общении дополнительную прагматическую интенцию, а именно, сидя напротив молодой женщины, она намеренно описывает себя негативно с целью вызвать сострадание у молодой соперницы и тем самым повлиять на то, чтобы она оставила в покое ее мужа. Она называет свой возраст, что женщинам обычно не свойственно (*Ich bin vierunddreißig Jahre alt*). Она заведомо негативно описывает свою внешность (*Meine Haare sind zu struppig, mein Mund ist zu groß, weder mein Gesicht noch meine Figur sind reif für 'ne Schönheitskonkurrenz*). При этом она пытается быть объективной, как если бы она смотрела на себя ее глазами, т. е. глазами более молодой соперницы (*was Sie sicher alles schon selbst festgestellt haben*).

Автор художественного текста всегда имеет в своем арсенале различные стилистические приемы, позволяющие создать оригинальное с прагматической точки зрения представление о внешности человека. Приведем пример из книги А. Шперля «Мемуары посредственного ученика». Молодой человек приходит в школу танцев, входит в танцевальный зал и придирчиво изучает внешность сидящих на низкой скамеечке девушек, чтобы выбрать ту, которую он пригласит на танец: *“Auf schmalen Bänkchen mit vergoldeten Beinen saßen die jungen Damen: Ein schwarzes Kleid aus Löchern, blitzende Augen und etwas hochmütige Zähne. Etwas Dickes in Rosa mit gespreizten Knien. Ein nichts sagendes Blau mit Spitzenkrägelchen und Gesicht wie Schulaufgaben. Ein hochgeschlossenes Wollkleid mit Riesenknöpfen und einem übermütigen Wuschelkopf. Eine klassische Nase mit schwarzem Scheitel und zu kurzen Beinen. Eine Bleiche ganz in Grün und mit kluger Brille. Eine Riesige, deren Umfang endlos schien, und deren Anblick mich schüchterte”* [Spoerl 1977 : 90].

С помощью ярких стилистических средств автору удается создать ироничный портрет девушек, передающий комичность их внешности (в анализе приведенного контекста мы используем интерпретацию, основываясь на собственном восприятии текста, не привязываясь к дословному переводу). У одной девушки со стреляющими глазами (*blitzende Augen*) и высокомерной улыбкой (*hochmütige Zähne*) – черное, связанное крючком ажурное платье (*Kleid aus Löchern*). Другая – полной комплекции – была одета в розовый цвет (*Etwas Dickes in Rosa*), который ее еще больше полнил. Кроме того, неприятна была ее поза в положении сидя на скамейке (*mit gespreizten Knien*). То, что молодой человек относится к ней с пренебрежением, свидетельствует уже само слово «*Etwas*» – *Etwas Dickes in Rosa*. Третья – с весьма скучной внешностью (*Gesicht wie Schulaufgaben*) – была одета в платье странного голубого цвета (*Ein nichts sagendes Blau*) с ажурным воротничком как на школьной форме (*mit Spitzenkrägelchen*). Четвертая – в шерстяном платье, с высоко застегнутым воротником и громадными пуговицами (*Ein hochgeschlossenes Wollkleid mit Riesenknöpfen*) и задорной лохматой головой (*mit einem übermütigen Wuschelkopf*). Пятая – брюнетка (*mit schwarzem Scheitel*) с классическим носом (*Eine klassische Nase*) и слишком короткими ногами (*zu kurzen Beinen*). Шестая – в «умных очках» (*mit kluger Brille*), оттенившая свою природную бледность, одевшись во все зеленое (*Eine Bleiche ganz in Grün*). Седьмая вообще была необъятных размеров (*Eine Riesige, deren Umfang endlos schien*). Для выражения иронии А. Шперлем мастерски сочетаются оригинальные метафоры, метонимия, сравнения и эпитеты.

Прагматическая оценка внешности человека всегда имеет преднамеренный характер. Коннотация описываемого объекта не всегда может объективно отображать действительность – положительное во внешности может быть представлено как отрицательное, красивое как уродливое и т. д. В преднамеренном описании важную роль играет такой прагматический фактор как пресуппозиция и личное отношение субъекта речи к описываемому объекту. На прагматику создания словесного портрета в художественном тексте влияют, таким образом:

- прагматическая установка автора, его интенция в достижении особых прагматических эффектов;
- отображение в словесном портрете характера межличностных отношений между субъектом и объектом описания (как своего рода пресуппозиции для создания соответствующей коннотации);

- тип речевой ситуации, в которой осуществляется словесный портрет или автопортрет.

Summary. The article is devoted to the study of pragmatic factors in the description and self-description of appearance. The author of the article interprets communicative episodes selected from artistic contexts, illustrating the description of a person's appearance in various pragmatic speech situations. The relevance of the study is related to the anthropocentric orientation of modern linguistics, which studies categories that reflect the active position of the subject of speech.

Key words: description, appearance, portrait, self-portrait, pragmatics.

Литература

1. Die Vermisstenanzeige. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://lachdichschlapp.eu>. – Дата доступа – 06.06.2024.
2. Fielding, J. Schlaf nicht, wenn es dunkel wird / J. Fielding. – München: Willhelm Goldmann Verlag, 2004. – 277 S.
3. Fielding, J. Nur wenn du mich liebst / J. Fielding. – München : Willhelm Goldmann Verlag, 2002. – 509 S.
4. Fielding, J. Ich will Ihren Mann / J. Fielding. – München : Willhelm Goldmann Verlag, 1988. – 389 S.
5. Spoerl, A. Memoiren eines mittelmäßigen Schülers / A. Spoerl. – München : R. Piper&Co Verlag, 1977. – 223 S.

Хлистовская Ирина Станиславовна,
преподаватель кафедры иностранных языков
УО «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы»

ТЕМА ПОЛЬСКОЙ ДЕРЕВНИ И ПРИРОДЫ В ТВОРЧЕСТВЕ МАРИИ ДОМБРОВСКОЙ

Резюме. Статья посвящена анализу одного из аспектов творческой лаборатории польской писательницы Марии Домбровской. Особое внимание уделено показу темы деревни, природы в творческом наследии писательницы. Делается вывод о значимости данной тематики для понимания творческой мастерской писательницы.

Ключевые слова: Мария Домбровская, творческая лаборатория писательницы, «Дневник», рассказы, деревня, природа.

«Все на свете всегда чудесно, но никогда не бывает снова как в детстве».

Мария Домбровская «Улыбка детства»

Мария Домбровская – польская писательница, драматург, литературный критик, публицист и переводчик. Она родилась 6 октября 1889 года в небогатой шляхетской семье. Получив среднее образование в пансионах в Польше, она продолжила обучение в Лозаннском и Брюссельском университетах (1907–1914). Получила ученую степень кандидата естественных наук. Будущая писательница чутко наблюдает природу, жизнь, людей. За границей во время обучения она сближается с демократическими кругами, увлекается идеей кооперации. Этому вопросу посвящены ее первые публицистические работы, проникнутые патриотизмом и заботой о будущем страны.

Писательница на страницах своих «Дневников» пытается показать, что даже в условиях нищеты и невежества можно найти радость, дающую духовные силы человеку, необходимые для жизни [Домбровская 1996 : 128, 232, 244].

Тема деревни в польской литературе имеет долгую традицию. Практически с момента появления польской литературы тема деревни неоднократно подвергалась стилизации, писатели представляли ее перед взором читателей как райскую идиллию, место счастья, где все гармонично сочетается, место благородного и приносящего удовлетворение труда, жизни в соответствии с ритмом природы, контрастирующей с существованием в городе.

С другой стороны, писатели стремились в показе деревни к реалистичности. При этом показ деревни включает в себя экономические проблемы, напряженность, социальные конфликты, вопросы бедности, а также цивилизационный уровень ее жителей. При создании образов деревни основное внимание уделялось жизни помещиков или положению крестьян – характеру последних, их менталитету и эмоциям, отношению к земле, обычаям, аутентичности поведения и стремлениям было посвящено множество выдающихся произведений. Свой вклад в развитие данной тематики внесла Мария Домбровская, которая о жизни крестьян знала не понаслышке.

Первые сборники рассказов Марии Домбровской «Дети родины» (1921), «Ветка черешни» (1922) носили патриотический и воспитательный характер. В них отчетливо заметна горячая любовь Домбровской к людям, вера в их творческие силы. В свою очередь книга «Улыбка детства» (1923), представляющая собой сборник миниатюрных рассказов, подлинно поэтичных, посвящена весеннему пробуждению природы, детскому мироощущению и психологии. Уже в этих первых литературных произведениях проявились характерные для художественной манеры Домбровской лаконичность, простота и выразительность. Писательнице удалось показать безоблачность счастья детства, где все возможно и все интересно. Ничто не может омрачить детскую непосредственную и неподдельную радость от познания окружающего мира. Домбровская рисует перед юными читателями, которым адресованы рассказы, образы добрых, отзывчивых, внимательных родителей, милых братьев и сестер. Вспоминая детство с улыбкой, писательница описывает веселые праздники, игры, детские проделки и шалости. Она мастерски сумела в коротких рассказах, адресованных юному читателю и описывающих незамысловатые семейные будни и радостные торжества, показать в этой повседневности значительное и глубокое. Эти коротенькие рассказы полны мудрых наблюдений, в каждом из них много любви и уважения к простому народу. Они несут идею радостного оптимизма в то, что все счастливо сложится. Необходимо обратить внимание и на умение Домбровской подсмотреть и подслушать жизнь природы, животных, уловить смену времен года.

Сборники «Дружба» (1927), «Мартин Козера» (1927), «Чистые сердца» (1938) также посвящены показу образов детских персонажей, их принадлежность к разным социальным слоям обусловила различие их судеб, поведения, идеалов.

Как показывает анализ «Дневников», творчество Домбровской этих лет отмечено поисками духовных сил в человеке, которые могли бы стать основой справедливых отношений между людьми. В персонажах рассказов, собранных в произведении «Люди оттуда» (1925), принесшем Домбровской литературную славу, писательница обратила внимание читателей на высокие нравственные черты, присущие простым людям. «Внимательный читатель обнаружит, – писала сама Домбровская в предисловии к шестому послевоенному изданию сборника «Люди оттуда», – основную мысль этого произведения... Эта мысль – показать силу и глубину переживаний человека, самого забитого, незащищенного и беспомощного. И тем самым показать его достоинство и значение для будущих времен» [Домбровская 1928 : 8]. Домбровская акцентирует внимание читателей на таких жизненных ценностях, как трудолюбие, жизненная мудрость, способность глубоко и чисто любить, тонко чувствовать природу. Все рассказы сборника «Люди оттуда» кончаются печально, даже трагически. Однако писательнице удалось сделать так, что, несмотря на печальный финал, эта книга вселяет бодрость, заставляет читателя верить в лучшее будущее.

Некоторые исследователи объясняют эту глубокую веру в светлое будущее тем, что герои Домбровской преисполнены оптимизма, веры в свои силы. Так, например, Маринке с Янеком («Дикая трава») не страшна чужбина, поскольку они умеют работать, а вместе – при их-то силе любви! – им ничего не страшно. Муж Люции далеко, но она верит, что ей удастся найти его, и, поскольку она его любит, то сможет испросить прощение и начать все заново. Никодем, гонимый своим горем, уйдет из деревни, но в другом рассказе мы узнаем, что благодаря помощи ксёндза «неизлечимому больному» удастся избавиться от страданий. В рассказе «Утешение» Домбровская также стремится показать торжество не смерти, а «буйной жизни» природы, прекрасного лета. Качмарек вместе с семьей («Самый дальний путь») уедет из поместья. Писательница говорит, что это все изменения в лучшую сторону. Поскольку жизненная сила и мудрость этого персонажа сформировали его оптимизм, он уверенно говорит: «...не стоило бы и жить, если бы не верить, что придут и здесь лучшие времена» [Домбровская 1928 : 32].

Мария Домбровская не раз подчеркивала в «Дневниках», что «писать нужно только о том, что хорошо знаешь или что ясно видишь» [Домбровская 1996 : 182]. Все, что было создано писательницей, тесно

связано с ее жизнью, хорошо ей известно, поэтому она с легкостью сумела воссоздать в простых словах сложный мир человеческих переживаний.

Разочарование в политике санационного правительства пилсудчиков заставляет Марию Домбровскую вернуться в тридцатых годах к публицистике. В своих статьях, написанных в этот период, писательница обличает губительную политику правительства в отношении деревни, требует проведения коренных реформ, направленных на улучшение жизни крестьян; во всем чувствуется ее горячее внимание к жизненным интересам своего народа.

В 1938 году вышел очередной сборник рассказов Домбровской «Признаки жизни». Рассказы появлялись на протяжении 1928–1932 г. в процессе работы над циклом «Ночи и дни». «Все эти произведения, – писала Домбровская в предисловии к первому изданию сборника, – своего рода художественные этюды, подобные этюдам в музыке...» [Домбровская 1998 : 334]. И это во многом объясняет разнообразие творческих приемов в раскрытии сюжета и характера героев в данном сборнике. Подобно великому художнику, который прежде чем приступит к созданию картины, делает зарисовки и эскизы, Мария Домбровская – большая писательница – до работы над своей эпопеей и в процессе ее писала свои «этюды». Подтверждение чему можно найти на страницах «Дневников».

Если сравнить художественные приемы Домбровской в «Признаках жизни» с прежними сборниками, то мы увидим существенную разницу. Повествование, по мнению исследователей творчества писательницы, стало монументальнее, характеристики полнее. В языке героев меньше прежней отвлеченной метафоричности. Домбровская выступает как зрелый, вдумчивый мастер, глубокий знаток жизни и человеческих чувств. И в этих рассказах, как и прежде, читатель ощущает органическую связь человека с природой.

Война была для Марии Домбровской, как и для тысяч ее соотечественников, тяжким испытанием. Многие пришлось пережить, продумать, переосмыслить. Вышедший в 1955 году сборник «Утренняя звезда» был значительным событием в литературной жизни Польши. Домбровская символично выбирает название произведения, утренняя звезда символизирует восход, рождение чего-то нового.

Произведения этого сборника написаны в разное время. Сюда вошли отрывки из воспоминаний писательницы: «Паломничество в Варшаву» (1945), «Ночная встреча» (1949), «И тут настала смена...» (1951). В них Мария Домбровская рассказывает о недавнем прошлом: о трудных годах

оккупации и маленьких радостях – таких, как жарко натопленная печка или выручивший из беды попутный товарный поезд.

В своих воспоминаниях Домбровская приближается к повседневности, точно, документально называет даты и места. Порой, описывая личные переживания, писательница вводит острые публицистические обобщения, в которых находит выражение ее связь с окружающей жизнью. Произведения призваны показать читателю пути поиска счастья и своего пути в жизни. Она попыталась показать, что даже в самые тяжелые времена человек ищет радость и надежду, чтобы идти дальше и выжить.

В трогательном, волнующем рассказе «Пани Зося», некрологе хорошему человеку, Домбровская отдает дань мужеству, трудолюбию, самопожертвованию маленькой, хрупкой женщины, потерявшей всех своих близких и погибшей на посту. Заключительные слова этого рассказа «так жизнь превозмогала смерть, не изгладившуюся лишь в памяти тех, кому не дано забыть» говорят о твердой вере писательницы в силу жизни, побеждающей смерть и разрушения.

В двух последних, самых больших рассказах сборника – «Третья осень» и «На деревне свадьба» – мы встречаем хорошо нам знакомых из книг Марии Домбровской простых людей. Но они живут уже в сегодняшней Польше. Герой рассказа «Третья осень» – Клеменс Логойский. По определению некоторых зарубежных критиков, он – «серый человек». В русской литературе можно найти его собратьев у Чехова и Достоевского. Он скромн, тих, с виду беспомощен, растерян. Ему шестьдесят лет, он одинок, вернулся в Варшаву без средств к существованию. Домбровская заставляет читателя ответить на вопрос о том, и что же дальше делать этому персонажу. Она уверена, что Клеменс не останется за бортом кипучей жизни, не смотря на то, что персонаж этот одинокий, несчастный. С подлинным реализмом писательница рисует трудности, которые пришлось преодолеть этому человеку, чтобы найти свое место в новой Польше. Именно в этой Польше исполнилась его заветная мечта – он смог разводить новые сорта растений.

В рассказе «На деревне свадьба», последнем рассказе сборника «Утренняя звезда», перед нашими глазами проходят старики крестьяне, молодые деревенские парни и девушки. Все они съехались и собрались на деревенской свадьбе Зузи и Чесека. Мария Домбровская так представила главных героев: «Зузя небольшого роста, у нее хорошая фигурка, решительные и гибкие движения. Нижняя губа и подбородок немного выдаются вперед, как у отца, глаза голубые, большие и красивые, но без

блеска; брови красивые, черные, но щеки бледные, хотя упругие и гладкие. Во всем существе Зузи чувствуется преждевременная зрелость, самоуверенность и трезвость не по летам. Чесек Руцинский у нее – уже второй жених. Он очень недурен собой, строен и гибок, лицо у него продолговатое, смуглое, свежее, волосы каштановые, глаза карие; по моде, принятой сейчас у молодежи, шевелюра у Чесека шапкой поднимается надо лбом, а когда он наклоняется, свисает длинными прядями, хоть косу заплетай. Чесеку не дашь его двадцати четырех лет, а Зузя, наоборот, кажется старше своих семнадцати. И жених и невеста – оба очень неразговорчивы» [Домбровская 1983 : 125].

В этом произведении мы опять встречаем крестьян, хорошо знакомых нам по книге «Люди оттуда». Мы опять слышим народную речь, сочную и певучую, богатую и неповторимую, как и там. Но вместе с тем, писательница подчеркивает, что это уже не те крестьяне, которых мы видели в «Людах оттуда». На свадьбу съехались новые люди, пришла из города новая интеллигенция, тут есть и поэт, и студент университета. Пришли члены партии – новые герои для Марии Домбровской. Писательница подчеркивает тот факт, что все эти люди из деревни. Домбровской удалось передать их взволнованное стремление к новой жизни. Домбровская показывает, насколько не просто даются героям их жизненные выборы. Их беспокоит судьба кооператива, судьба всего государства. Как далеко это от беспокойства «тех» крестьян о завтрашнем дне своей семьи. Но в новой жизни не все еще легко и прекрасно. Есть и конфликт, – основной, может быть, конфликт новой польской деревни: на свадьбу не пришли члены кооператива. Домбровской удалось ненавязчиво показать и заставить читателя ответить на вопрос, почему так происходит. Линия раздела проходит теперь не между помещичьей усадьбой и мужиками, а между самими крестьянами – единоличниками и объединившимися в кооперативы. Писательница не сторонится правды жизни, не старается ее затушевать, но она верит в новый день польской деревни. Устами своего персонажа, Михала Богусского, она стремится донести мысль: «Кооперативы... Жизнь, по-моему, это как бы дорога. Сколько ты прошел, это уж твое, этого уже не потеряешь. За это тебе бояться нечего. А вот то, что еще осталось пройти, это ты можешь потерять, за это ты должен бояться. Вдруг заблудишься, не дойдешь, прозеваешь. А куда ты по этой дороге жизни идешь? В будущее идешь. Вот и надо хорошенько следить за этой дорогой, чтобы не прозевать, не потерять будущего. Пойдем скорее, дорогая, мне нельзя опаздывать» [Домбровская 1983 : 254].

Домбровская с фактографической точностью описывает свадебные обычаи и обряды деревенской свадьбы: «Час спустя свадебному поезду пришлось остановиться в тени деревьев сада, около риги и на тропинке, ведущей к Попёлкам, потому что около хаты Яснотов было расставлено шесть взятых в займы столов. Благодаря прекрасной, теплой погоде места теперь хватало на всех: часть свадебных гостей могла пировать под открытым небом» [Домбровская 1983 : 198] .

Описание праздничных угощений, заставляет читателей как будто стать участником пиршества и увидеть воочию сам процесс приготовления:

«Леокадия и Паулина кончают расставлять на столах блюда и тарелки с копченой грудинкой, сальцесоном, ливерной и краковской колбасой, приготовленной с гречневой кашей; Малгожата раскладывает по тарелочкам нарезанный студень, расставляет между блюдами дыню и сливы в уксусе, маринованные грибы всех сортов, салат из собственных помидоров, которые хранили к свадьбе, хрен, горчицу и свеклу. Хлеб есть и покупной и домашний, сдобные булки поданы те же, что и утром, жженку сменили водка и домашнего приготовления настойки на терновых ягодах, просе, ржи и чернике. Тут и там небрежно разбросаны сероватые осенние груши бере и яблоки малиновка» [Домбровская 1983 : 216].

Немного дальше читаем: «Обед был такой, какой принят веками в таких случаях. На первое суп из говядины и курятины с лапшой, а Малгосина лапша славилась на всю деревню. Говядину и курятину гости ели в супе, не стоило раскладывать мясо на отдельные тарелки. На второе – жареные котлеты, грудинка и бигос. Потом сдобные булки, сласти – и все время водка и вино. Алкоголь и молодых заставил вспомнить старые деревенские песенки, слышанные в детстве, но от свадебного разгула в голову больше лезли пьяные куплеты» [Домбровская 1983 : 218].

Домбровской в своих произведениях удалось показать проблемы социального обновления в польской деревне середине XX в., она понимает и говорит о том, что и герои этого произведения видят, неизбежность перемен при которых остается лишь сказать: «О чем тут говорить! Свадьба так свадьба. Может, это в деревне уж последняя такая свадьба. Ведь теперь только сходят, распишутся – и баста. Пусть уж у Зузи будет такая свадьба, чтобы людям было что вспомнить» [Домбровская 1983 : 210].

Символично, на наш взгляд, звучат слова: «Только ясное небо, простершееся над едущим в молчании свадебным поездом, только земля, пламенеющая октябрьскими красками, были древними, извечными»

[Домбровская 1983 : 332]. И образ разгороженного парка, куда раньше не было доступа простому человеку, и ответственность за красоту этого парка, который теперь принадлежит всем, все это, по мнению Домбровской, и есть будущее жителей деревни. Эта мысль созвучна с записями «Дневников» о том, что каждый из нас в ответе за красоту своего окружающего мира. Запущенный парк – это всего лишь переходный период. Не смотря на свою не ухоженность, он по-прежнему обворожителен.

«Они вошли в разгороженный старый парк, сильно запущенный, но горевший таким богатством красок, что слепило глаза. А над чащей лип, елей, буков, каштанов, грабов и багрянолистных кленов высился белый тополь, покрытый листьями: с одной стороны желтыми, с другой – белыми, как кипень, и пенился в темной лазури, словно бил молочный фонтан. Богусский подумал, что маленьким мальчиком много раз ходил в усадьбу на работу, но никогда не бывал в этом парке и глядел на него только сквозь железную решетку; а теперь по этому парку ходят крестьянские дети. Но и парк уже не парк, а наполовину лесная чащоба; много воды утечет, пока деревенский люд научится ухаживать за парками ради их красоты» [Домбровская 1983 : 312].

Следует согласиться с утверждением В. А. Хорева о том, что публикация в 1955 г. повести М. Домбровской «На деревне свадьба» была значительным событием в литературной жизни и «предвестником скорого освобождения польской литературы от оков схематизма». Правдивое изображение сложных проблем жизни современных крестьян, их недоверия к колхозам и другим новшествам на селе, конфликтов поколений, тонкие наблюдения над бытовым укладом крестьянской жизни словно предвосхищали расцвет польской деревенской прозы в 60–70-е гг.

Участвуя в кооперативном движении, Мария Домбровская написала о кооперации ряд статей и брошюр. Проблемам польской деревни межвоенного периода посвящена статья «Распутье» (1937). На эту тему раньше вышла моя статья, поэтому здесь не будем на ней останавливаться.

Подводя итог нашим размышлениям, можем смело утверждать, что произведения Домбровской имеют большую познавательную ценность. Их по праву можно рассматривать как достоверный документ важных исторических процессов, происходивших в Польше [Светлицкий 2001 : 44-45]. Не только история Польши показана Домбровской в постоянном развитии, в ее изменении. Меняются также люди, их характеры, привязанности. В этом можно усматривать причину того, что писательнице удалось показать героев настолько «живыми», зрительно воспринимаемыми людьми.

Как справедливо подчеркивают исследователи, особенно удается писательнице показ характеров, темпераментов героев, их духовной жизни, чувств.

Мария Домбровская в своих произведениях показала себя, как выдающийся мастер изображения детских переживаний. Как в сборниках рассказов и повестях, о которых речь шла выше, так и в романе «Ночи и дни» она бережно, осторожно проникает в детские души и с большой любовью и искренностью показывает их внутренний мир.

Каждой страницей своего «Дневника» писательница отвечает на вопрос о смысле человеческого существования. Жизнь, по мнению Домбровской, прекрасна. Эта красота находит свое проявление в богатой и многообразной природе, которую так часто описывает писательница на страницах «Дневников», в высоких взлетах и болезненных упадках любовного чувства, обогащающего человека, в труде (в любом его проявлении) и во всем прекрасном, что окружает нас.

Богатое наследие Домбровской, включающее, помимо литературных произведений, также «Дневники» и обширную переписку, создает небывалую историю о жизни выдающейся личности.

Summary. The article is devoted to the analysis of one of the aspects of the creative laboratory of the Polish writer Maria Dąbrowska. Particular attention is paid to showing the theme of the village, nature in the creative heritage of the writer. The conclusion is made about the importance of this topic for understanding the creative workshop of the writer.

Key words: Maria Dombrovskaya, the writer's creative laboratory, "Diary", stories, village, nature.

Литература

1. Домбровская, М. Люди оттуда / М. Домбровская ; Пер. М. Е. Абкиной. – М.; Л. : Госиздат, 1928. – 190 с.
2. Домбровская, М. Утренняя звезда: рассказы / М. Домбровская ; сост. и предисл. С. Соколова. М. : Худож. лит., 1983. – 396 с.
3. Dąbrowska, M. Dzienniki 1914–1945 / M. Dąbrowska. – T. Drewnowski, Warszawa, 1998. – Т. 1. Wybór, wstęp i przypisy.
4. Dąbrowska, M. Dzienniki powojenne 1945–1965 / M. Dąbrowska. – T. Drewnowski, Warszawa, 1996. – Т. 1. Wybór, wstęp i przypisy.
5. Świetlicki, C. Wieś polska w publicystyce prasowej Marii Dąbrowskiej w latach 1910-1920. – Summ // Dzieje Najnowsze. – 2001, [nr] 2, s. 35–46.

Шаўцова Аксана Анатольеўна,
старшы выкладчык кафедры замежных моў
УА «Гродзенскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Янкі Купалы»

УЛАСНЫЯ АСАБОВЫЯ ІМЁНЫ Ў АПОВЕСЦІ ЭЛІЗЫ АЖЭШКІ «АРГАНАЎТЫ»

Рэзюме. В статье рассматривается ономастическая лексика, которую использовала известная польская писательница Элиза Ожешко в повести «Аргонавты», главным образом обращается внимание на антропонимы. Проанализировав собранный материал, автор статьи приходит к выводу, что личные собственные имена выполняют в художественном тексте следующие функции: идентификационную (назывную), социологическую, экспрессивно-эмоциональную, аллюзивную.

Ключевые слова: имена собственные, антропоним, имя, фамилия, гипокористика, формант, идентификационная функция, социологическая функция, экспрессивная функция, аллюзивная функция.

Амаль усе важнейшыя праблемы жыцця грамадства XIX стагоддзя знайшлі сваё адлюстраванне ў творах вядомай польскай пісьменніцы Элізы Ажэшкі, жыццё якой цесна звязана з горадам Гродна і яго акаліцамі. У творчасці ж пісьменніцы позняя перыяду адчуваецца перавага маральнай праблематыкі – цікавасць да пытанняў маральнага, духоўнага перараджэння чалавека. У артыкуле аналізуецца анамастычная лексіка, якую выкарыстала Эліза Ажэшка ў аповесці «Argonauti» («Арганаўты»), якая была напісана ў 1899. У аналізаваным творы пісьменніца на прыкладзе жыцця міліянера Алаіза Дарвіда паказвае, як прага накаплення, ідэалогія поспеху, імкненне да багацця любым коштам разбураюць сямейнае шчасце і каханне.

У творах Элізы Ажэшкі значнае месца займае беларускі і польскі анамастыкон канца XIX стагоддзя. Найбольшую групу ў тэкстах пісьменніцы-рэалісткі складаюць антрапонімы, ці імёны і прозвішчы герояў, што з'яўляецца характэрным для рэалістычнай плыні ў літаратуры. Імёны сустракаюцца ў аповесці значна часцей. Эліза Ажэшка заўсёды ў сваіх тэкстах па-рознаму ідэнтыфікуе прадстаўнікоў розных сацыяльных груп і нацыянальнасцей. Аналізаваны твор прысвечаны польскай шляхце, таму пры выбары імя для персанажаў пісьменніца абапіралася ў асноўным на польскую антрапанімічную сістэму (а менавіта на рымска-каталіцкую сістэму іменавання). Персанажы аналізаванай аповесці носяць імёны

ў спалучэнні з разнастайнымі назоўнікамі-азначэннямі ў прэпазіцыі да імя (часцей выступаюць словы пан, пані, панна, уласцівыя менавіта польскай сістэме наймення): *pan Aloizu, pan Marian, pan Stefan, pan Leon, pan Władysław, pani Irena, pani Malwina, panna Zofia, pani Rozalia, panna Karolina*. Сустрэкаюцца таксама ў прэпазіцыі да імя лексемы, якія выразна ўказваюць на сацыяльны статус асобы: *książe Zenon, baron Emil, hrabina Eugenia, hrabia Alfred*.

Эліза Ажэшка для наймення персанажаў выкарыстала не толькі поўныя імёны, але і варыянты гэтых імёнаў і іх эмацыянальна-ацэначныя формы. З аднаго боку такія формы выконваюць назывную функцыю, з другога ж – экспрэсіўна-эмацыянальную, бо дазваляюць пісьменніку праз формы імя паказаць адносіны паміж героямі, узрост герояў (часцей такія формы ўказвалі на дзяцей і падлеткаў).

У аповесці сустракаюцца эмацыянальна-ацэначныя формы імёнаў, утвораныя пры дапамозе розных фармантаў ад поўнай і ўсечанай асновы імя:

Жаночыя імёны: **-ka** *Leontynka* < *Leontyna*, *Awrelka* < *Awrelia*, *Zośka* < *Zosia* (*Zofia*), *Karolka* < *Karolina*, *Emilka* < *Emilia*; **-cia** *Karolcia* < *Karolina*, *Julcia* < *Julia*; **-sia** *Zosia* < *Zofia*; **-ulka** *Anulka* < *Anna*.

Мужчынскія імёны: **-ek** *Arturek* < *Artur*, *Bronek* < *Bronisław*, *Antek* < *Antoni*, *Stefanek* < *Stefan*, *Władek* < *Władysław*; **-ś** *Staś* < *Stanisław*, *Adaś* < *Adam*, *Władys* < *Władysław*; **-yś** *Maryś* < *Marian*.

Пры дапамозе суфікса-флексіі **-a/-'a** (**-a/-я**) (для жаночых імёнаў), **'o** (**-ё**) (для мужчынскіх імёнаў) ад усечаных і поўных асноў утвораны наступныя імёны: *Kara* < *Karolina*, *Ira* < *Irena*, *Józio* < *Józef*.

Варта звярнуць увагу на гіпакарыстычную форму імя *Tulek*, утвораную ад імя *Artur*. Так пшчотна называе героя аналізаванай аповесці Артура Краніцкага яго старая нянька *Klemensowa*. Калі ён быў маленькі, яна называла Артура *Arturek*, скарочана *Turek*, дзіця часта ж не вымаўляе гук *p*, таму і паявіўся варыянт *Tulek*. Праз гэтую форму пісьменніца падкрэслівае, што для старой нянькі Артур так і застаўся малым дзіцём, якога яна кахае і аб якім клапаціцца, нягледзячы на тое, што ён ужо даўно дарослы мужчына.

Гіпакарыстычныя фармацыі амаль заўсёды падкрэсліваюць блізкія эмацыянальныя адносіны паміж героямі твораў. Заўсёды, што варта падкрэсліць, у гіпакарыстычнай форме паяўляюцца ў творы імёны дзяцей: *Arturek, Kara, Zośka*. Варта зазначыць, што Эліза Ажэшка заўсёды выкарыстоўвала для наймення дзяцей у сваіх творах памяншальна-ласкаль-

ныя формы імёнаў, тым самым яна заўсёды падкрэслівала свае пяшчотныя адносіны да маленькіх герояў сваіх апавяданняў, аповесцяў, раманаў.

Акрамя імёнаў Эліза Ажэшка для наймення персанажаў выкарыстала і прозвішчы, аднак яны ў творы сустракаюцца не так часта: *pan Alojzy Darwid*, *pan Artur Kranicki*, *pan Adam Ilski*, *Konrad Donimirski*, *Romuald Zdrojowski*. Большасць з гэтых прозвішчаў мае суфікс *-ski*, які традыцыйна, разам з суфіксам *-cki* указваў раней на прыналежнасць асобы да шляхты, дваранства, арыстакратыі.

Цікавым з’яўляецца той факт, што ў ранніх творах Эліза Ажэшка часта не выкарыстоўвае прозвішчы, акрэслівае ж сваіх герояў яна спалучэннем імя з крыптонімам (часта з назоўнікам-ідэнтыфікатарам). У позніх творах пісьменніца амаль не звяртаецца да крыптонімаў. Аднак у аналізаванай аповесці «Арганаўты» яна выкарыстала крыптонімы для наймення другарадных, эпизадычных персанажаў: *baron E.*, *Marian D.* Утварыла крыптонімы Эліза Ажэшка ў дваякі спосаб: падаецца поўнае імя з першай літарай прозвішча альбо толькі першая літара прозвішча з тытулам – *baron* (пры такім спосабе намінацыі на першы план выходзіць тытул персанажа, падкрэсліваецца сацыяльнае становішча персанажа ў грамадстве).

Іншаземцам у сваіх творах Эліза Ажэшка надае імёны і прозвішчы згодна з той традыцыяй называння, якая існуе ў тым краі, адкуль яны паходзяць. Так гувернантка акрэслена з дапамогай назоўніка-азначэння і імя: англічанка *miss Moory (Mary)*. Спявачку італьянку ідэнтыфікуе ў аналізаванай аповесці пісьменніца як *Bianka Bianetti* (імя і прозвішча маюць аднолькавыя пачатковыя гукі, аднолькава гучаць, прозвішча мае і тыповае для італьянцаў *tti* у канцы). Такія антрапонімы выразна ўказваюць на іншаземнае паходжанне герояў твора.

Такім чынам, акрамя намінацыйна-ідэнтыфікуючай прозвішчы выконваюць і сацыялагічную функцыю: указваюць на нацыянальнасць героя і яго сацыяльнае становішча. Прозвішчы персанажаў не вылучаюцца сваёй незвычайнасцю. Наадварот, яны тыповыя для свайго часу, г. зн. для канца XIX – пачатку XX ст. У асноўным гэтыя прозвішчы выконваюць прамую функцыю – служаць сродкам выдзялення асобы сярод іншых персанажаў.

Заўсёды ў сваіх творах Эліза Ажэшка выкарыстоўвала для наймення жаночых персанажаў словаўтваральныя мадэлі, якія ўказвалі на стан жанчыны, што было характэрна для сістэмы наймення Польшчы. Даўней (цяпер гэта ў афіцыйных дакументах, у адрозненні ад гутарковай мовы, амаль не сустракаецца) вельмі распаўсюджаны былі найменні з фармантамі *-owa*, *-ina* (найменні замужніх жанчын ад імя ці прозвішча мужа),

фармантамі *-anka*, *-ówna* (найменні дачок ад прозвішча бацькі). Такія мадэлі дапамагалі адразу вызначыць стан жанчыны, але толькі ў некаторых групах прозвішчаў (напрыклад ад прозвішчаў на *-скі*, *-цкі* такія формы не ўтвараліся). Такія найменні асоб жаночага полу ўтвораны пры дапамозе фарманта *-owa* як ад імя мужа: *pani Adamowa, Klemensowa, Alfredowa*, так і ад яго прозвішча: *pani Malwina Darwidowa*. Патронім ўтварыла Эліза Ажэшка ў аповесці пры дапамозе фарманта *-ówna* ад прозвішча бацькі – *Irena Darwidówna*. Такія формы імёнаў не толькі выконваюць назывную функцыю, але і падкрэсліваюць грамадзянскі стан жанчыны, паказваюць сямейныя ўзаемазалежнасці.

Дастаткова часта ў сваіх творах Эліза Ажэшка звяртаецца да антычнай міфалогіі, да твораў сусветнай літаратуры, да Бібліі, ужываючы вядомыя антрапонімы. Гэта дазваляе чытачу, добра знаёмаму з вядомымі онімамі, лепш зразумець ідэю твора праз сімвалы і алюзіі.

Так, галоўнага героя аповесці «Арганаўты» Эліза Ажэшка параўноўвае з Гераклам: «w pierwszym tygodniu, niemal dniu, upatrzył tu nowe pole do pracy i szło mu bardzo o to, aby je zagarnąć i roztoczyć na nim swe *Heraklesowe* boje» [Orzeszkowa 1950 : 4] і Ясонам: «Daleki protoplasta Aloizego Darwida, *Jazon Argonauta*, wcale inaczej wyglądać musiał, gdy płynął do Kolchidy po złote runo» [Orzeszkowa 1950 : 6]. *Alojzy Darwid* – мільянер, свае мільёны ён здабыў працай і розумам: «*Alojzy Darwid* nie odziedziczył milionów, lecz zdobył je własną, żelazną pracą i odtąd, ciągle pracował nad ich pomnożeniem. Pracowitość, energia i pomysłowość jego były niewyczerpane. Interesy zdawały się być dla niego tym, czym jest woda dla ryby: żywiołem dającym swobodę i błogość» [Orzeszkowa 1950 : 2]. Пісьменніца піша, што ён, калі знаходзіў новае поле для працы, працаваў як Геракл, каб прыбраць усё ў свае рукі. Як арганаўт Ясон, Алаіз усё сваё жыццё шукаў залатое руно – багацце, толькі Ясон здабываў яго сілай і пры дапамозе чараўніцтва, Алаіз жа розумам і нервамі, умеў усё і ўсё ведаў: «*Jazon* ufał sile ramienia i miecza, *Darwid* tylko mózgowi i nerwom» [Orzeszkowa 1950 : 7]. Але пошукі залатога руна не прынеслі шчасця ні герою Элізы Ажэшкі, ні грэчаскаму герою. У пагоні за залатым руном, багаццем, яны страцілі асабістае шчасце, сям'ю, дзяцей. Герой Элізы Ажэшкі, як і герой грэчаскай міфалогіі, апынуўся ў жыццёвым тупіку і канчае жыццё самагубствам.

У аналізаванай аповесці дзяўчына, якая працуе ў цырку, акрэслена як *Aurora*, псеўданім вельмі прыгожа і таямніча гучыць, адпавядае роду заняткаў герайні (у рымскай міфалогіі Аўрора – багіня ранішняга досвітку [Winniczuk 1991: 136]). «Jedni utrzymują, że wydał na nią sumy bajeczne; inni

przeczą, że pochnęła je nie *Bianka śpiewaczka*, lecz *Aurora*, amazonka cyrkowa, ta sławna, o której względu ubiegali się w stolicach książęta krwi królewskich» [Orzeszkowa 1950 : 48].

Антрапонімы, якія Эліза Ажэшка ўзяла з міфалогіі, выконваюць сімвалічную і алюзіўную функцыю, дазваляюць пісьменніцы ствараць больш запамінальныя вобразы, трапна характарызаваць персанажаў, іх думкі і пачуцці, перадаваць ідэю твора.

Уласныя асабовыя назвы ў аналізаваным творы галоўным чынам выконваюць функцыю ідэнтыфікацыі персанажаў, указваюць на адносіны паміж імі, нацыянальнасць і на іх сацыяльнае паходжанне.

Усе ўласныя асабовыя назвы ў даследаваным творы выконваюць функцыі: ідэнтыфікуючую (назыўную), эмацыянальна-экспрэсіўную, сацыялагічную, сімвалічную і алюзіўную.

Summary. The article analyzes the anthroponyms used by the famous Polish writer Eliza Orzeszko in the novel «Argonauts». Proper names have the following functions: nominative-identification, sociological, emotionally expressive, allusive.

Key words: onomastics, proper names, anthroponym, name, diminutive, hypocoristic, formant, surname, nominative-identification function, sociological function, emotionally expressive function, allusive function.

Літаратура

1. Detko, J. Eliza Orzeszkowa / J. Detko. – Warszawa : Wiedza Powszechna, 1971. – 467 s.
2. Fros, H. Twoje imię. / H. SJ Fros, F.Sowa. – Kraków : WAM, 2002. – 556 s.
3. Grzenia, J. Słownik imion / J. Grzenia. – Warszawa : PWN, 2004. – 347 s.
4. Orzeszkowa, E. Argonauci / E. Orzeszkowa. – Warszawa : Książka i Wiedza, 1950. – 206 s.
5. Słownik kultury antycznej. Grecja. Rzym. / Pod red. L. Winniczuk. – Warszawa: Wiedza Powszechna, 1991. – 674 s.
6. Мифологический словарь / под. ред. Е. М. Мелетинского. – М. : Сов. Энциклопедия, 1990. – 672 с.
7. Системы личных имён у народов мира / под ред. В.А. Никонова. – Москва : Наука, 1989. – 380 с.
8. Усціновіч, А. К. Слоўнік асабовых уласных імён / А. К. Усціновіч ; навук. рэд. А. А. Лукашанец. – Мінск : Літаратура і Мастацтва, 2011. – 240 с.

Якутёнок Наталья Ивановна,

старший преподаватель кафедры романо-германской филологии
УО «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы»

НОМИНАЦИЯ ЛИЦ ПРОИЗВОДНЫМИ КАТЕГОРИЙ АУГМЕНТАТИВНОСТИ И ДИМИНУТИВНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

Резюме. Статья посвящена номинации лиц посредством производных категорий аугментативности и диминутивности. Это предоставляет дополнительную информацию о том, какие признаки являются для человека релевантными при наименовании лица. Здесь анализируются оценочный характер соответствующих единиц и роль эмоционально-оценочного компонента в семантической структуре данных производных, семантические признаки, лежащие в их основе, тематические классы, а также особенности производных каждой из категорий в процессе номинации человека. Исследуемые обозначения лиц неоднородны: по способу словообразования, семантическим признакам, стилистической окраске, социальной характеристике. Обозначение лиц производными категорий аугментативности и диминутивности имеют определенную специфику, так как содержат характеристику индивида по какому-либо признаку, что приводит к возникновению синонимов и стилистически маркированных единиц.

Ключевые слова: категория аугментативности, категория диминутивности, номинация, производные, немецкий язык.

В процессах познания человек является активным субъектом деятельности и мировосприятия, как творец и носитель языка, а также как объект номинации. Область лексики, посвященная обозначению лиц, занимает особое место в структуре любого современного языка. Одним из средств номинации человека могут выступать производные категорий аугментативности и диминутивности. В данных дериватах заключена информация не только о мире и отношении к его фрагментам, но и отражено участие языковых единиц в формировании семантической структуры данных обозначений. Анализ обозначений лиц, образованных при помощи средств выражения аугментативности и диминутивности, позволит узнать, каким образом человек учитывает при наименовании лица определенные признаки, свойства, которыми обладает каждый индивид, и какими средствами языка может быть выражено представление о том или ином человеке.

Обозначения лиц аугментативными и диминутивными осуществляется путем полупрефиксации, префиксации (аугментативные производные)

и суффиксации (дими́ну́тивные производные). Среди 200 единиц, обозначающих человека, можно выделить:

1. Около 25 единиц, образованных путем полупрефиксации (*der Blitzjunge, der Herzensfreund, der Mordskerl* и др.);

2. Около 95 единиц, образованных путем префиксации (*der Erzfeind, der Superfan, der Topverdiener, der Megastar* и др.);

3. Около 80 единиц, образованных путем суффиксации (*das Söhnchen, das Grüppchen, das Töchterlein, das Chörlein* и др.), из них:

- 93 % производных от имен существительных (*das Pärchen, das Männchen, das Brüderlein*). При этом следует отметить дими́ну́тивы, образованные от имен существительных в форме множественного числа (*das Kinderchen, das Weiberlein*).

- 7 % производных от имен прилагательных (*das Nettchen, das Kleinchen, das Dummchen*).

Статистический анализ лексических единиц позволяет определить место исследуемых производных в словообразовательной системе и в языке в целом.

Известно, что одно и то же лицо может получать разные обозначения в зависимости от ряда факторов, включая разное восприятие качеств лица познающим субъектом, особенности индивидуального знания человека, а также его принадлежность к определенной культуре и социуму. Новый предмет или явление квалифицируются по определенному признаку, выбираемому подчас достаточно произвольно, благодаря чему именование представляет собой закрепленный в конкретном языке результат субъективного подхода к обозначаемому предмету или явлению действительности [Володина 1997 : 40–47]. Вместе с тем существуют определенные признаки, по которым лицо получает обозначение или характеристику практически во всех социальных и культурных контекстах. Это связано с тем, что такие обозначения основываются на достаточно устойчивых, основополагающих качествах характеризуемого объекта и отражают ценностно-смысловые модели человеческого поведения в общем. Поэтому выбор ведущего признака для номинации – это одновременно и оценка, и интерпретация объекта, включающих как субъективные, так и объективные аспекты.

Классификация обозначений лиц проводится на основе различных семантических признаков, которые предназначены для выделения разных групп внутри данного класса и установления связей между ними. Основными семантическими признаками, которые содержатся в семантике

слов-обозначений лиц, образованных средствами выражения категорий аугментативности и диминутивности, являются:

- пол: *das Bübchen, das Weibchen, das Jungchen, das Dämlein, das Herrlein, das Blitzmädel, der Goldjunge, das Riesenweib;*

- возраст: *das Alterchen, das Kleinchen, das Frühchen, der Blitzbub, die Spitzenfrau;*

- признак родства: *das Söhnchen, das Kusunchen, das Tantchen, das Geschwisterchen, das Mütterlein, das Brüderlein, der Herzensbruder, die Übermutter;*

- свойства человека: *das Nettchen, das Dummerchen, das Närrlein, der Erzbetrüger, der Erznarr, der Erzverschwender;*

- внешняя характеристика: *das Blondchen, das Pummelchen, das Dickerchen;*

- межличностные отношения: *das Freundchen, das Liebchen, der Erzfeind, der Pfundskamerad, der Urfeind;*

Таким образом, описание человека может основываться на множестве признаков. В числе этих признаков можно выделить те, которые типичны для определенной категории: например, родственные связи чаще всего выражаются через диминутивные производные (18 диминутивов и 3 аугментатива), в то время как для описания качеств личности преобладают аугментативные производные (22 аугментатива и 5 диминутивов).

Следует подчеркнуть, что данные дериваты являются эмоционально-оценочными. Оценочная составляющая такого рода единиц имеет как индивидуальный характер, так и коллективную оценку тех или иных человеческих качеств. Индивидуальный характер проявляется, прежде всего, в конкретном наполнении того или иного содержания единицы, в личной интерпретации и оценке человеком определенных свойств, которыми обладает данное лицо. Существенным представляется тот факт, что при доминирующей роли эмоционально-оценочного компонента аугментативных и диминутивных производных в них не содержатся указания на размер. Так, например, диминутивному деривату *das Kindchen* 'малыш' придается, в первую очередь, оттенок нежности, умиления и ласкательности, а указание на размер содержится уже в основе соответствующего слова: *das Kind* 'Baby, Kleinkind; Mensch, der sich noch im Lebensabschnitt der Kindheit befindet' – 'младенец, маленький ребенок; человек, который находится на жизненном этапе детство' [Duden], следовательно, не возникает необходимости вновь отображать размерную составляющую у данного деривата. Это относится ко всем основам слов-обозначений невзрослых

лиц мужского и женского пола: *das Jungchen, das Bürschchen, das Kerlchen, das Kleinchen, das Knäblein, das Bublein* и др. Для некоторых обозначений лиц в принципе не применима размерная характеристика, например, у слов с признаком родства: *das Väterchen, das Ömchen, das Cousinchen*, что свидетельствует об эмоционально-оценочном содержании данных дериватов. Аналогично, у диминутивных производных, образованных от имен прилагательных, также отсутствует указание на размер, а субъективное восприятие другого лица номинантом является основополагающим:

das Frühchen 'Neugeborenes, das zu früh geboren ist' – 'новорождённый, родившийся недоношенным';

das Pummelchen 'dickes, rundliches Kind, Mädchen' – 'толстый, пухлый ребенок, девочка' [Duden].

Аугментативные образования данного типа сопровождаются помимо оценки еще и усилительным значением какого-либо свойства, качества человека, ср.: *das Blitzmädel* 'sehr tüchtiges Mädel' – 'очень хорошая девочка', *die Übermutter* 'besonders mütterliche Mutter' – 'особенно материнская мать', *der Supermann* 'besonders männlich wirkender Mann' – 'особенно мужественный мужчина' [Duden].

У обозначений лиц, образованных средствами выражения категории аугментативности, в отличие от диминутивных единиц наряду с общими семантическими признаками можно выделить ряд тематических классов:

- принадлежность к спорту: *der Topspieler, der Superathlet, der Supersprinter, der Spitzensportler, der Riesenfußballer*;

- принадлежность к общественно-политическому движению: *der Erzdemokrat, der Erzchauvinist, der Erznazi, der Erzreaktionär*;

- принадлежность к профессии: *der Marathonkünstler, der Topagent, der Riesenstaatsmann, der Superboss, der Supergouverneur, der Supermanager*;

- лица с низким социальным статусом: *der Erzdieb, der Erzlump, der Superspion, der Supergangster, der Topterrorist*;

- лица с высоким социальным статусом: *der Superheld, der Topfavorit, der Megastar, die Superpromi*.

Отдельные случаи среди аугментативных и диминутивных производных составляют обозначения лиц, которые употреблены метафорически: *das Schätzlein, das Lärvchen, der Quadratesel, der Hasenfuß, das Hasenherz* и класс наименований, обозначающих объединение лиц в группы: *das Völkchen, das Grüppchen, das Trüppchen, das Bündlein, das Superteam, die Supergruppe, die Spitzenmannschaft, die Übermannschaft, der Topverein*.

Значительную роль играют иноязычные элементы, сочетающиеся с немецкими основами: *der Superstürmer, der Topspieler*. Наблюдается и обратное явление – присоединение немецкого аффикса к заимствованной основе, т. е. происходит «морфематизация иноязычных элементов» [Fleischer 1972 : 133], например: *das Madamchen*. В области обозначений лиц, чаще всего среди аугментативов, особое место занимают заимствованные производные преимущественно из английского языка, образованные в основном префиксальным способом. Наличие заимствованных префиксов у категории аугментативности позволяет предположить, что вместе с заимствованием словообразовательного элемента последовало и заимствование некоторых лексических единиц данного типа: *der Megastar, der Superboy, der Superboss, der Topstar, das Topteam*. Этот факт можно объяснить ростом международных связей в современном мире, что приводит в динамику систему словообразования.

Семантика обозначения лиц формируется под воздействием как лингвистических, так и экстралингвистических факторов. Слова-обозначения лиц характеризуются полифункциональностью: они одновременно называют лицо и характеризуют его. Эта особенность обусловлена спецификой обозначения лица, где человек порождает целый ряд слов, содержащих характеристику индивида по какому-либо признаку, что приводит к появлению лексических и стилистических синонимов и к возникновению стилистически маркированных единиц.

У производных обозначений лиц можно выделить синонимы, точнее семантическую равнозначность элементов при наличии внешних отличий: *das Bübchen – das Büblein, das Bräutchen – das Bräutlein, das Brüderchen – das Brüderlein, der Megastar – der Topstar – der Superstar, der Superterrorist – der Topterrorist*. Однако существуют и стилистические синонимы: *der Erzgauner (abwertend) – der Obergauener (emotional verstärkend)* [Duden].

Следует отдельно отметить также стилистически маркированные единицы среди слов-обозначений лиц, образованных при помощи аугментативных и диминутивных словообразовательных средств, которые характеризуются образностью, оценочностью и особой сферой употребления. Аугментативные и диминутивные аффиксы имеют различные оттенки значения: ласкательность, пренебрежение, ирония и фамильярность. В той или иной мере данный тип производных, обозначающих лиц, является экспрессивно-оценочным, что накладывает ограничения на использование соответствующей лексемы в определенной сфере. Оценочность подобных дериватов становится особенно очевидной при их сопоставлении с кон-

нотативно-нейтральными соответствиями, характеризующимися идентичным описанием денотативного макрокомпонента значения.

Так, обозначения лиц, образованных средствами выражения категорий аугментативности и диминутивности, по стилистической маркировке имеют следующие значения:

- ласкательность (Koseform): *das Muttchen, das Papchen, das Tantchen, der Goldjunge*;

- уничижительное значение (abwertend): *das Weibchen, das Jüngelchen, das Muttersöhnchen, das Lärvchen, der Erzgauner, der Erzhalunke*;

- фамильярность (familiär): *das Patchen, das Dummerchen, das Jungchen, das Frauchen*;

- ирония (scherzhaft): *der Blitzjunge, der Blitzbub, das Freundchen, das Dämchen, das Männlein* [DWDS, Duden].

Таким образом, производные категорий аугментативности и диминутивности участвуют не только в номинации предметов, объектов и явлений действительности, но и в наименовании лиц. Возникновение и функционирование описанных обозначений лиц определяются принципами языковой номинации и обусловлены взаимодействием внешних и внутренних факторов языкового развития. С одной стороны, аугментативные и диминутивные дериваты данного типа раскрывают многочисленные, лежащие в их основе признаки, которые характеризуют человека с разных сторон, а с другой – субъективное восприятие человеком окружающих фиксируется в эмоционально-оценочном содержании соответствующих единиц.

Summary. The article is devoted to the nomination of persons by means of derived categories of augmentativeness and diminutiveness. This provides additional information about which features are relevant to a person when naming a person. The evaluative nature of the corresponding units and the role of the emotional-evaluative component in the semantic structure of these derivatives, the semantic features underlying them, thematic classes, as well as the features of the derivatives of each category in the process of human nomination are analyzed here. The studied designations of persons are heterogeneous: according to the method of word formation, semantic features, stylistic coloring and social characteristics. The designation of persons by derivatives of the categories of augmentativeness and diminutiveness has a certain specificity, since they contain a characteristic of an individual on some basis, which leads to the emergence of synonyms and stylistically labeled units.

Key words: augmentative category, diminutive category, nomination, derivatives, the German language.

Литература

1. Володина, М. Н. Теория терминологической номинации / М. Н. Володина. – М. : Изд-во МГУ, 1997. – 180 с.
2. Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache [Elektronische Ressource]. – Zugriffsmodus : www.dwds.de. – Zugriffsdatum: 28.04.2024.
3. Duden. Deutsches Universalwörterbuch [Elektronische Ressource]. – Zugriffsmodus : www.duden.de. – Zugriffsdatum: 28.03.2024.
4. Fleischer, W. Tendenzen der deutschen Wortbildung / W. Fleischer // Deutsch als Fremdsprache. – 1972. – № 3. – S. 132–141.

Ясюкевич Елена Николаевна,

доцент кафедры английской филологии

УО «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы»,

кандидат филологических наук, доцент

СЕМАНТИКА ПОБУЖДЕНИЯ В РУССКИХ ПАРЕМИЯХ

Резюме: Статья посвящена исследованию русских пословиц и поговорок с побудительной речевой интенцией. Особое внимание уделяется изучению семантики глаголов-предикатов, являющихся основным средством выражения побуждения.

Ключевые слова: паремия, модальность, императив.

Паремии в сжатой и емкой форме отражают историю и мировоззрение народа, его традиции, нравы, обычаи, правила поведения, нормы, чувства и оценочные стереотипы, а также обладают сложным характером семантики и формы, одновременно относясь к кругу языковых и речевых явлений.

Паремия в виде оценочного высказывания уже сама по себе выражает коммуникативную цель рекомендации, побуждения к действию, предостережения, похвалы или осуждения. Побудительность в русских пословицах может быть выражена эксплицитно, через употребление прямых способов (императивных и модальных конструкций), или имплицитно, косвенно, посредством оценочных и безоценочных выражений.

Императивная модальность в русском пословичном корпусе довольно распространена (17,2 %). Основным значением паремий с глаголом в повелительном наклонении является целенаправленное речевое воздействие говорящего на адресата с целью выполнения или невыполнения последним некоторого действия. Императивные паремии выражают волеизъявление, т. е. явную прескриптивность, и непосредственно побуждают к действию. В качестве частных значений категории волеизъявления в паремиях в разной степени представлены значения приказа, запрета, совета, просьбы, разрешения.

Для пословиц и поговорок с императивной модальностью типичными являются значения совета, рекомендации, поучения, что обусловлено их общей дидактичностью. В зависимости от лексического наполнения и интонации степень категоричности совета варьируется от редких случаев прямого побуждения (фактически приказа) до смягченной формы рекомендации. К приказаниям наиболее близки паремии с глаголами контроли-

руемого действия (прежде всего физического): *Не спросясь броду, не суйся в воду; Не рой другому яму, сам в нее попадешь*. Пословицы с глаголами эмоционально-психического состояния, мысли, иногда – речи (иначе говоря, ‘глаголами, обозначающими действия, обязать или запретить выполнения которых в полной мере нельзя’) выражают совет: *Хвали утро вечером; Не бойся суда, бойся судьи*. В некоторых случаях разграничить модальные значения совета и приказа в паремиях не представляется возможным: *Люби не люби, да почаще взглядывай; На бога надейся, а сам не плошай; Давши слово, держись, а не давши, крепись*.

Модальные значения просьбы и разрешения в русском пословичном материале представлены несколькими примерами, что свидетельствует о нетипичности императивных конструкций с этими модальными значениями для паремий: *Будет твоя душа в раю, помяни и мою; Владей, Фаддей, моей Маланьей*.

Как известно, основной формой повелительного наклонения является значение 2-го лица. Совмещение императивной глагольной формы с субъектом в 3-м лице, наблюдаемое в некоторых русских пословицах, придает высказыванию дополнительные модальные оттенки допущения, пожелания, долженствования: *Как ни вертись собака, а хвост позади; Читай, книгочей, не жалеи очей; Знай сверчок свой шесток; Мужик умирать собирайся, а земельку паши*. При таком употреблении императива, по словам В. В. Виноградова, «происходит как бы перенос формы повелительного наклонения в сферу значений наклонения желательного» [Виноградов 1947 : 593]. Необычное совмещение в структуре пословицы *Гроза, грозись, а мы друг за друга держись* императива со звательным обращением в первой части с императивом, совмещенным с 1-м лицом мн. числа во второй, делает выражение особенно экспрессивным и запоминающимся.

Императивная семантика свойственна многим русским пословичным выражениям полипредикативной структуры: *Пошел в попы, служи и панихиды; Берись дружно, не будет грузно*. Взаимодействие в паремиях форм различных наклонений усложняет и обогащает их общую модальную характеристику. Ведущая роль императива в данном соотношении связана с его побудительным значением и прямым обращением к адресату. Л. А. Сергиевская пишет: «Императивная модальность как один из основных компонентов грамматической семантики сложного предложения, как правило, выполняет роль доминанты, стабильно определяет внутреннюю организацию конструкции в целом» [Сергиевская 1995 : 54]. В составе

паремий со структурой сложного предложения формы императива выражают ряд дополнительных модальных значений, в частности, значение условия. О. Есперсен называет такой императив «воображаемым» (imaginary imperative) [Есперсен 1924 : 315]. Например: *Наряди пень, и пень будет хорош; Мешай дело с бездельем, проживешь век с весельем*. Между частями пословиц такого типа устанавливается условно-следственная связь, причем инфинитив выражает не столько побуждение к действию, сколько формулирует условие, выполнение которого обеспечит действие, обозначаемое формой будущего времени.

В русском пословичном фонде распространены запретительные высказывания, в которых императиву предшествует отрицание: *Не купи двора, купи соседа; Не всякому слуху верь*. Разного рода отрицания в русских паремиях выражают модальные значения разной степени категоричности.

К периферии паремий с императивной модальностью относятся выражения, значение побудительности в которых при отсутствии императива создается с помощью модально-императивных частиц, например: *Нечем платить долгу, дай пойду за Волгу; На тебе, боже, что нам не гоже*. В конструкциях такого типа побуждение приобретает дополнительные оттенки, которые можно квалифицировать как субъективные. Косвенно или скрыто выраженное неспециализированными средствами значение побуждения в пословицах и поговорках обладает не меньшей иллюкативной силой, нежели средства прямого выражения значения побуждения, так как зачастую содержит не только косвенное или скрытое побуждение, но и предупреждение о возможных негативных последствиях, что, при формально слабо выраженной категоричности высказывания, оправдывает действия говорящего и снижает степень его вмешательства, создавая более высокую вероятность достижения коммуникативной удачи.

Однако императив выступает доминирующим средством выражения побудительности в паремиях, и побудительная модальность является наиболее распространенным видом ирреальной модальности в русском пословичном корпусе. Значения приказа, совета, предостережения и т. п. вполне соответствуют назидательному характеру паремий.

Summary: The article is devoted to the study of Russian proverbs and sayings with the imperative speech intention. Special attention is paid to the semantics of predicate verbs as the main means of expressing motivation.

Key words: proverb, modality, imperative.

Литература

1. Виноградов, В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове) / В. В. Виноградов. – М.: Учпедгиз, 1947. – 784 с.
2. Сергиевская, Л. А. Модальность сложного предложения с императивной семантикой в современном русском языке / Л. А. Сергиевская // Вопросы языкознания. – 1995. – № 3. – С. 48 – 55.
3. Jespersen, J. The Philosophy of Grammar <1924> / J. Jespersen. – London: George Allen & Unwin LTD, 1963. – 359 p.

РАЗДЕЛ 2. МЕТОДИКА В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ

Боярчук Оксана Эдуардовна,

старший преподаватель кафедры иностранных языков
УО «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы»;

Селицкий Владимир Владимирович,

старший преподаватель кафедры иностранных языков
УО «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы»

ОТБОР ГРАММАТИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА ДЛЯ ОБУЧЕНИЯ СТУДЕНТОВ НЕЯЗЫКОВЫХ ФАКУЛЬТЕТОВ УСТНОМУ ИНОЯЗЫЧНОМУ ОБЩЕНИЮ

Резюме. Статья посвящена обучению устному иноязычному общению в неязыковом вузе. Авторы рассматривают вопросы отбора грамматического материала, его организации и отработки в конкретных ситуациях общения.

Ключевые слова: устное иноязычное общение, неязыковые факультеты, грамматический минимум, коммуникативные намерения, упражнения.

Эффективность обучения устной речи неразрывно связана с выявлением коммуникативных и познавательных потребностей специалиста определенного профиля. Данные потребности определяют не только цель обучения устной речи, но и тот уровень компетенции, который реально может быть достигнут. Уровень лингвистической и коммуникативной компетенции должен быть достаточен для речевой деятельности на иностранном языке специалиста для осуществления его деловых контактов. При этом деловые контакты включают не только профессиональные контакты с зарубежными партнерами, но и социально-бытовые, необходимые для повседневного общения.

Методическая задача речевой подготовки студентов неязыковых специальностей вузов состоит в как можно более быстром переходе от речевой тренировки к реальной коммуникативной деятельности. Для ее реализации необходимо в качестве основы взаимодействие сформированного лексического и грамматического навыка. В условиях неязыкового вуза это неизбежно влечет за собой минимизирование языковых средств, активизация которых обеспечит функционирование навыка. Именно в целях минимизации грамматического материала осуществляется дифференциация грамматики на грамматику для чтения и грамматику для

устного общения. Наличие определенных различий в номенклатуре грамматических тем для обучения чтению и устному общению объясняется не столько их принадлежностью к разным видам речевой деятельности, сколько принадлежностью текстов для чтения и устного общения к разным функциональным стилям.

В грамматическом плане письменная речь отличается сложным синтаксисом с использованием всех времен, наклонений, видов, а в немецком языке и с сохранением рамочной конструкции. Грамматическая правильность речи – одна из основных особенностей письменной речи и научного стиля в целом.

Устная речь обладает иной качественной характеристикой. Для нее характерен ряд лингвистических особенностей, которые целесообразно учитывать при отборе грамматики для обучения устной речи: незаконченные высказывания, эллиптические обороты, сокращения и опущения различных членов предложения, тенденция к бессоюзному соединению, более свободный порядок слов, замена одних временных форм другими. Большое место занимает эмоционально-оценочная лексика.

Из небольшой сравнительной характеристики письменной и устной речи ясно, что определяющим специфику той или иной речи является номенклатура языковых средств, в первую очередь грамматических. При этом необходимо помнить, что письменная и устная речь – не две замкнутые системы, а системы, подверженные взаимопроникновению.

При обучении устной речи основная методическая задача состоит в том, чтобы, во-первых, отобрать грамматический минимум для устной речи и, во-вторых, предложить способ его функционально-тематической группировки с целью реализации основных коммуникативных намерений говорящего и слушающего. Учитывая, что студенты неязыкового вуза продолжают изучение иностранного языка и знакомы с его структурой, представляется целесообразным сгруппировать грамматику для устного общения следующим образом:

1. Структура всех типов предложения с отрицанием и без него. Сложносочиненное предложение. Порядок слов.

2. Подлежащее и способы его выражения.

3. Сказуемое. Способы выражения действия. Времена. Залог.

4. Способы определения к существительному: существительное, притяжательные, указательные, неопределенные местоимения, прилагательные и причастия.

5. Модальность и способы ее выражения: модальные глаголы, сослагательное наклонение, вводные слова.

6. Структура сложноподчиненного предложения.

7. Строевые слова как средства межфразовой и внутрифразовой связи.

Эффективное обучение устной речи невозможно без предварительного определения коммуникативных намерений, которые соотносятся с соответствующими умениями. Для устного общения в монологической форме необходимо владение следующими умениями:

- информировать, описать, определить, обосновать и опровергнуть тезис, дать оценку (с использованием опор различного характера);
- реализовать коммуникативное намерение в соответствующей вербальной форме [Щосева 1991 : 3].

Для устного общения в диалогической форме необходимо владение специальными умениями:

- установить контакт;
- реализовать в вербальной форме следующие коммуникативные намерения: просьба/побуждение, согласие/несогласие;
- слушать и понимать речь партнера;
- запросить информацию.

Как монологическая, так и диалогическая речь развиваются системой соответствующих упражнений, которые можно разделить на три группы:

1. Упражнения, подготавливающие к речи, которые формируют операционную основу аудирования и говорения.

2. Упражнения, обеспечивающие тренировку в общении.

3. Упражнения в практике общения.

Тренировочные упражнения первой группы обеспечивают автоматизацию лексико-грамматического навыка. Развитие речевых автоматизмов осуществляется при этом на базе строго отобранного лингвистического материала с учетом его речевой комбинаторики. Это упражнения на понимание и пересказ текста.

Упражнения второй группы направлены на реализацию ситуативных моделей общения, то есть тех моделей, которые составляют основное содержание ситуативно обусловленной речи. Ситуативные модели группируются вокруг основных коммуникативных намерений говорящего и ситуаций общения. При этом каждое коммуникативное намерение должно иметь несколько способов своего выражения с учетом степени официальности общения. Например, коммуникативное намерение «одобрение»

включает общее одобрение типа «Я согласен...», «осторожное одобрение» типа «Я согласен, но...», «одобрение с выражением сожаления» типа «К сожалению, вы правы», «уверенное одобрение» типа «Да, я убежден...».

Упражнения третьей группы представляют собой непосредственную практику в общении. Это дискуссия и ролевая/деловая игра как реализация свободного общения в диалогической и монологической форме. На этапе свободного общения (на ограниченном лексико-грамматическом материале) студенты могут свободно выбирать цель и способы ее реализации [Валеева 1994 : 15].

Оптимальное временное соотношение трех групп упражнений составляет 1:4:1, что свидетельствует о важности фазы тренировки в общении [Богачева 1989 : 105].

Известно, что обучение устной речи в условиях неязыкового вуза невозможно без опоры на текст, поэтому формирование коммуникативных умений обеспечивается системой специальных упражнений, которые включают:

- упражнения на основе текста;
- упражнения в связи с текстом;
- упражнения без опоры на текст [Богачева 1989 : 107].

Приведенная классификация упражнений указывает на роль опор при обучении устной речи общего или профессионально-ориентированного характера: от максимального использования опор в начале обучения до их исчезновения на стадии творческого речепорождения.

В заключении следует подчеркнуть, что успешное обучение устной речи в неязыковом вузе возможно только на основе строго лимитированного грамматического материала, сгруппированного в целях тренировки по функциональному признаку.

Summary. The article focuses on the process of teaching verbal foreign language communication on non-linguistic faculties. The authors consider the issues of grammar material selecting, its organizing and development in specific situations of communication.

Key words: verbal foreign language communication, non-linguistic faculties, grammar minimum, communicative intentions, exercises.

Литература

1. Богачева, Е. М. Специфика учебного пособия по устной речи для групп с углубленным изучением иностранного языка // Актуальные вопросы теории и практики

создания учебных материалов для курса иностранного языка в неязыковом вузе. – М., – 1990. – С. 102–109 (Тр./МГИИЯ им. М. Гореза. – Вып. 345).

2. Боровикова, Е. А. Методика использования системы игр для обучения неофициальному общению: Автореф. дис. ... канд. пед. наук. – М., – 1991. – 24 с.

3. Валеева, Н. Г. Обучение вариантам речевой реализации профессионального общения в зависимости от состава коммуникантов: Автореф. дис. ... канд. пед. наук. – М., – 1994. – 24 с.

4. Щосева, Е. П. Дифференцированный подход к обучению монологической речи на первом этапе неязыкового вуза: Автореф. дис. ... канд. пед. наук. – М., – 1991. – 24 с.

Быкова Оксана Николаевна,

преподаватель кафедры иностранных языков

УО «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы»

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИНТЕРНЕТ-РЕСУРСОВ В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ: НОВЫЕ ГОРИЗОНТЫ И ВЫЗОВЫ

Резюме. Настоящая статья посвящена анализу влияния интернет-ресурсов на процесс обучения иностранным языкам. В ней рассматриваются как преимущества использования онлайн-платформ, мобильных приложений и цифровых инструментов, так и связанные с этим вызовы, включая вопросы доступа, качества контента и цифрового неравенства. Особое внимание уделяется инновационным подходам, таким как геймификация, персонализированное обучение и использование искусственного интеллекта, а также методическим рекомендациям по эффективному внедрению интернет-ресурсов в учебный процесс.

Ключевые слова: иностранный язык, интернет-ресурсы, онлайн-обучение, мобильные приложения, геймификация, персонализация, искусственный интеллект, цифровое неравенство.

В эпоху цифровизации интернет-ресурсы стали неотъемлемой частью жизни, глубоко интегрировавшись во все сферы человеческой деятельности, включая образование. Обучение иностранным языкам, традиционно опиравшееся на классические методы, претерпевает значительные изменения под влиянием новых технологий. Интернет предоставляет беспрецедентные возможности для расширения доступа к образовательным материалам, персонализации обучения и повышения его эффективности. Однако, внедрение интернет-ресурсов в учебный процесс сопряжено с определенными трудностями, которые требуют тщательного анализа и разработки эффективных стратегий.

Одним из главных преимуществ интернетизации по мнению Вайндорф-Сысоевой Марины Ефимовны является доступность образовательных ресурсов для широких масс студентов. Интернет позволяет получать знания вне зависимости от географического положения или социального статуса. Это особенно важно для регионов с ограниченным доступом к качественному образованию. Так, исследования показывают, что использование онлайн-курсов и цифровых платформ может значительно расширить доступ к учебным материалам и методическим ресурсам, позволяя учиться в удобное время и темпе [Вайндорф-Сысоева 2020 : 44].

В обучении студентов иностранным языкам с помощью компьютера и интернета наиболее эффективными методиками признаются следующие: мультимедийная программа и презентация, тестирующие интерактивные программы, интерактивные доски, кейс-метод, основанный на ситуационной методике обучения, метод проектов.

Преимущества использования интернет-ресурсов в обучении иностранным языкам:

1. Расширенный доступ к образовательным материалам. Интернет предоставляет доступ к огромному количеству учебных материалов – от электронных учебников и словарей до аудио- и видеокурсов, интерактивных упражнений и онлайн-библиотек. Это особенно важно для учащихся в удаленных регионах или с ограниченными возможностями доступа к традиционным образовательным учреждениям.

2. Персонализированное обучение. Онлайн-платформы позволяют адаптировать учебный процесс к индивидуальным потребностям и темпу обучения каждого студента. Интерактивные упражнения, системы оценки и адаптивный контент позволяют фокусироваться на слабых сторонах и укреплять сильные.

3. Интерактивность и вовлеченность. Использование интерактивных упражнений, игр и симуляций повышает вовлеченность учащихся в учебный процесс, делая его более интересным и эффективным. Возможность общения с преподавателем и другими студентами в онлайн-среде способствует развитию коммуникативных навыков.

4. Развитие различных навыков. Интернет-ресурсы позволяют развивать все аспекты языковой компетенции – аудирование, говорение, чтение и письмо. Онлайн-симуляторы позволяют практиковать разговорную речь в виртуальной среде, а интерактивные упражнения – оттачивать грамматические навыки.

5. Автоматизированная обратная связь. Многие онлайн-платформы предоставляют автоматизированную обратную связь, позволяющую студентам получать мгновенную оценку своих результатов и корректировать ошибки. Это способствует более эффективному усвоению материала.

6. Доступность в любое время и в любом месте. Онлайн-обучение позволяет студентам учиться в удобное для них время и в любом месте, имеющем доступ к интернету. Это особенно актуально для студентов с напряженным графиком или ограниченными возможностями посещения традиционных занятий.

Инновационные подходы к использованию интернет-ресурсов:

1. Геймификация. Внедрение игровых элементов в учебный процесс повышает мотивацию и вовлеченность учащихся. Онлайн-игры, викторины и конкурсы делают обучение более увлекательным и эффективным.

2. Использование искусственного интеллекта. Системы искусственного интеллекта позволяют персонализировать обучение, адаптируя контент и задания к индивидуальным потребностям каждого студента. AI-помощники могут также предоставлять обратную связь и корректировать ошибки.

3. Виртуальная реальность и дополненная реальность. Технологии VR и AR открывают новые возможности для погружения в языковую среду и развития коммуникативных навыков. Виртуальные экскурсии, симуляции и интерактивные задания позволяют студентам практиковать язык в реалистичных условиях.

4. Социальные сети и онлайн-сообщества. Социальные сети и онлайн-форумы позволяют студентам общаться друг с другом, обмениваться опытом и получать поддержку. Это способствует созданию дружеской и поддерживающей учебной среды.

Вызовы и проблемы использования интернет-ресурсов:

1. Цифровое неравенство. Неравный доступ к интернету и цифровым устройствам создает барьеры для некоторых учащихся, ограничивая их возможности в получении качественного образования. Поэтому гораздо эффективнее использовать интернет-ресурсы в специальных компьютерных аудиториях непосредственно на занятии. А также целесообразно ограничить выбор этих ресурсов.

2. Качество контента. Не весь контент, доступный в интернете, является качественным и надежным. Важно уметь критически оценивать информацию и выбирать проверенные источники. Либо же источники, которыми можно пользоваться, указывает преподаватель.

3. Отсутствие личного контакта. Онлайн-обучение может привести к недостатку личного контакта между студентами и преподавателями, что может негативно сказаться на мотивации и успеваемости, поэтому управляемая преподавателем аудиторная самостоятельная работа студентов – идеальный выход.

4. Проблемы с самодисциплиной. Онлайн-обучение требует высокой степени самодисциплины и ответственности от студентов. Не все учащиеся способны эффективно организовать свой учебный процесс в самостоятельном режиме.

5. Зависимость от технологий. Чрезмерная зависимость от технологий может привести к снижению критического мышления и навыков самостоятельного обучения.

Методические рекомендации по эффективному внедрению интернет-ресурсов:

1. Интеграция интернет-ресурсов в традиционный учебный процесс. Интернет-ресурсы должны дополнять, а не заменять традиционные методы обучения.

2. Выбор качественных и проверенных ресурсов. Преподаватели должны тщательно отбирать ресурсы, обеспечивая их соответствие учебным целям и уровню подготовки студентов.

3. Разработка четких инструкций и рекомендаций. Студенты должны получать четкие инструкции по использованию интернет-ресурсов и методам работы с ними.

4. Обеспечение технической поддержки. Преподаватели должны оказывать техническую поддержку студентам, помогая им преодолевать возникающие трудности.

5. Мониторинг прогресса и обратная связь. Преподаватели должны отслеживать прогресс студентов и предоставлять им своевременную обратную связь.

6. Создание поддерживающей учебной среды. Важно создать дружелюбную и поддерживающую онлайн-среду, способствующую сотрудничеству и обмену опытом между студентами.

Таким образом, использование интернет-ресурсов в процессе обучения иностранным языкам открывает новые горизонты для повышения эффективности и доступности образования. Однако, для успешного внедрения новых технологий необходимо учитывать связанные с этим вызовы и разрабатывать эффективные стратегии, направленные на преодоление цифрового неравенства, обеспечение качества контента и создание поддерживающей учебной среды. Инновационные подходы, такие как геймификация, персонализированное обучение и использование искусственного интеллекта, позволяют сделать обучение более увлекательным, эффективным и адаптированным к индивидуальным потребностям каждого студента. Действия преподавателя должны быть направлены на разработку новых методик и инструментов, способствующих оптимизации использования интернет-ресурсов в обучении иностранным языкам.

Summary. This article is devoted to the analysis of the influence of Internet resources on the process of learning foreign languages. It examines both the benefits of using online platforms, mobile applications, and digital tools, as well as related challenges, including issues of access, content quality, and digital inequality. Special attention is paid to innovative approaches such as gamification, personalized learning and the use of artificial intelligence, as well as methodological recommendations for the effective implementation of Internet resources in the educational process.

Key words: foreign language, Internet resources, online learning, mobile applications, gamification, personalization, artificial intelligence, digital inequality.

Литература

1. Вайндорф-Сысоева, М. Е. Методика дистанционного обучения : учебное пособие для вузов / М. Е. Вайндорф-Сысоева, Т. С. Грязнова, В. А. Шитова ; под общей редакцией М. Е. Вайндорф-Сысоевой. Москва Издательство Юрайт, 2020. – 194 с.
2. Косарчук, Н. А., О дистанционном образовании как чудодейственном средстве от всех болезней высшего образования / Н.А. Косарчук // Совет ректоров. 2015. – № 1. – С. 70–75.
3. Леоке, И. В., Плюсы и минусы дистанционного образования / Леоке И. В., Ушакова Г. Н. // Вопросы педагогики. 2020. – № 3-2. – С. 146–148.
4. Нуркулова, Э. Р., Дистанционное обучение – один из компонентов непрерывного образования / Э. Р. Нуркулова Актуальные вопросы образования и науки. // 2020. – № 1 (69). – С. 44–47.

Грушевская Жанна Марьяновна,

доцент кафедры иностранных языков

УО «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы»,

кандидат филологических наук

ПОТЕНЦИАЛ ПРОЕКТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРИ ОБУЧЕНИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ОРИЕНТИРОВАННОМУ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ СТУДЕНТОВ ТАМОЖЕННОГО ДЕЛА

Резюме. В статье рассматриваются особенности организации процесса обучения профессионально-ориентированному иностранному языку на основании метода проектов. Обосновывается выбор данной методики, аргументированный обзором ее преимуществ. Анализируется типология проектов и практика их применения в вузе. Автор представляет рекомендации по внедрению системного подхода к проектной деятельности, отмечает необходимость учета ряда факторов, обеспечивающих эффективность обучения.

Ключевые слова: метод проектов, проектная деятельность, типология проектов, личностно-ориентированное обучение, методика иностранного языка, иностранный язык в профессиональных целях.

В настоящее время образовательная политика направлена на построение личностно-ориентированной образовательной системы, где одним из ключевых положений является продуктивный характер учебной деятельности и активная позиция учащегося как субъекта учебного процесса. Соответствует этой политике и понимание сути образования, которое предусматривает процесс, направленный на развитие и саморазвитие личности учащихся. В связи с этим особую значимость приобретает метод проектов, который можно определить как «совместную деятельность студентов и преподавателя, объединенную единой тематикой и имеющую результатом иноязычную речевую деятельность, вплетенную в интеллектуальный контекст иной деятельности» [Прибыльская 2021 : 65].

Современная методика относит проектную методику к инновационным подходам и рассматривает ее как деятельность учащихся, направленную на решение исследовательской или социально значимой прагматической проблемы. Данный метод является гибкой моделью организации процесса обучения иностранному языку, поскольку позволяет сосредоточить внимание не на самом языке, а на проблеме, переместить акцент с лингвистического аспекта на содержательный: самостоятельно

выделять проблему, формулировать гипотезу ее решения, осуществлять поиск необходимой информации с использованием различных информационных ресурсов, планировать возможные варианты решения проблемы, делать выводы и анализировать полученные результаты на иностранном языке. При таком способе обучения язык выступает средством, а не целью, что позволяет лучше его усвоить, поскольку он выступает в своей естественной функции средства общения. В процессе выполнения проекта все учащиеся получают возможность проявить свою фантазию, творчество, изобретательность, активность и самостоятельность, иначе говоря, индивидуальность. Как указывает М. Р. Гозалова, «именно индивидуальность является основным требованием развития коммуникативной и социокультурной компетенций в процессе обучения иностранному языку» [Гозалова 2014 : 91].

Целью данной статьи является изучение особенностей организации процесса обучения студентов специальности «Таможенное дело» профессионально-ориентированному иностранному языку на основании проектной деятельности.

Использование метода проектов в обучении иностранному языку в определенной степени обусловлена спецификой учебного предмета и характеризуется коммуникативной направленностью, ситуативной обусловленностью, интеграцией знаний из разных областей, необходимостью отбора языкового материала. Проектная работа исключает формальный характер изучения иностранного языка и способствует достижению практических результатов в освоении этого предмета.

Именно практическая составляющая иноязычного обучения имеет ключевое значение при формировании профессиональной межкультурной коммуникации на иностранном языке, являющейся частью общей подготовки студентов вузов, а частности специалиста таможенного дела. Обучение иностранному языку в профессиональных целях направлено на формирование психологической готовности к коммуникации, теоретическую подготовку (необходимый объем знаний) и практическую способность применять полученные знания. Решению таких комплексных задач наиболее соответствуют активные и интерактивные методы, развивающие творческий потенциал и профессионально-коммуникативные умения учащихся.

Анализ опыта применения метода проектов в профессионально-ориентированном обучении иностранному языку показывает, что преподаватели вузов преимущественно используют данную методику для внеауди-

торной и самостоятельной работы студентов, в также при организации смешанного обучения. На практике метод проектов доказал свою эффективность и продемонстрировал ряд своих преимуществ, к которым исследователи относят способствование развитию таких профессионально значимых навыков специалиста, как критическое мышление, коммуникация, сотрудничество и творчество; а также повышение мотивации обучающихся и «предоставление возможности для углубленного изучения профессионального контекста и развития важных навыков, связанных с готовностью к обучению» [Лютюмская 2023 : 70].

Мы считаем, что применение данного метода нецелесообразно сводить к отдельным названным выше формам работы студентов, и видим необходимость системного подхода в его использовании. Гибкость и многосторонность метода проектов делает его универсальным инструментом в работе современных педагогов и позволяет более широко внедрять его на всех этапах образовательного процесса иноязычной профессиональной подготовки.

Целенаправленному использованию методики способствует изучение видов проектов согласно их типологическим признакам, на основании которых проекты классифицируются:

1. по характеру доминирующей в проекте деятельности на:
  - исследовательские, имеющие структуру, приближенную к научному исследованию;
  - творческие, в которых творческая деятельность преобладает на этапе оформления результатов;
  - ролево-игровые, которые имеют комбинированный характер, но основным видом деятельности является ролевая игра;
  - информационные, направленные на сбор информации о каком-либо событии или явлении;
  - практико-ориентированные проекты, которые предусматривают четко обозначенный результат деятельности, учитывающей социальные интересы всех участников проекта.
2. По предметно-содержательной области выделяют монопроекты для усвоения наиболее сложных тем и межпредметные проекты.
3. По характеру координации существуют проекты с открытой координацией и со скрытой, в которых координатор является полноправным участником проекта.

4. По характеру контактов можно выделить проекты, выполняемые учащимися одной или нескольких групп, курсов, факультетов, вузов, регионов, стран.

5. В зависимости от количества участников различают проекты индивидуальные, парные, групповые, коллективные, а по продолжительности – длительные и краткосрочные [Полат 2000 : 20].

На практике чаще всего приходится иметь дело со смешанными типами проектов. Например, информационные часто интегрируются в исследовательские или практико-ориентированные и становятся их определенной частью, модулем. Многие творческие проекты имеют ролево-игровой компонент.

Для обеспечения эффективности работа над проектом должна осуществляться в определенной последовательности: от этапов определения основной проблемы, целей и задач проекта, выдвижения возможных путей их решения, сбора информации и материала для исследования, до его анализа, оформления итогов, их презентации и защиты проекта, включая этап оценивания участками проекта.

Таким образом, успешность применения проектной методики во многом зависит от правильного целеполагания и учета типологии проектов, их признаков и характерных особенностей. Принятие во внимание этих факторов при анализе содержания обучения иностранному языку в профессиональных целях и соблюдение принципов доступности, систематичности и последовательности позволяют преподавателю выстроить систему занятий, постепенно усложняя и расширяя проектную деятельность. В начале обучения необходимо вводить индивидуальные мини-проекты, имеющие творческий или информационный характер, а затем работать над освоением учащимися методики парной и групповой работы. Исследовательские и информационные проекты решают задачи обогащения лексического запаса и развития монологической речи, ролево-игровые и творческие будут эффективно стимулировать формирование навыков диалогической речи. Долгосрочные коллективные проекты могут быть рассчитаны на весь семестр и включать в свою структуру ранее выполненные учащимися различные работы.

В качестве примера представим разработанную нами систему проектов при обучении иностранному языку в профессиональной деятельности студентов таможенного права по отдельным темам.

Коллективный проект «Роль таможни в нашем обществе»

по характеру деятельности	Тип проекта			Формы презентации результатов
	по количеству участников			
	индивидуальный	парный	групповой	
исследовательский		история функционирования пунктов таможенного пропуска в РБ и РП	история развития таможенной службы в РБ и РП	публичный доклад, презентации
творческий	конкурс эскизов форменной одежды для таможни		история мундира и символов таможенной службы	альбом, выставка
информационный	функции таможенной службы		система таможенных органов РБ и РП	интеллектуальные карты, коллаж, стенгазета
ролево-игровой			пресс-конференция с сотрудником таможенного пункта пропуска	заметка о пресс-конференции
практико-ориентированный			визитная карточка таможенной службы РБ	

Коллективный проект «Профессия таможенника»

по характеру деятельности	Тип проекта			Формы презентации результатов
	по количеству участников			
	индивидуальный	парный	групповой	
исследовательский			изучение востребованности профессии таможенника на рынке труда	графики, презентации
творческий	значимость и сложность профессии таможенника			эссе

информационный	профессиональные умения и навыки сотрудника таможенной службы		круглый стол «Кодекс чести сотрудника таможенной службы»	реферат, памятка
ролево-игровой		собеседование при трудоустройстве	конкурс «Лучший сотрудник»	видеоролик «Как пройти собеседование, положения конкурса, сценарий
практико-ориентированный	составление резюме молодого специалиста в сфере таможенного дела			резюме

Особенностью работы с проектами является продолжительный подготовительный этап, на котором происходит обсуждение тематики и методики работы, постановка и распределение задач. Использование представленных нами разработок позволяет сформировать у студентов понимание специфики проектной деятельности на иностранном языке, которое в последующем даст возможность самостоятельно ее планировать и осуществлять при изучении других разделов программы, отражающей основные вопросы таможенного дела: «Деятельность таможенного инспектора», «Налоги», «Таможенная декларация», «Таможенный досмотр», «Деятельность зарубежных таможенных служб», «Организованная преступность в сфере экономики», «Международные действия по борьбе с коррупцией» и другие.

Таким образом, метод проектов – это система обучения, в которой знания и умения учащиеся приобретают в процессе планирования и выполнения постепенно усложняющихся практических заданий. Проектная деятельность способствует развитию познавательной активности и коммуникативной компетенции учащихся, воображения, самостоятельности, совершенствованию навыков исследовательской деятельности. Благодаря ее активному применению успешно решаются задачи развития личности и ее профессионального становления: активизируются организаторские качества и способности к лидерству у участников проекта, выявляются их интересы, развивается культура речи и общения, умение аргументировать и защищать свои идеи.

Summary. The article examines the features of the organization of the process of teaching a professionally oriented foreign language based on the project method. It justifies the choice of this technique, reasoned by a review of its advantages. It analyzes the typology of projects and the practice of their application in higher education. The author presents recommendations on the implementation of a systematic approach to project activities, notes the need to take into account a number of factors that ensure the effectiveness of training.

Key words: project method, project activity, project typology, personality-oriented learning, foreign language methodology, foreign language for professional purposes

Литература

1. Гозалова, М. Р. Проектная деятельность как один из методов развития коммуникативной компетенции / М. Р. Гозалова // Сервис в России и за рубежом. – 2014. – Том 8. – № 2. – С. 89–97.
2. Лютомская, И. Л. Проектное обучение как форма организации внеаудиторной самостоятельной работы студентов по иностранному языку / И. Л. Лютомская // Вопросы методики преподавания в вузе. – 2023. – Том 12. – № 3. – С. 62–74.
3. Полат, Е. С. Метод проектов на уроках иностранного языка / Е. С. Полат // Иностранные языки в школе. – 2000. – № 2–3. – С. 19–21.
4. Прибыльская, Г. В. Использование метода проектов в обучении иностранному языку в неязыковом вузе / Г. В. Прибыльская // Идеи. Поиски. Решения : сб. статей и тезисов XV междун. научно-практ. конф. (Минск, 23 ноября 2021 г.); редкол. : Н. Н. Нижнева (отв. ред.) и др. – В 6 т. – Минск : БГУ, 2021. – Т. 2 – С. 65–69.

Дудько Анастасия Дмитриевна,

доцент кафедры английской филологии

УО «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы»,

кандидат исторических наук, доцент;

Левченко Наталья Александровна,

доцент кафедры иностранных языков

УО «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы»,

кандидат филологических наук

КЕЙС-МЕТОД КАК ЭФФЕКТИВНЫЙ ДИДАКТИЧЕСКИЙ ИНСТРУМЕНТ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ В ВУЗЕ

Резюме. Статья посвящена применению кейс-метода в процессе обучения иностранному языку студентов-филологов. Рассмотрены возможности метода, этапы работы с кейсами, а также практические рекомендации по разработке ситуаций (кейсов). Обосновывается эффективность применения кейс-метода в учебном процессе, способность повышения мотивации студентов к изучению иностранного языка, развития коммуникативных и когнитивных умений, навыков критического мышления и творческих способностей, решения важных задач по развитию как лингвистических, так и профессиональных компетенций.

Ключевые слова: кейс-метод, технология, обучение иностранному языку, ситуативные исследования, когнитивные навыки, коммуникативная компетенция.

В условиях многочисленных глобальных социально-экономических трансформаций для Республики Беларусь особо актуальной является задача повышения национальной конкурентоспособности на мировом рынке и придания устойчивости государству. В связи с этим нашему обществу нужны не только высокообразованные, но и нравственные, предприимчивые и компетентные личности, которые способны самостоятельно принимать взвешенные решения, прогнозировать их последствия, выбирать эффективные способы взаимодействия с окружающими.

Сегодня отечественная образовательная практика активно осуществляет переход от традиционных, более регламентированных способов организации образовательного процесса, к новым, ориентированным на личность обучающихся, с целью наиболее полного раскрытия их способностей и удовлетворения образовательных потребностей; делается перенос акцента на продуктивную учебно-познавательную деятельность; переход от информативных форм обучения к проблемному, эвристическому, проектно-

му и интерактивному обучению. Современные педагогические методы и технологии обеспечивают приобретение обучающимися практических навыков и умений и развитие способностей критически мыслить и творчески решать как профессиональные, так и личностно значимые задачи.

Одним из эффективных инновационных дидактических средств, которое имеет междисциплинарное применение, является кейс-метод. Благодаря способности кейс-метода активизировать учебный процесс и познавательные механизмы обучающихся, он сегодня широко используется в преподавании бизнеса и менеджмента, юриспруденции, медицины, иностранных языков и других предметов средней и высшей школы.

Кейс-метод, метод кейсов, метод кейс-стади, метод конкретных ситуаций, ситуационное обучение, ситуативные исследования (case study) – это метод обучения, основанный на описании реальной или гипотетической ситуации, требующей решения или определенных действий.

Многие связывают ситуационное обучение с именем автора, публичного оратора и основателя Центра нейроэкономических исследований в Клермонте Пола Зака, исследования которого раскрывают, как истории и ситуации формируют наш мозг, связывают нас с незнакомыми людьми и побуждают нас быть более эмпатичными. Личные, эмоционально заряженные истории действуют на определенные участки мозга и запоминаются лучше, чем простое перечисление фактов [Zak 2013].

Согласно определению П. Скейлса, метод кейсов представляет собой учебную деятельность, ориентированную преимущественно на студентов и основанную на реальных жизненных ситуациях. «Это события или проблемы с контекстуальной информацией, которые предоставляют обучающимся возможность применить свои знания, совершенствовать навыки упорядочивания информации, выявлять и решать проблемы» [Scales 2013 : 111].

Предполагается, что учащиеся сами анализируют ситуацию для принятия или выработки альтернативных решений. Это ситуации, с которыми они могут столкнуться в своей будущей профессиональной деятельности или личной, повседневной жизни. Суть метода кейсов сводится к тому, что содержание представляется в формате изложения, сопровождается вопросами и заданиями, которые способствуют групповому обсуждению и решению сложных проблем, тематические исследования способствуют развитию когнитивных умений, анализу, оценке, и применению знаний на практике.

Кейс-метод предусматривает обязательное описание анализируемой ситуации, в которой действуют типичные, узнаваемые персонажи. Из этого

описания должно быть ясно, почему они попали в ту или иную ситуацию. Такой текст должен содержать материал для анализа фактов и аргументации позиции того, кто будет анализировать эту ситуацию. Причем, в кейс-стади, в отличие от других проблемных методов, как правило, рассматривается комплексная проблема, содержащая не только научные вопросы, но и связанные с ними политические, социальные, экологические, этнические, культурологические и др. Однако для понимания всего комплекса проблем необходимо, прежде всего, знать их научную основу.

Ситуативные исследования целесообразно использовать при обучении иностранному языку, поскольку для поиска решения проблемной ситуации, которая может возникнуть в жизни за пределами аудитории, учащимся необходимо применить лингвистические навыки в сочетании с аналитическими и межличностными навыками. Кейс-метод позволяет преподавателям реализовать коммуникативный подход: одной из целей метода кейсов является обучение языку, выходящее за рамки языковых знаний и признание значимости культурного и социального контекста происходящей коммуникации; акцент на значении, а не на точности языка. Более того, технология ориентирована на учащегося и вовлекает студентов в активное обучение, предоставляя возможности для самостоятельного извлечения нового знания на иностранном языке и общения в аутентичных условиях. Кейс-метод фокусируется на осмысленной деятельности, как устной, так и письменной, для развития коммуникативной компетенции учащихся. Акцент в аудитории смещается от педагога к учащимся, что позволяет студентам активно взаимодействовать, предоставляет им широкие возможности для работы в парах или группах.

Стоит отметить, что кейс-метод при обучении иностранному языку зачастую представляет собой смешение различных интерактивных методов: мозговой штурм, ролевые / деловые игры, творческие проекты, парные и групповые дискуссии, дебаты, круглые столы и др.; поскольку все они также нацелены на обучение в сотрудничестве, решение проблемных ситуаций, формирование коммуникативной компетенции. Роль педагога в данном процессе – фасилитатора и консультанта, который готов ответить на возникающие в ходе дискуссии вопросы, связанные как с языком, так и с экстралингвистическими знаниями.

Кейс-метод особенно подходит для вовлечения студентов в активное групповое речевое взаимодействие, например, в дискуссии, развития умений грамотно задавать вопросы, давать оценку, убедительно аргументировать свою позицию. Кроме того, тематические исследования обеспечи-

вают обучение пониманию прочитанного, аудиовизуальному или слуховому пониманию, а также, письменной и устной речи, например, написанию статьи или публичному обращению к студенческой аудитории (презентации) при представлении своего способа решения.

Ситуативные исследования могут быть адаптированы к различным языковым уровням и ситуациям общения. Темы могут варьироваться от повседневных вопросов до содержательных, актуальных социальных примеров, требующих глубокого знания предмета дискуссии и предполагают анализ сопутствующих данных, таких как статистика, сведения из авторитетных источников, официальные документы. Чем сложнее ситуация, тем более специфичны знания и тем более специализированным является язык, который понадобится учащимся. Например, при обсуждении ситуаций по темам: “Death Penalty”, “Terrorism and War Conflicts in the XXI Century”, “Migration Crisis”, “Medical Care in Belarus / Great Britain / America” и др. Данная технология подходит для учащихся, которые владеют английским языком на достаточно уверенном уровне и специальными знаниями по теме. При создании конкретных проблемных ситуаций можно рассмотреть возможность междисциплинарного исследования с привлечением сотрудничества преподавателей-предметников в рамках бинарных занятий.

Выбор ситуации для кейс-метода зависит от множества факторов. Профессор Университета Буффало (США) Клайд Ф. Херрайд дает следующее определение: «Ситуация – это рассказ с образовательными целями» [Herreid 2007 : 41]. Рассмотрим, какие факторы должны приниматься во внимание при создании такой ситуации:

- 1) ситуации должны быть современными и актуальными, поскольку истории из далекого прошлого меньше интересуют учащихся;
- 2) интересный сюжет, связанный с переживаниями героев; ситуация вызывает симпатию к главному герою: чем больше раскрываются личностные качества героев, тем более обоснованно можно принять решение;
- 3) ситуация содержит диалог: он придает ситуации личностный характер, вызывая больший интерес;
- 4) ситуация включает в себя цитаты, которые добавляют реализм и драму. Это могут быть цитаты из документов, писем, фрагментов интервью.
- 5) ситуация учитывает запросы учащихся, поэтому важно выбирать интересующие их темы, которые имели место в их жизни или гипотетически могут в ней возникнуть;

6) ситуация должна отражать определенные дидактические цели, иметь прагматическую ценность для обучающихся;

7) ситуация предполагает обязательное и многовариантное решение заключенной в ней проблемы;

8) ситуация должна предусматривать не только сбор интересных фактов, но и их обобщение и формулирование выводов;

9) ситуация не должна быть затянутой: короткие ситуации легче описывать, анализировать и использовать в процессе обучения.

10) предваряя знакомство учащихся с ситуацией, нужно указать на ее значение для процесса обучения, чтобы заинтересовать аудиторию [Herreid 1998 : 163–165].

Ситуация, посвященная конкретной научной проблеме, должна вместе с тем затрагивать некоторые этические, социальные проблемы, и при этом важно, с какого вопроса начнется обсуждение. Поскольку в кейс-методе рассматривается комплекс проблем, лучше начинать с научных вопросов, которые обусловили возникновение определенной ситуации. Таким образом, знакомство с ситуацией начинается с объяснения сути проблемы, представления ее героев и анализа причин. Когда учащиеся разберутся во всех сопутствующих проблемах, нужно постепенно возвратиться к общей ситуации, шаг за шагом анализируя ее, собирая все новые факты и, наконец, подойти к главным вопросам и их обсуждению. Часто возникает необходимость включить в кейс ситуационный анализ, фрагменты деловой или ролевой игры, чтобы глубже вникнуть в проблему. Таким образом, в зависимости от рассматриваемой проблемы и представленного в ситуации сюжета, метод кейсов может включать дискуссии, ролевые и деловые игры или становиться частью каждого из указанных методов [Roell 2019 : 24–25].

Преподаватели могут использовать готовые кейсы, которые включены в учебные пособия или имеются на Интернет-сайтах, а также подготовить свои собственные кейсы на основе актуальной новостной информации или на базе тем, содержащихся в учебниках. Статьи и другие материалы (видео, практические советы, брошюры, официальные документы), доступные на сайте Интернет, могут быть использованы в качестве исходных текстов для тематического исследования или адаптироваться для использования в аудитории. Печатные материалы, такие как статьи из газет и журналов, информационные и туристические брошюры, также полезны. Преподаватели английского языка могут рассмотреть следующие темы при создании кейсов: планирование выходных в конкретном городе, согласо-

ние различных интересов членов группы; консультирование кого-либо о том, как вести здоровый образ жизни; планирование межкультурного мероприятия; разрешение межкультурного конфликта; оценка предложений по трудоустройству и рассмотрение резюме кандидатов на должность; рассмотрение прошений на амнистию и др.

Мини-кейс для учащихся может состоять всего из одной или двух страниц, в то время как более сложные исследования могут занимать десять и более страниц. Ситуативные исследования подходят для групп разного размера. Решение простого кейса часто включает в себя внесение предложений или принятие решения о наилучшем варианте. Преподаватели могут использовать мини-кейсы после изучения темы, чтобы дать учащимся возможность применить изученный язык, сочетая его с навыками, необходимыми для эффективного общения в ситуациях иноязычного и межкультурного общения. Работа с длинными и сложными ситуациями времязатратна, поэтому студентам рекомендуется в качестве домашнего задания прочитать материал и ответить на сопутствующие вопросы.

Кейс-метод включает в себя следующие этапы:

1) Преподаватель представляет ситуацию и, при необходимости, вводит соответствующую лексику.

2) Студенты читают описание ситуации и анализируют дополнительные материалы. Данная процедура может помочь студентам более системно и логично анализировать кейс (ситуацию): описать контекст; выявить причины проблемы (обычно их несколько) и предложить возможные решения; определить преимущества и недостатки каждого варианта решения; принять решение о наилучшем решении / действии.

3) Учащиеся обсуждают возможные решения, обычно в небольших группах. Студенты могут визуально представить аспекты проблемы в виде ментальной карты, составить схему элементов истории и взаимоотношения вовлеченных людей, причины проблемы и возможные решения.

4) Учащиеся представляют и обосновывают решения, обычно перед всей группой.

5) Все участвуют в процессе обратной связи, обычно под руководством преподавателя. Студенты размышляют о самой ситуации и о процессе принятия решений.

Продолжительность каждого этапа, особенно чтения и обсуждения, зависит от объема и сложности исследования.

Использование тематических / ситуативных исследований требует определенного предварительного планирования и подготовки. Студенты

более активно участвуют в процессе при решении проблемы, чем при простом чтении текста и ответах на вопросы. Данный дидактический метод позволяет практиковать различные виды языковых навыков в коммуникативных ситуациях и сочетать лингвистические навыки с аналитическими и / или межличностными навыками. Кроме того, метод кейсов является весьма адаптируемым с точки зрения тематических областей, сложности содержания, языковой сложности и продолжительности. При необходимости преподаватели могут написать собственные простые кейсы или создавать более сложные кейсы в сотрудничестве с коллегами, преподающими конкретные предметные области. Студенты также могут сами создавать оригинальные кейсы на основе собственных интересов и опыта. Это может быть исследование, посвященное профессиональной ситуации, или проблеме, с которой они знакомы лично, например, риски, которые влечет за собой использование социальных сетей, чрезмерное влияние СМИ на ценностные ориентиры молодежи, включая здоровье и др. Затем этот пример можно использовать в аудитории для анализа и обсуждения с целью принятия решений.

Анализ опыта организации и проведения учебных занятий с применением кейс-метода показывает, что данный подход может быть эффективно интегрирован в процесс обучения английскому языку при условии, если он основывается на понятном всем студентам материале модульных учебных материалов. Целесообразно использовать кейс-метод после завершения работы над тематическим блоком (модулем) и освоением лексики по теме.

В заключение отметим, что кейс-метод может быть ценным методическим инструментом в обучении иностранному языку, который способствует эффективному групповому взаимодействию, предоставляет учащимся возможность высказывать свое мнение, оценивать, анализировать и активно участвовать в процессе принятия решений. Однако при всех преимуществах, метод кейсов не должен стать самоцелью, а применяться с учетом дидактических целей и задач, особенностей студенческой группы, их интересов и потребностей, уровня компетентности, количества часов, отведенных на изучение дисциплины и многих других факторов, определяющих возможности внедрения кейс-метода в преподавание иностранного языка.

Summary. The article is devoted to the application of case study in the process of teaching a foreign language to the students of philological department. The possibilities of the method,

the stages of working with cases, as well as practical recommendations for the development of situations (cases) are considered. The article substantiates the effectiveness of the case study method in the learning process, its ability to increase students' motivation to learning a foreign language, to develop communicative and cognitive skills, critical thinking skills and creative abilities, to implement important objectives in the development of both linguistic and professional competencies.

Key words: case study method, technology, teaching a foreign language, topic-based research, cognitive skills, communicative competence.

Литература

1. Herreid, C. F. What is a case? Bringing to science education the established teaching tool of law and medicine / C. F. Herreid // *Start with a Story: The Case Study Method of Teaching College Science*. – Arlington, Virginia: NSTA Press, 2007. – P. 41.
2. Herreid, C. F. What Makes a Good Case? Some Basic Rules of Good Storytelling Help Teachers Generate Student Excitement in the Classroom / C. F. Herreid // *Journal of College Science Teaching*. Vol. 27. – 1998. – No. 3. – P. 163–169.
3. Roell, Christine. Using a Case Study in the EFL Classroom / Christine Roell // *English Teaching Forum*. – 2019. – P. 24–33.
4. Scales, Peter. *Teaching in the Lifelong Learning Sector*. 2nd ed. / Peter Scales. – Maidenhead, England: Open University Press, 2013. – 344 p.
5. Zak, Paul. How Stories Change the Brain / Paul Zak // *Greater Good Magazine*. – 2013 [Electronic resource]. – Mode of access: https://greatergood.berkeley.edu/article/item/how_stories_change_brain. – Date of access: 27.06.2024.

Кавальчук Аксана Іванаўна,
дацэнт кафедры рамана-германскай філалогіі
УА «Гродзенскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Янкі Купалы»,
кандыдат філалагічных навук

ВЫХАВАЎЧЫ ПАТЭНЦЫЯЛ ДЫСЦЫПЛІНЫ «УВОДЗІНЫ Ё ТЭОРЫЮ КАМУНІКАЦЫІ»

Рэзюмэ. Праблемам, якія звязаны з камунікацыяй, у прыватнасці, сацыяльнай камунікацыяй, нязменна надаецца пільная ўвага з боку дыдактыкі. У артыкуле разглядаецца выхаваўчая роля курса «Уводзіны ў тэорыю камунікацыі» ў працэсе прафесійнай падрыхтоўкі студэнтаў філалагічных спецыяльнасцяў, на прыкладзе канкрэтных тэм падаюцца навучальныя прыёмы і заданні, накіраваныя на працоўнае і сямейнае выхаванне асобы студэнта.

Ключавыя словы: камунікацыя, тэорыя камунікацыі, дыдактычны аспект, выхаваўчы патэнцыял.

Камунікацыя як адзін з асноўных відаў дзейнасці чалавека з'яўляецца аб'ектам і прадметам вывучэння многіх сучасных навук і навучальных дысцыплін. Шырокі дыяпазон навуковых напрамкаў і спецыялістаў, што займаюцца даследаваннем асаблівасцяў камунікацыі, абумоўлены ўнікальнасцю гэтага віду дзейнасці: калі мы гаворым пра камунікацыю ў чалавечым грамадстве, то найчасцей маем на ўвазе суб'ектна-суб'ектныя адносіны, у якіх абодва ўдзельнікі выступаюць актыўнымі дзеючымі асобамі. Гэта асноўнае, што адрознівае камунікацыю ад гульні, працоўнай дзейнасці і навучання, дзе выразна вылучаюцца суб'ект і аб'ект.

Курс «Уводзіны ў тэорыю камунікацыі» знаёміць студэнтаў філалагічных спецыяльнасцяў з асноўнымі катэгорыямі і паняццямі тэорыі камунікацыі, вызначае яе месца ў сістэме гуманітарных ведаў, а таксама ролю самой камунікацыі ў розных сферах жыццядзейнасці чалавека і для станаўлення асобы, дае асновы навукова-даследчай і практычнай дзейнасці з камунікацыяй і тэкстам – усё гэта служыць для студэнта-філолага добрым падмуркам, на якім «надбудоўваюцца» веды, уменні і навыкі іншых дысцыплін канкрэтнай спецыяльнасці. Гэты курс уяўляе сабой амаль неабмежаваны рэсурс для комплекснай рэалізацыі навучальных, выхаваўчых, развіваючых і практычных мэтай. Спынімся больш падрабязна на яго выхаваўчых магчымасцях.

У навучальнай і навуковай літаратуры можна знайсці некалькі соцен тлумачэнняў паняцця камунікацыі, якія дэманструюць розныя крытэрыі і падыходы да гэтай з’явы. Разабрацца ў такой колькасці думак і поглядаў студэнту-першакурсніку не заўсёды пад сілу. Таму можна прапанаваць працу ў групах з выкарыстаннем прыёмаў «Алфавіт» або «Асацыяцыі». Пры выкарыстанні «Алфавіту» студэнты групай запісваюць на кожную літару алфавіту словы, што, на іх думку, так ці інакш датычаць паняцця камунікацыі. Прынцып дзеяння ў межах «Асацыяцый» падобны, але не абавязвае прыдумваць словы на канкрэтныя літары. Пасля выканання задання кожная каманда па чарзе зачытвае свае словы і тлумачыць найбольш непразрыстыя асацыяцыі, астатнія выкрэсліваюць у сябе лексіку, якая ўжо сустрэлася, і ўдзельнічаюць у абмеркаванні. Падчас дыскусіі вырашаюцца пытанні: словы і паняцці з якіх сфер жыццядзейнасці чалавека былі выкарыстаныя пры апісанні камунікацыі, ці можна абмежавацца нейкай адной сферай, калі размова ідзе пра зносіны людзей, якія з прапанаваных паняццяў у большай ступені датычаць будучай прафесійнай дзейнасці студэнтаў, на што будучаму настаўніку ці перакладчыку вывучаць тэорыю камунікацыі. У выніку абмеркавання студэнтам прапануецца скласці сваё вызначэнне паняцця камунікацыі і абгрунтаваць яго. Каб унесці элемент спаборніцтва, можна супольна выбраць найбольш удалае, на думку студэнтаў, тлумачэнне.

Падчас выканання згаданых заданняў вырашаюцца адразу некалькі выхаваўчых задач. Студэнты актыўна развіваюць свае камунікацыйныя навыкі, працуючы ў камандзе, прапануючы свае ідэі і абмяркоўваючы погляды сваіх аднагрупнікаў адносна статусу камунікацыі ў грамадстве. Падобная праца ўяўляецца асабліва важнай у адаптацыйны для першакурсніка перыяд, калі ён сутыкаецца з новымі для сябе ўмовамі навучання і жыцця, становіцца членам новага калектыву; дае магчымасць лепш пазнаёміцца з аднакурснікамі і праявіць сябе. Выключнае значэнне ў плане працоўнага і прафесійнага выхавання мае фарміраванне ўстойлівай цікавасці з боку студэнтаў да будучай прафесіі, павагі да працы педагога і ўвогуле сваёй і чужой працы, імкнення павышаць прэстыж сваёй прафесіі ў грамадстве.

У межах аднаго з раздзелаў курса «Уводзіны ў тэорыю камунікацыі» абмяркоўваюцца асабліва сці групавой камунікацыі, вызначаюцца тыпы сацыяльных груп, іх характарыстыкі, выяўляецца спецыфіка камунікацыі ў розных групах. Асабліваю ўвагу, на нашу думку, тут варта аддаць сям’і як малой сацыяльнай групе, якая самым непасрэдным чынам уплывае на

іншыя сацыяльныя інстытуты і абумоўлівае развіццё і дабрабыт грамадства. У сям’і дзіця праходзіць першасную сацыялізацыю, далучаецца да духоўных, маральных каштоўнасцяў свайго народа, знаёміцца з нацыянальнымі звычаямі і традыцыямі. Страты і небяспечныя тэндэнцыі ў сістэме сям’і непазбежна абярнуцца стратамі на дзяржаўным узроўні. Сёння ў Беларусі праводзіцца актыўная сацыяльна-дэмаграфічная палітыка, у цэнтры якой якраз і знаходзіцца сям’я, што адлюстравана і ў Канстытуцыі Рэспублікі Беларусь, і ў Канцэпцыі нацыянальнай бяспекі Рэспублікі Беларусь. Таму адной з задач вышэйшай адукацыі ёсць выхаванне ў студэнтаў павялічанага сямейных каштоўнасцяў, пабудова і прапаганда мадэлі шчаслівай сям’і, у якой растуць дзеці, ствараюцца ўсе ўмовы для іх развіцця, шануюцца старэйшае пакаленне, захоўваюцца памяць і набыткі продкаў.

Падчас вывучэння раздзела «Групавая камунікацыя» гэтая задача можа быць вырашана праз выкананне індывідуальнага задання – напісанне сачынення або падрыхтоўку паведамлення ці прэзентацыі на адну з наступных тэм: «Традыцыі маёй сям’і», «Я ганаруся сваімі продкамі», «Мая ідэальная сям’я», «Дзеці – радасць ці клопат», «Сям’я – маленькая дзяржава!». Яшчэ адным цікавым заданнем можа стаць падбор і тлумачэнне ўстойлівых адзінак, што паказваюць на розныя бакі сямейнага жыцця. Такія выразы ёсць у кожнай мове, бо, нягледзячы на пэўныя адрозненні, сям’я як частка грамадства характэрная для ўсіх народаў свету. Так, адносіны беларусаў да сямейнага ўкладу дэманструюць шматлікія прыказкі і прымаўкі, што назапашваліся многімі пакаленнямі, увабраўшы іх мудрасць і жыццёвы вопыт: *Адно дзіця – няма дзяцей, двое дзяцей – што адно, а тры – сям’я; Гадуі, мядзведзь, дзеці, каб было за кім сядзеці; Дзяцей радзіць – не грошы лічыць; Кожнаму сваё дзіця міла; Малыя дзеткі – малыя бедкі (падрастуць дзеткі – падрастуць і бедкі); Яблык ад яблыні далёка не адкоціцца; Не кайся, рана ўстаўшы і рана жаніўшыся; Муж і жонка – найлепшая сполка.*

Заданні падобнага тыпу маюць вялікае выхаваўчае значэнне, дапамагаюць развіць і паглыбіць не толькі прафесійныя кампетэнцыі, але і тыя чалавечыя якасці, якія дазваляць студэнту стаць сапраўдным грамадзянінам сваёй краіны, стварыць паўнацэнную сям’ю, шанаваць гісторыю і традыцыі свайго народа.

Summary. The problems of communication, in particular social communication, are invariably given close attention by didactics. The article examines the educational role of the course “Introduction to the Theory of Communication” in the process of professional training

of students of philological specialties. Specific topics, teaching methods and tasks aimed at the comprehensive education of the student's personality are given.

Key words: communication, communication theory, didactic aspect, educational potential.

Короткевич Жанна Александровна,

доцент кафедры иностранных языков

УО «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы»,

кандидат педагогических наук, доцент;

Лойко Мария Осиповна,

доцент кафедры иностранных языков

УО «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы»,

кандидат филологических наук, доцент

РАЗВИТИЕ ИНОЯЗЫЧНОЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНЦИИ СТУДЕНТОВ ЭКОНОМИЧЕСКИХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ ПРИ РАБОТЕ С АББРЕВИАТУРАМИ

Резюме: Рассматриваются аббревиатуры в рамках дискурсивного подхода и целесообразность применения этого направления в практике преподавания иностранных языков. Приводится обоснование критериев отбора текстов для использования в образовательном процессе, а также описание методической последовательности действий студентов экономического профиля по восприятию, узнаванию и пониманию аббревиатур с учетом их структурно-семантических и функциональных особенностей в процессе чтения текстов по специальности.

Ключевые слова: иноязычная коммуникативная компетентность, английский язык для специальных целей, экономический дискурс, аббревиатура.

Реализация современного образовательного процесса по иностранному языку на специальностях экономического профиля основана на принципах коммуникативного подхода, направленного на обеспечение готовности будущего выпускника к полноценному иноязычному взаимодействию в профессиональной сфере. Коммуникация представляет собой «сложный, символически определенный, транзакционный процесс, связанный с передачей некоторой информации от одного субъекта к другому с условием ее понимания и возможностью интерпретации и трансляции воспринимающим субъектом» [Карнажицкая 2012 : 77]. Поскольку основным фактором, определяющим успешность любой коммуникации, является коммуникативная компетентность участников общения, ожидается, что в результате овладения изучаемым языком у студента будет развита иноязычная коммуникативная компетентность, в достаточной мере обеспечивающая его способность общаться на иностранном языке.

Коммуникативная компетентность определяется как «осознанное знание используемых при коммуникации символических систем, кодов символизации и правил их функционирования, а также принципов коммуникативного взаимодействия» [Карнажицкая 2012 : 78]. Поскольку основной системой кодов, используемой в общении людей, выступает язык, речь, слово, т. е. вербальные средства коммуникации, вполне логично в сложной иерархической структуре иноязычной коммуникативной компетентности выделить, наряду с иными, языковую, или лингвистическую, компетенцию, понимаемую как «владение языковым материалом для его использования в виде речевых высказываний» [Маслыко 1995 : 45].

В контексте овладения иностранным языком для специальных целей студентами экономических специальностей приоритетная роль отводится лексической подсистеме изучаемого языка, т. к. именно в ней отражена специфика репрезентации предметной области осваиваемой специальности. Более того, на предыдущих этапах изучения иностранного языка у студентов уже в достаточной мере сформированы слухопроизносительные и ритмико-интонационные навыки, а также навыки синтаксического оформления речи. В коммуникативно-ориентированном процессе развития иноязычной лингвистической компетенции будущих экономистов предполагается не только учет формально-структурного и структурно-семантического планов, но и овладение ситуативными, контекстуальными правилами функционирования изучаемых лексических единиц.

Один из путей функционального освоения лексических единиц профессиональной сферы видится в организации работы студентов со специализированными текстами на изучаемом языке. Преимуществом текстоцентрической организации дидактических средств является то, что в отечественной практике преподавания иностранных языков тексту на протяжении всей истории методики отводилась важная роль в учебном процессе как средству искусственного воссоздания иноязычной среды в условиях отсутствия естественной иноязычной среды в учебной аудитории. Следовательно, учебный стиль студентов в овладении профессиональной коммуникацией на изучаемом языке неразрывно связан с текстовой деятельностью. Как показывают результаты исследований, студенты вузов склонны сохранять учебный стиль, выработанный ими прежде, во время обучения в школе [Learning styles and cultural awareness 1997 : 95]. Подтверждают положительное отношение студентов к работе с текстом и результаты анкетирования, проведенного нами среди студентов экономических специальностей. Так, 69,6 % из 431 опрошенных нами студентов

отдают предпочтение текстам как источникам фактической и лингвистической информации [Лойко 2022 : 145].

В то же время, работа со специализированными текстами на иностранном языке сопряжена для студентов с рядом трудностей. Одна из заметных тенденций, наблюдаемых в развитии современного англоязычного экономического дискурса, заключается в весьма широком использовании таких словообразовательных моделей, как аббревиация, или сокращение. Как правило, если в учебных целях используется не инициальный фрагмент текста, в котором аббревиатура вводится впервые с пояснением, студентам не понятно при первом ознакомлении с содержанием читаемого текста значение такой единицы. В основе аббревиации или сокращения лежит редукция исходного слова или словосочетания и использование полученного остатка для нового наименования, которое представляет иной по сравнению с исходной единицей способ описания обозначаемого.

Тем не менее, тенденция к появлению новых аббревиатур в специализированном англоязычном дискурсе очевидна – согласно исследованиям, их число в последние десятилетия измеряется сотнями. Вероятно, обусловлен этот процесс развитием технологий и связанными с ним изменениями в жизненном укладе, повседневной практике в различных областях жизнедеятельности человека. Новизна аббревиатурного обозначения по сравнению с исходным, как правило, развёрнутым наименованием, его краткость и однословность значительно расширяющие коммуникативные функции и способствующие компактности текста, являются основными причинами создания разнообразных типов сокращений в языке [Кубрякова 1981 : 70–71].

Практика сокращения слов и словосочетаний, которые связаны с номинацией различных объектов в сфере экономики и их интенсивное проникновение в тексты экономического характера стала общепринятой в деловых кругах.

В нашем исследовании мы предприняли попытку рассмотреть особенности функционирования разных типов сокращений в англоязычных финансово-экономических изданиях. Материалом исследования послужили аббревиатуры, отобранные методом сплошной выборки с последующим контекстуальным анализом из печатных текстов электронного научно-популярного журнала “The Economist” (06.03.2021; 31.10.2020; 10.06.2017). Общий объём проанализированных текстов составил 78 страниц.

Среди сокращений большое место занимают инициальные аббревиатуры, т. е. составленные путём сокращения двух или нескольких слов

до их обозначения только одной заглавной буквой. Чаще всего аббревиации подвергаются названия банков, финансовых услуг и операций, различных фондов, компаний и продуктов их деятельности и др. Например, *BAML* (*Bank of America Merrill Lynch*); *ECB* (*the European Central Bank*); *BIS* (*Bank for International Settlements*); *UBI* (*universal basic income*); *VC* (*venture capital*); *QE* (*quantitative easing*); *CBI* (*the Climate Bonds Initiative*); *SDK* (*software-development kit*); *SPAC* (*a special-purpose acquisition company*); *PE* (*private-equity*) *firm(s)*. Другим видом сокращения, который используется в текстах по экономике, являются акронимы. В отличие от инициальных аббревиатур акронимы состоят из первых букв названия и произносятся как одно слово. Например, *BRICS* (межгосударственное объединение от *Brazil, Russia, India, China, South Africa*), *SPA* (*Society of Professional Accountants*). Согласно нашей выборке, отмечается тенденция к увеличению телескопных номинаций, сращений, то есть единиц, в которых соединяется один (или два) усечённый элемент и полная форма другого элемента. Такой тип в основном преобладает для названия компаний, деятельность которых связана с разработкой программного обеспечения: *Mapbox* (*mapping + box*), *NavInfo* (*Navigation + Information*), *UniCredit* (*Union + Credit*).

Сокращённая до максимума форма однозначных элементов в инициальных аббревиатурах может представлять определённые трудности в их интерпретации. Важным фактором, в данном случае, является контекст, включающий в свой состав, помимо сокращений, ряд языковых единиц, которые способствуют разрешению неопределённости. Например, специальные, впервые встречающиеся инициальные аббревиатуры обычно вводят в текст вместе с их полным коррелятивным сочетанием и далее они функционируют как самостоятельные лексические единицы, часто приобретая грамматические характеристики, например, родительного падежа или множественного числа. Например, “The boss of *Government Digital Service (GDS)*, a small part of the Cabinet Office, ...*GDS's* early work mostly involved...”, “The explanation lay in the forecasts which *Office for Budget Responsibility (OBR)*, the government’s fiscal watchdog, ...*The OBR* now reckons that the economy will grow by 4 %...”, “...a reverse merger with a *special purpose acquisition company (SPAC)*...*SPACs* allow startups to negotiate the purchase price...”.

Другим важным условием, способствующим верному пониманию сокращений, является наличие в контексте однословных или многословных лексических единиц, которые связаны с инициальными аббревиату-

рами и сращениями синонимическими отношениями. Например, “The firm has also joined forces with Shenzhen-based *DJI, the world’s biggest drone-maker*”, “A month later Brown...was pitched to run *TIAA, a big pension fund*”, “Last year Carol Tom became boss of *UPS, a package-delivery giant*”, “*AMD, a chip-maker*, announced that it would buy *Xilinx, another chip firm*”, “... and *NavInfo, a mapping firm* based in Beijing...”.

Как показывает опыт, трудности у студентов возникают на этапах узнавания и понимания встречаемых в тексте аббревиатур, в частности, при установлении соответствий между графическим образом единицы с ее семантикой, раскрытии значения при помощи морфолого-синтаксического и контекстуального анализа.

Для обучения студентов постепенному преодолению трудностей, связанных с восприятием, узнаванием и пониманием аббревиатур, мы разработали схему последовательности учебных действий, которая позволяет учитывать структурно-семантические и функциональные особенности аббревиатур в процессе их семантизации непосредственно в работе с текстом.

Первый шаг в схеме направлен на идентификацию аббревиатур в тексте и связан с выполнением студентом дифференцировочных действий:

- выявление в тексте аббревиатур по формальному признаку;
- определение структурно-семантических особенностей аббревиатур (буквенная, акрофонетическая, буквенно-звуковая, рекурсивная и т. п.).

Второй шаг в схеме направлен на установление соответствия «форма – значение» через выполнение подстановочных и трансформационных действий в тренировочных упражнениях:

- соотнесение частей аббревиатуры с соответствующими им словами;
- заполнение пропуска в словосочетании или предложении подходящей аббревиатурой из ряда предложенных с учетом ее валентности и значения;
- разложение аббревиатуры на составляющие и соотнесение их со значениями;
- догадка о значении аббревиатурованной единицы по микро- и макроконтексту ее употребления;
- поиск значения аббревиатуры по словарю или, при необходимости, по дополнительному источнику информации;
- перевод аббревиатуры на родной язык;
- поиск соответствующей аббревиатуры в родном языке.

Как показывает опыт, экстраполяция работы с аббревиатурами в текстовой деятельности и организация дополнительной тренировки по предлагаемой схеме позволяет снизить трудности при дальнейшей работе со специализированными текстами и тем самым способствует совершенствованию лингвистической компетенции будущих экономистов на изучаемом иностранном языке.

Summary: The article deals with abbreviation within the framework of the discursive approach and the expediency of using this direction in the practice of teaching foreign languages. The substantiation of the criteria for selecting texts for use in the educational process in ESP is given as well as the description of the sequence of learning actions of economics students aimed at mastering abbreviations in the process of reading texts in their specialty.

Key words: foreign language communicative competence, ESP, economics discourse, abbreviations.

Литература

1. Межкультурные коммуникации: учеб. пособие / Т. В. Карнажицкая. – Минск: Издательство Гревцова, 2012. – 400 с.
2. Маслыко, Е. А. Коммуникативная методика обучения иностранным языкам как способ реализации программы Совета Европы “Language Learning for European Citizenship” // Нетрадиционные методы обучения иностранным языкам в вузе. – Минск, 1995. – С. 44–56.
3. Learning styles and cultural awareness // Jordan, R. R. English for academic purposes. Cambridge: Cambridge University Press, 1997. – Pp. 94–108.
4. Лойко, М. О. Концептуальная метафора в экономическом медиадискурсе: рецептивное изучение / М. О. Лойко, Ж. А. Короткевич // Славянский мир и национальная речевая культура в современной коммуникации: в 2 ч. Ч 2: сборник научных статей / Учреждение образования «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы»; гл. ред. В. А. Белозорович; редкол.: В. А. Белозорович [и др.]. – Гродно: ГрГУ им. Янки Купалы, 2022. – С. 142–147.
5. Кубрякова, Е. С. Типы языковых значений. Семантика производного слова / Е. С. Кубрякова. – Москва: Наука, 1981. – 200 с.

Кузнецова Марина Николаевна,

старший преподаватель кафедры иностранных языков
УО «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы»;

Лясота Ольга Петровна,

преподаватель кафедры иностранных языков
УО «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы»

АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК ДЛЯ СПЕЦИАЛЬНОСТИ «АРХИТЕКТУРА»: ОБЗОР УЧЕБНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Резюме. В данной статье проводится аналитический обзор учебно-методической литературы, которая может быть полезна и использоваться при преподавании английского языка для специальности «Архитектура».

Ключевые слова: архитектура, иностранный язык, структура учебного пособия, специальная литература, учебное пособие.

В Республике Беларусь профильное образование по специальности «Архитектура» можно получить в нескольких вузах, среди которых и Гродненский государственный университет имени Янки Купалы. Эта специальность является одной из новейших, открывшихся в Купаловском университете. Естественным образом возникает потребность в обеспеченности данной специальности соответствующей учебно-методической литературой, в частности, по преподаванию иностранных языков. Рассмотрим учебные пособия, которые разработаны с учетом специфики и профиля данной специальности и могут использоваться в процессе преподавания английского языка.

Учебное пособие по английскому языку «Архитектура как наука и искусство» [Безручко 2010 : 3] предназначено для тех, кто изучает английский язык с учетом потребностей в профессиональной сфере – архитектуре. Пособие рассчитано на пользователей, которые овладели основами общения с использованием соответствующих начальному этапу лексико-грамматических категорий и речевых моделей. Пособие способствует развитию и совершенствованию речевой деятельности в английском языке в области архитектуры. Данное пособие состоит из 30 уроков: в 1–20 уроках даются тексты по архитектуре, в уроках 21–30 – тексты инженерно-строительной тематики. Уроки имеют унифицированную структуру: предтекстовые упражнения, текст, словарь активной лексики, послетекстовые тесты и лексико-грамматические задания, упражнения коммуника-

тивного характера. Представленная система упражнений и тестов направлена на обеспечение контроля понимания прочитанного, овладение общеупотребительной и терминологической лексикой, развитие навыков чтения без словаря, активизацию навыков употребления правильных грамматических конструкций.

Учебное пособие “Professional English in Use: Architecture” [Конова-лова 2014 : 4–5] представляет собой серию включающую в себя три части. Первая часть “Professional English in Use: Architecture. Part 1” посвящена изучению вопросов теории и истории архитектуры и предназначена для студентов младших курсов архитектурных, инженерно-архитектурных и дизайнерских специальностей, изучающих английский язык. Предлагаемое учебное пособие может быть использовано не только студентами архитектурных вузов, но также всеми, кто интересуется архитектурой, имеет желание читать специальную литературу на английском языке в оригинале и профессионально общаться на архитектурные темы. Структура учебного пособия включает в себя восемь уроков-тем (Units), которые тематически соотносятся с основными периодами развития европейской и мировой архитектуры: 1) предыстория (архитектуры), 2) архитектура Древнего Египта, 3) архитектура Древней Греции, 4) архитектура Древнего Рима, 5) романская архитектура, 6) – готическая архитектура, 7) архитектура Ренессанса, 8) архитектура барокко. Каждый урок-тема состоит из следующих разделов, которые соответствуют основным видам речевой деятельности: – грамматический практикум / “Grammar review”; – чтение на английском языке / “Reading”; – разговорный практикум – “Speaking”; – переводческий практикум / “Translating”.

Учебное пособие «Английский язык для студентов архитектурно-строительных специальностей» [Лукина 2020 : 3–4] построено на базе стандарта курса иностранного языка для неязыковых вузов и рассчитано на профессионально-ориентированный этап обучения. Основная цель пособия состоит в углубленном изучении терминологии в рамках строительной тематики, развитии умений чтения и перевода оригинальной литературы по специальности, а также совершенствовании навыков устной речи и письма. Данное пособие направлено на комплексное развитие коммуникативной, когнитивной, информационной, социокультурной, профессиональной и общекультурной компетенций студентов. Пособие нацелено на подготовку студентов к самостоятельной работе с текстом, в том числе и со специальной литературой, обучение устным формам общения на материале предложенных текстов, развитие коммуникативных способностей студен-

тов и расширение их кругозора. Пособие состоит из 7 разделов, каждый из которых соответствует определенной строительной тематике: «Промышленное и гражданское строительство» / “Industrial and Civil Engineering”, «Строительные материалы» / “Building Materials”, «Архитектура, градостроительство и реставрация» / “Architecture, Restoring and Town Planning”, «Строительство дорог» / “Road Engineering”, «Инженерные системы и сооружения» / “Engineering Systems and Constructions”, «Экономика и инновации в строительстве» / “Economics and Innovation in Construction”, «Компьютерные технологии» / “Computing Technologies”. Каждый раздел включает два основных текста по специальности, соответствующей его наименованию, задания и упражнения на проверку прочитанного, закрепление лексики и формирование навыков письменной коммуникации.

Учебное пособие по английскому языку “History of Architecture” [Карцева 2020 : 4] также предназначено для студентов, обучающихся по специальности «Архитектура». Целью данного пособия является формирование базовых знаний по специальности, ознакомление с терминологией специальности, овладение профессионально-ориентированным языком, формирование профессиональной, коммуникативной и социокультурной компетенций в рамках профессиональной подготовки специалистов. Учебное пособие состоит из 11 модулей, описывающих архитектурные стили прошлых столетий и современности. Каждый модуль имеет текстовую описательную часть и набор заданий, содержащих вопросы и темы для устных сообщений на практическом занятии с последующим обсуждением в форме дискуссии, а также краткий тематический словарь. Кроме этого, пособие содержит дополнительный информационный материал в 9 приложениях.

Таким образом, использование рассмотренной учебно-методической литературы для специальности «Архитектура» позволит повысить эффективность и качество образовательного процесса.

Summary. This article provides an analytical review of educational and methodological literature that can be useful and used in teaching English for the specialty “Architecture”.

Key words: architecture, foreign language, structure, specialized literature, textbook.

Литература

1. Английский язык для студентов архитектурно-строительных специальностей: учебное пособие / Л. В. Лукина [и др.]; под общ. ред. д-ра филол. наук В. А. Федорова;

ФГБОУ ВО «Воронежский государственный технический университет». – Воронеж: Изд-во ВГТУ, 2020. – 267 с.

2. Безручко, Е. Н. Английский для архитекторов : учебное пособие по английскому языку для студентов архитектурных и строительных специальностей вузов / Е. Н. Безручко. – Ростов н/Д : Издательский центр «МарТ» ; Феникс, 2010. – 306 с. – (ИнЯз для профессионалов).

3. Карцева, Е. В. Учебное пособие по английскому языку “History of Architecture” [Текст]: учеб. пособие / Е. В. Карцева, А. А. Флакман; Нижегор.гос. архитектур.-строит. ун-т. – Н. Новгород: ННГАСУ, 2020. – 61 с.

4. Коновалова, Е. Н. Professional English in use: Architecture. Part 1: учебное пособие для студентов архитектурно-строительных вузов / Е. Н. Коновалова, Ф. М. Маршева, Ф.Д. Мубаракшина. – Казань: Изд-во Казанск. гос. архитектур.-строит. ун-та, 2014. – 124 с.

Курченя Елена Чеславовна,

старший преподаватель кафедры иностранных языков
УО «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы»;

Русецкая Наталья Иосифовна,

преподаватель кафедры иностранных языков
УО «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы»

ОБУЧЕНИЕ ГРАММАТИЧЕСКОЙ СТОРОНЕ РЕЧИ КАК ВАЖНЕЙШЕЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ

Резюме. В данной статье рассматривается использование альтернативной технологии лично-ориентированного подхода. Обучение иностранному языку требует лично-ориентированного подхода в большей степени, чем какой-либо другой учебный предмет. Метод проектов – это дидактическое средство, которое создает предпосылки для развития целеустремленности, самостоятельности и тяги к новому.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация, лично-ориентированное обучение, метод проектов, речевые навыки и умения, грамматические навыки.

На современном этапе развития общества все больше развивается межкультурная коммуникация. Общение между гражданами различных стран становится все более тесным, следовательно, изменяются требования к образованию. В последнее время все чаще говорят об использовании альтернативной технологии лично-ориентированного подхода. Обучение иностранному языку требует лично-ориентированного подхода в большей степени, чем какой-либо другой учебный предмет. Лично-ориентированное обучение вносит изменения в положение об организации обучения. Обучаемый – не объект, а активный субъект образовательного процесса. Одним из важнейших пунктов лично-ориентированного обучения иностранному языку является наличие определенной проблемы, задачи, требующей интегрированного знания, исследовательского поиска для ее решения. Это и является проектным обучением – одной из современных технологий обучения иностранному языку. При организации общения лучше применять, по возможности, такие ситуации, которые затрагивают интересы обучаемых, связаны с его личным опытом, т. е. в полной мере реализовать лично-ориентированный подход. Одним из способов реализации данного подхода и является проектная методика.

Метод проектов – это дидактическое средство, которое создает предпосылки для развития целеустремленности, самостоятельности и тяги

к новому. Другими словами, обучаемый самым непосредственным образом включается в активный познавательный процесс, самостоятельно осуществляет сбор необходимой информации для решения заданий проблемы, планирует возможные варианты ее решения, делает выводы, анализируют свою деятельность.

В последнее время метод проектов активно развивается, так как в технологии учебного процесса происходит смещение акцентов на самостоятельность, предприимчивость, активность, изобретательность обучаемых. Применяются различные типы проектов, выбираемые в соответствии с конкретными условиями и целями проведения. Это исследовательские проекты, творческие, информационные, практико-ориентированные.

Также в процессе общения имеет место ориентация на социальные характеристики речевого партнера: его статус, позицию, ситуационную роль, что проявляется в выборе альтернативных речевых средств со стратификациями и речевыми ограничителями.

На основе вышесказанного коммуникативная компетенция может быть определена как «средства, необходимые для контроля и формирования речевой ситуации в социальном контексте» [Brumfit 1991 : 23].

Важнейшим компонентом коммуникативной компетенции по праву признается языковая компетенция, обеспечивающая на основе достойного объема знаний как конструирование грамматически правильных форм и синтаксических конструкций, так и понимание смысловых отрезков речи.

Невозможно установить приоритет грамматики над лексикой, так же как и лексики над грамматикой. Без знания грамматической структуры языка невозможно решать коммуникативные задачи на иностранном языке. Однако усвоение грамматической системы языка происходит только на основе знакомой лексики. Таким образом, как грамматические, так и лексические навыки и умения представляют собой центр языковой компетенции, на который опираются речевые навыки и умения.

Развитие грамматических навыков иноязычного общения приводит к высокому уровню подготовленности студентов, что обеспечит им в дальнейшем возможность грамотного участия в профессиональной деятельности, а именно в деловых встречах, презентациях, переговорах и т. д. Не только навыки общения, но и грамматические навыки способствуют уверенному и эффективному использованию английского языка. Грамматические умения и навыки студентов – основа языковой компетенции. Как следствие, на данном этапе развития методики преподавания грамматики

английского языка, объективной потребностью является поиск оптимальных путей обучения.

И каждый обучаемый в отдельности, и все государство в целом заинтересованы сегодня в практическом овладении иностранным языком, обеспечивающем выход на мировой рынок, приобщение к мировой культуре, поэтому в качестве приоритетной цели выступает коммуникативная компетенция. В тоже время иностранный язык – это только средство, с помощью которого можно приобретать и демонстрировать свой общекультурный уровень. Поэтому из числа способов овладения иностранным языком предпочтение отдается тем, которые обладают развивающим потенциалом: будят мысль, оттачивают средства и выражения, обогащают образные представления, совершенствуют общую культуру общения и социального поведения в целом.

Summary. This article discusses the use of an alternative technology of the person-oriented approach. Teaching a foreign language requires a more student-centered approach than any other subject. The project method is a didactic tool that creates the prerequisites for the development of purposefulness, independence and craving for something new.

Keywords: intercultural communication, person-oriented learning, project method, speech skills and abilities, grammar skills.

Литература

1. Brumfit, C. J., Johnson, K. The Communicative Approach in Language Teaching, Oxford University Press, 1991. – 243 p.
2. Larsen-Freeman, Diane and Marti Anderson, Techniques and Principles in Language Teaching, 3rd Edn., Oxford University Press, 2011, Chapter 9. – 276 p.
3. Сидоренко, Е. В. Тренинг коммуникативной компетентности в деловом взаимодействии / Е. В. Сидоренко. – С-Пб.: Речь, 2003. – 208 с.

Лескевич Светлана Георгиевна,

доцент кафедры иностранных языков

УО «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы»,

кандидат филологических наук, доцент;

Сечейко Ольга Георгиевна,

преподаватель английского языка,

ФГБОУ ВО «РЭУ имени Г.В. Плеханова»,

Московский экономический лицей,

кандидат филологических наук

РЕДАКЦИОННАЯ ПОДГОТОВКА ИЗДАНИЙ ПЕРЕВОДНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В КОНТЕКСТЕ СОХРАНЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОГО КОМПОНЕНТА

Резюме. В статье подчеркивается значение грамотной редакционной подготовки изданий переводной литературы, ее роль в понимании художественного произведения, актуализации и сохранении национально-культурного компонента.

Ключевые слова: редакционная подготовка, перевод, переводная литература, художественное произведение, национально-культурный компонент.

Перевод художественного текста – явление многогранное и сложное, включающее различные аспекты и проблемы, среди которых особое место занимает проблема сохранения и передачи национально-культурного компонента. В процессе преобразования художественного текста, передаче его на иной язык несомненна огромная роль переводчика как основного и ведущего звена в межкультурной коммуникации, в соблюдении общего настроения произведения, авторского замысла, сохранении национальной специфики оригинала.

Теория и практика перевода художественного текста всегда были в центре пристального внимания теоретиков и практиков, курсы переводоведения и основ художественного перевода включены в учебные программы студентов высших учебных заведений соответствующих специальностей. В последние десятилетия особую актуальность и востребованность получили работы, посвященные особенностям перевода культурно-исторических и культурно-бытовых реалий как варианта безэквивалентной лексики, воссоздающей национально-специфический колорит произведения.

Несмотря на то, что сопроводительный аппарат изданий переводной литературы также играет важную роль в процессе понимания художествен-

ного произведения, сохранения его историко-культурологического фона, национального заряда и колорита, вопросы редакционной подготовки переводных изданий обычно не попадают в поле зрения лингвистов, специалистов в области перевода. В частности, проблема подготовки к публикации произведений переводной белорусской литературы «пока не получила соответствующей научной интерпретации и теоретического осмысления» [Ляскевіч 2015 : 7]. Роль и работа редактора в подготовке переводного издания, содействии вхождению художественного произведения в культурное пространство другого народа, правильной и осознанной читательской рецепции текста изучается специалистами в области издательского дела и редактирования. Авторы современных учебников эдиционного дела обращают внимание не столько на полиграфическое оформление, сколько на то, что первым важнейшим отличительным признаком издания является наличие содержательной основы, под которой фактически нужно понимать само литературное произведение, а также его редакционно-издательскую обработку [Антонова : 2002]. Выпускники филологических факультетов часто работают в издательствах, однако, к сожалению, программа их подготовки не предполагает знакомства с этими вопросами.

Содержательные сопроводительные статьи, примечания и развёрнутые комментарии (в том числе и сохранение переводческих комментариев), несомненно, повышают информационность произведения, дополняют текст, объясняют национальные истоки творчества автора и, тем самым, облегчают процесс рецепции, которая во многом обусловлена и факторами социокультурного характера.

Каждый из существующих в издательской практике комментариев (текстологический, библиографический, биографический, литературно-критический, стилистический) в той или иной степени содержит и раскрывает культурно-маркированную информацию. Однако основным и наиболее подробным в изданиях переводной литературы является реальный комментарий, задача которого – дать толкование описанным в тексте объектам материальной и духовной жизни. Этот комментарий ещё называют страноведческим, поскольку реалии, которые объясняются, определённым образом связаны с жизнью народа и страны.

Страноведческий комментарий призван восполнить недостающие у иноязычного читателя фоновые знания, раскрыть информацию, непосредственно в тексте не раскрытую. Исследователи называют несколько основных групп слов, наделенных национально-культурной семантикой,

которые становятся объектами комментирования в издании перевода: слова нового быта; слова, обозначающие наименования предметов и явлений традиционного быта; слова, обозначающие предметы и явления прошлых эпох, историзмы; лексика фразеологических единиц, а также сами эти единицы; фольклорная лексика; слова иностранного происхождения.

Объектами комментирования могут становиться также исторические факты, имена собственные и географические названия, особенно в том случае, «если они несут на себе определенную национально-культурную фоновую информацию и если их непонимание или неполное понимание читателем приведет к появлению лакун в рецепции иноязычного автора» [Степанов 1997 : 7].

Ещё одной сложной проблемой является комментирование авторских аллюзий, неологизмов и т. п. Ведь индивидуально-авторское в той или иной степени возвращается на общенациональном, и, в конечном итоге, становится органичной частью национальной культуры, её достоянием. Наличие продуктивного, творческого симбиоза переводчик-редактор является гарантом адекватного, верного комментирования, поскольку переводчик тоже является своеобразным редактором произведения.

Приложения к изданиям переводов носят факультативный характер, однако они могут являть собой мощнейший клад национальной значимой информации, имеющей непосредственное отношение к тексту художественного произведения. Иллюстративный материал издания также должен нести в себе заряд национальной специфики, способствовать выражению темы и главной идеи произведения, визуализировать информацию.

Мы придерживаемся мнения, что сопроводительный аппарат переводного издания не просто призван облегчить иноязычному читателю восприятие национального произведения, но и является эффективным средством актуализации и объективизации национально-культурного компонента.

Работа редактора в русле сохранения и актуализации национально-культурного компонента текста, с одной стороны, должна быть направлена на сам текст, предоставленный переводчиком, его критическое осмысление, с другой стороны, – на средства оформления данного текста в готовое издание, разработку стратегии издания.

Составляющие редакционной подготовки переводного издания включают работу редактора над аппаратом переводного издания, методологию разработки концепции, модели и проекта переводного

издания, а также алгоритм сотрудничества редактора с переводчиком и всем творческим коллективом, участвующим в подготовке издания к выходу в свет. Редактор должен знать историю и теорию литературного перевода, быть знакомым с классическими образцами переводной литературы, деятельностью выдающихся переводчиков, владеть навыками редактирования художественного перевода и необходимым инструментарием по подготовке издания к выходу в иную социокультурную и иноязычную среду. Не только на переводчике, но и на редакторе лежит ответственность за верное восприятие зарубежным читателем художественного произведения, понимание авторского замысла, сохранение национально-культурного компонента.

Из всего выше сказанного ясно, что роль переводной литературы в интенсификации процессов межкультурной коммуникации трудно переоценить, а работа редактора с переводным изданием имеет свою специфику и требует определённой подготовки. Кроме того, на практике ощущается явный пробел в подготовке специалистов в данной области. И, если исходить из того, что на переводчика мы смотрим как на потенциального редактора текста, который он переводит, то знания в области редактирования должны быть у него в багаже. В связи с этим, мы считаем целесообразным предложить проект спецкурса, структура и содержание которого отражали бы следующие актуальные позиции: а) место переводной литературы в системе отечественного книгоиздания, б) работа редактора над изданием переводной литературы.

Предложенная программа спецкурса посвящена изучению целого ряда вопросов редактирования и издания произведений переводной литературы. Основные акценты программы смещены на освещение базовых теоретических принципов редактирования переводной литературы, а также на изучение теории и практики редактирования переводной литературы в Беларуси. Отдельные разделы программы предполагают изучение методологии работы редактора с переводным текстом и видов коррекции текста, критериев редакторской оценки адекватности перевода, переводческих трансформаций, подготовки издательских проектов переводных изданий. Всё это будет основой для творческого применения полученных знаний и умений на практике, поспособствует расширению общегуманитарного кругозора студентов филологических факультетов и приобретению ими более глубоких знаний в области специализации. В конечном итоге, спецкурс позволит определить особенности и проблемы в развитии практики публикации произведений зарубежной литературы на

белорусский язык и перевода произведений белорусских писателей на другие языки, выработать у студентов навыки многоаспектного и творческого подхода к редактированию произведений переводной литературы и побудить работать в этом направлении.

Можно определить следующие задачи спецкурса:

- дать общие теоретические сведения о развитии и становлении, особенностях редактирования произведений переводной литературы;
- выделить и охарактеризовать основные этапы и направления разработки теории и практики редактирования произведений переводной литературы в Беларуси;
- обозначить основные положения истории и теории перевода;
- выявить и обобщить наработки белорусских писателей и редакторов в области редактирования произведений переводной литературы;
- познакомить с деятельностью переводчиков произведений белорусских авторов на иностранные языки и современным состоянием переводной книги в Беларуси;
- сформировать представление о специфике работы редактора над переводными изданиями различных типов и видов, особенностями редакторской подготовки аппарата переводного издания;
- познакомить с основными организационными принципами работы редактора с переводчиком, иностранным автором, литературным агентом;
- научить разрабатывать издательскую концепцию, модель и проект переводного издания.

В результате изучения учебной дисциплины студент должен знать: содержание, цель, задачи, предмет и объект спецкурса, его структуру и место среди филологических дисциплин; историю, современное состояние и тенденции, характеризующие выпуск переводной литературы в Беларуси; классические образцы переводной литературы, проблемы перевода Библии на белорусский язык, произведения белорусских писателей в переводе на иностранные языки и зарубежных авторов в переводе на белорусский; специфику редакторской работы с переводом; теоретические и практические основы редактирования произведений переводной литературы, критерии редакторской оценки переводов.

Студент должен уметь: ориентироваться в историческом процессе развития литературного перевода; разрабатывать концепцию, модель и проект переводного издания; организовывать рецензирование и подготовку переводного издания к публикации с учетом многих аспектов (качества, художественной и познавательной ценности, конкурентоспособности);

определять и исправлять смысловые, стилистические и другие ошибки, допущенные переводчиком; самостоятельно работать со справочными, энциклопедическими и электронными источниками по теории и практике перевода и редактирования; применять полученные знания и навыки при изучении других дисциплин и в своей практической деятельности. У студента должны быть сформированы навыки владения специальной терминологией в области редакционной подготовки переводных изданий; эвристического поиска ответов на вопросы, многоаспектного анализа перевода художественного текста с целью адекватной редакционной его оценки.

Содержание тематических блоков, таких как «Роль переводной литературы в развитии межкультурной коммуникации и её место в системе современного книгоиздания», «История редактирования рукописной переводной литературы в Беларуси», «Первые печатные издания переводов», «Издание зарубежной литературы на родном языке как способ взаимообогащения культур и литератур» и т. д., может быть расширено и дополнено с учётом выбранного объёма переводных изданий и знания студентами иностранных языков.

Таким образом, спецкурс имеет не только теоретическую, но и практическую целевую установку на формирование специальных навыков в области отбора, подготовки и продвижения изданий переводной литературы, максимального сохранения национально-культурного компонента посредством грамотной редакционной подготовки издания.

Summary. The article emphasizes the importance of competent editorial preparation of translated literature editions, its role in understanding of a literary work, updating and preserving the national-cultural component.

Key words: editorial preparation, translation, translated literature, literary work, national-cultural component.

Литература

1. Антонова, С. Г. Редакторская подготовка изданий: учебник / С. Г. Антонова, В. И. Васильев, И. А. Жарков и др. ; под общ. ред. С. Г. Антоновой. – М.: МГУП, 2002. – 468 с.
2. Ляскевіч, С. Г. Зборнік перакладаў санетаў Янкі Купалы на замежныя мовы (кампазіцыйныя і моўныя асаблівасці) / С. Г. Ляскевіч // Рэспубліканскія Купалаўскія чытанні: Зб. навук . прац / рэдкал. І. В. Жук (адк. рэд. [і інш.]). – Гродна : ЮрСаПрынт, 2015. – С. 101 – 106.
3. Степанов, В. Г. Редакционная подготовка изданий переводной литературы / В. Г. Степанов. – М.: Изд-во МГАП «Мир книги», 1997. – 64 с.

Скоробогатая Татьяна Иосифовна,
доцент кафедры романо-германской филологии
УО «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы»,
кандидат филологических наук, доцент

НОВЫЕ ТЕХНИКИ ВИЗУАЛИЗАЦИИ ПРИ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ТЕХНОЛОГИИ СТОРИТЕЛЛИНГ НА УРОКАХ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА

Резюме. В данной статье представлены сервисы для визуализации текста, созданного с использованием приема сторителлинга. Сторителлинг предполагает использование историй, рассказов для достижения образовательных целей и результатов. Для лучшего восприятия историй существует возможность визуализации текста посредством использования облака слов, временной шкалы, интерактивной карты.

Ключевые слова: сторителлинг, визуализация, облако слов, временная шкала, интерактивная карта.

В настоящее время целью обучения иностранным языкам является формирование межкультурной коммуникации и развития у изучающих иностранный язык мультикультурных личностных качеств. Важной составляющей речи как формы общения является монологическая речь. Как известно, освоение навыка монологического высказывания на иностранном языке является затруднительным для многих обучающихся. Для успешного овладения педагогами зачастую используется такой прием как сторителлинг (рассказывание историй). В качестве метода обучения иностранному языку сторителлинг был предложен в конце 20 века Р. Блейном [Блейн 2014 : 220]. Суть метода заключалась в том, что на основе подготовленной преподавателем структуры какой-либо истории изучающие иностранный язык добавляют подробности и, таким образом, становятся рассказчиками. Как правило, истории имеют какую-либо проблему и строятся на материале, соответствующем уровню обучающихся. Используя данный прием, возможно представить любую информацию легко и привлекательно для восприятия, что способствует лучшему усвоению и запоминанию материала, а также развивает у изучающих иностранный язык навыки монологической речи, повышает мотивацию. Исследования, проведенные в разных странах, показывают высокую эффективность сторителлинга в обучении иностранным языкам [Дуймович 2006 : 75–87]. Таким образом, сторителлинг можно считать одним из перспективных коммуникативных методов обучения, который помогает увеличить словарный запас

обучающихся, усвоить грамматические структуры и мотивировать к дальнейшему изучению иностранного языка.

Существует множество мнений о структуре сторителлинга, но все они включают следующие обязательные черты: история интересна для обучающихся, поэтому может заинтересовать и вовлечь в работу; яркий сюжет, который запомнится обучающимся; персонажи истории привлекают к себе внимание аудитории (одно поколение с обучающимися, яркие образы или схожие интересы и т. д.). При внедрении сторителлинга в преподавание языка стоит начать с простых задач по воспроизведению текста, а по мере повышения уровня языковой подготовки следует переходить к продуктивным формам.

На современном этапе учебного процесса широкое применение получили мультимедийные технологии, которые позволяют представлять информацию в электронном формате, в связи с чем целесообразно говорить о цифровом сторителлинге. Кроме того, при использовании технологии сторителлинга возможно обращаться к новым техникам визуализации. Новые техники визуализации применяются для того, чтобы увеличить объем запоминаемой информации из услышанной истории, акцентировать внимание на необходимом для усвоения лексическом и грамматическом материале, формировать и развивать критическое и визуальное мышление. Для современных обучающихся визуальные тексты оказываются более привлекательными из-за своей наглядности и интерактивности.

Представленные в данной статье программы не являются единственно возможными для использования на занятиях, однако, на наш взгляд, являются наиболее подходящими онлайн-инструментами при обучении иностранному языку.

Так, например, программы по созданию облаков со словами для визуализации текста с помощью наиболее частотных в нем слов. Актуальными являются такие сервисы как wordcloud.online, wordscldoud.pythonanywhere.com, wordclouds.com, nuagedemot.com, wordcloud.pro, ImageChef, tagul.com, wordle, tagxedo и другие. Дидактический потенциал данной технологии при изучении иностранного языка представлен в статье М. А. Комаровой [Комарова 2019 : 46–49]. Облака слов направлены на активизацию мыслительной деятельности обучающихся, тренировку внимания и памяти, что способствует быстрому запоминанию, точности и полноте воспроизведения материала, развитию навыков монологической речи репродуктивного характера.

Инструмент *временная шкала* (TimeRime.com, Timetoast.com, Learningapps.org, Preceden.com, Sutori.com, Time.graphics.ru, Timeline.knightlab.com, TimeLine JS, Tiki-toki.com) помогает создавать визуально насыщенные интерактивные ленты времени, где может быть использован для анализа большой объем информации, в которой необходимо выделить главное. Целесообразно применять данный инструмент для визуализации событий, размещаемых в хронологическом порядке (например, биография автора, развитие истории литературы). Так, в рамках занятий по изучению истории немецкой литературы обучающимися были представлены монологические высказывания с использованием визуального контента, что способствовало лучшему восприятию слушающими последовательности развития событий. Кроме того, данный инструмент позволяет включать разные виды информации: тексты, видео- и аудиофайлы, графические изображения.

Следующий инструмент *интерактивная карта* (StoryMap) помогает рассказать историю максимально ярко и доступно, если события происходят в нескольких географических точках, например, при изучении тем «Путешествие», «Достопримечательности родного города». Интерактивные карты создаются на основе текста, изображений, аудио и видео.

Для продуктивного сторителлинга, когда обучающиеся самостоятельно разрабатывают историю, например, выполняя задания по написанию сказок, возможно использование таких сервисов как Zimmertwins (создание анимационной истории), Toondoo (создание комиксов), Storybird (создание истории в виде книги).

Таким образом, на занятиях по иностранным языкам с использованием техник визуализации сторителлинг как метод может использоваться для обучения монологической речи как репродуктивного, так и продуктивного характера. На этапе продуктивного устного высказывания разнообразие инструментов визуализации помогает воздействовать на эмоции и чувства, преодолеть психологический барьер к общению по изучаемой теме на иностранном языке.

Summary. This article presents services for visualizing text created using the storytelling technique. using the technique of storytelling. Storytelling involves the use of stories, narratives to achieve educational goals and outcomes. For better perception of stories there is a possibility of visualization of the text through the use of word clouds, timelines and interactive maps.

Keywords: storytelling, visualization, word cloud, timeline, interactive map.

Литература

1. Blaine R., Seely C. Fluency through TPR storytelling: Achieving real language acquisition in school. Berkeley, CA, 2014. – 220 p.
2. Dujmovic M. Storytelling as a method of EFL teaching. *Metodički obzori: časopis za odgojno-obrazovnu teoriju i praksu*. 2006. Vol. 1. No. 1. Pp. 75–87.
3. Комарова, М. А. Дидактический потенциал облаков слов (word cloud) в преподавании иностранного языка / М. А. Комарова // Картина мира через призму китайской и белорусской культур: сборник статей международной научно-практической конференции, Минск, 14 декабря 2018 г. / редкол.: М. В. Мишкевич (науч. ред.) [и др.]. – Минск: БГАТУ, 2019. – С. 46–49.

Научное издание

ЛИНГВИСТИКА И МЕТОДИКА В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ

Выпуск 16

Сборник научных статей

Ответственный за выпуск: С. В. Гончар
Компьютерная вёрстка: Е. А. Дикевич